

Татьяна Добрянская

БЛИЗКОСТЬ

Он ворвался в мою жизнь, словно смерч, снося всё на своём пути. Ломая то, что я с таким трудом строила.

Я не хочу чувствовать к нему ничего, кроме ненависти и злости. Не хочу! Не могу! Нельзя!

Но, чем дальше я бегу от него, тем ближе он оказывается. Снова и снова доказывая мне, что разум над сердцем не властен.

Пролог

— Качай сильнее, Андрюша, я не испугаюсь! — весело кричала маленькая девочка, дрыгая ногами в воздухе и нетерпеливо ёрзая на качелях.

— Котёнок, не дёргаясь так, а то свалишься. — хмурился парень лет четырнадцати, но всё же, повинаясь просьбе младшей сестры, толкал качель сильнее.

— Даже если буду падать, ты обязательно меня поймаешь. — смеялась девочка, ритмично двигая корпусом и ногами, помогая брату быстрее раскачать качель.

— С чего такая уверенность?

— Потому что знаю. Ты никогда не позволишь мне упасть.

Глава 1. Катя

"Счастье есть лишь мечта, а горе реально." Вольтер Она лежала на земле Глазами целясь прямо в небо Так никогда с ней ласков не был Весь мир кипящий на огне Холодной тенью в тишине Раскинув руки, выгнув тело Обняв огромный мир не смело Она лежала на земле Русский Размер

Той девочкой была я — Катя Соколова. Мой брат нежно звал меня Котёнком. Он говорил, что я такая же маленькая, милая и пушистая, и также мурлычу, когда мне от него что-нибудь нужно.

Я очень любила своего старшего брата. Такие разные снаружи, мы были очень близкими внутренне. Я была точной копией нашей мамы — не высокого роста, худенькая, с длинными каштановыми волосами и серо-голубыми глазами, небольшим слегка вздёрнутым носиком и пухлыми губами. Не смотря на то, что я была совсем ещё ребёнком, было очевидно, что я буду миниатюрной.

У Андрея, в противовес мне, были русые, как у нашего папы, волосы, а черты лица настолько правильные, как буд-то его рисовал художник. Уже в подростковом возрасте брат был высоким и крепким. Я думаю, что про него можно даже сказать, что он был красив. Но что мне действительно в нём нравилось — это глаза. Они были глубокого зелёного цвета, такого необычного оттенка, что казались ненатуральными. Два огромных малахита ярко выделялись на его правильном лице. Их невозможно было не заметить, они горели настолько ярко, что, войди он в полную мрака комнату, она бы озарилась одним только свечением его глаз.

Между нами была разница в целых одиннадцать лет, но, казалось, не существует более крепкой дружбы и преданности чем та, что была между нами. Я всегда переживала и плакала, когда папа кричал на него за любой мой проступок. Отец говорил, что обязанность Андрея смотреть за мной и оберегать от всего. И если я проказничала, то виноват был Андрей, если ударялась, то получал за это тоже брат. Я любила папу, но даже тогда, будучи четырёхлетней девочкой понимала, что он не справедлив к нему.

Я никак не могла понять, почему один и тот же человек настолько по разному относится к своим детям. Меня папа просто обожал. Он всегда был ласков со мной, никогда я не слышала от него ни единого грубого слова, в то время как Андрей получал по ушам бквально по любому поводу.

Благо, наша мама никогда не делала различия между нами. Мы оба всегда были её любимыми детьми. Она, также как и я, расстраивалась и плакала, когда отец кричал на Андрея или бил его. Но в нашей семье папа был главным, его авторитет давлел над всеми, и над мамой в том числе.

Помню, как я разбила вазу, когда лезла в кухонный шкафчик за конфетами, и папа за это отлупил Андрея ремнём, а потом заставил собирать осколки и мыть пол.

Но брат никогда не винил меня за такое отношение к нему. Он любил и заботился обо мне всегда. Ни разу я не слышала от него слов осуждения или косоого взгляда, после очередного нагоняя от отца.

— Ты ненавидишь меня? — спросила я у него, когда, стоя на коленках, он собирал осколки от той злосчастной вазы.

— Что? Нет! С чего ты вообще такое взяла? — удивлённо посмотрел на меня Андрей.

— Потому что это я во всём виновата. Я разбила эту вазу! И вообще, мне папа не разрешал трогать конфеты до ужина, а я не послушалась. И вот, посмотри, что получилось — от обиды я начала плакать, опустившись рядом с Андреем и обхватив себя руками за коленки.

— Котёнок, не надо! — с горечью в голосе сказал брат. Он бросил осколки обратно на пол и, крепко прижав меня к себе, стал гладить по голове. — Я совсем не сержусь на тебя, честно. — уверял меня он.

— Правда? — пропищала я в ответ.

— Конечно. Я же люблю тебя, малышка. — ласково сказа брат. Потом потрепал меня по голове и добавил — Разве можно всерьёз обижаться на котят?

И мы засмеялись.

Я знала, что Андрей говорит правду. И даже не смотря на действительно тёплые отношения с отцом, по настоящему близка я была только с братом. Я и мысли не допускала о том, что может быть по другому.

Но один злосчастный вечер разрушил всю мою жизнь. До сих пор я вспоминаю тот день с содроганием. ***

Это был день рождения Андрея. Ему исполнилось семнадцать лет. Всю первую половину дня мама провела за готовкой. Мне было приятно, что этот день был посвящён моему брату. Я беззаветно радовалась тому, что сегодня всё будет только для него, слишком мало в его жизни было дней, в которые он бывал действительно счастлив. Но сегодня всё должно было быть идеально.

Помню, я тогда увлекалась шитьём мягких игрушек и в подарок для Андрея сшила ему мягкого белого котёнка.

— Это тебе. С днём рождения! — я счастливая стояла возле его кровати и протягивала брату его подарок.

Он только проснулся, и я застала его врасплох.

— Котёнок, это ты сама сшила? Для меня? — не понимаю почему, но Андрюша был очень удивлён.

— Ну да... — застенчиво пробубнила я. — Тебе не нравится?

— Да ты что! Это лучший подарок, Катюшка. — просиял Андрей. — Этот котёнок напоминает мне тебя — лукаво улыбнулся он.

Брат схватил меня в охапку и крепко сжал в объятиях. Я ворчала и отбивалась, но на самом деле была просто счастлива. Я любила, когда он так обнимал меня и дорожила этими моментами нашей с ним близости. Я нуждалась в нём, как в воздухе. И, если мы долго не были вместе, ощущала физический и душевный дискомфорт. Я была зависима от него, но была слишком маленькой, чтобы чётко это осознавать.

— Ну так что, какие планы на сегодня? — спросила я, когда он наконец разжал свои объятия.

— Не знаю даже. Хочу провести этот день с вами. — пожал плечами Андрей. Для семнадцатилетнего парня он был на удивление домашним. Гулянкам и друзьям он всегда предпочитал вечера в кругу семьи, вечера со мной.

Мы посидели за столом. Мама приготовила все любимые блюда Андрея. Всё было хорошо. Брат был счастлив, и я была счастлива вместе с ним.

Пару часов спустя, мы наевшись до отвала, смотрели телевизор, когда у Андрея

зазвонил телефон.

— Это Паша — объяснил брат. — Зовёт погулять.

— Иди конечно — сказала мама. — Сегодня же твой праздник. Друзья наверняка тоже захотят тебя поздравить.

— Ну, я даже не знаю — засомневался он. — Хотел провести вечер с вами...

— А давай вместе пойдём! — вскочила я на ноги. Если честно, мне ужасно скучно было сидеть весь день дома. Андрей был спокойным и домашним, ну а я неугомонной маленькой непоседой. — Папочка, пожалуйста, разреши мне пойти с Андрюшей! — конючила я.

— За сестру головой отвечаешь. — резко ответил отец, давая понять, что мы получили его позволение. Андрей только коротко кивнул.

Я счастливая бегала по дому, а мама помогала мне одеться. Через пол часа мы уже встретились с друзьями Андрея в парке через дорогу от нашего дома.

— Держи, дружище — Паша протянул Андрею бутылку пива.

— Сдурел чтоли? — возмутился Андрей — Я с сестрой младшей сюда пришёл, если ты ещё не заметил.

— Да ладно тебе, монашка — поддразнил его Костян. — это же всего одна бутылка, ничего тебе от неё не будет.

Брат неуверенно покосился на меня, но не увидев на моём лице признаков неодобрения, взял бутылку и сделал глоток.

Так мы и сидели на лавочке. Брат с друзьями неспешно потягивали пиво и болтали о чём-то своём, а я, не понимавшая суть разговоров трёх взрослых парней, просто бегала по парку.

— Котёнок, далеко не убегай — предупредил меня брат — чтоб я тебя видел.

— Да не переживай ты, Андрюша! Здесь я, здесь. — запыхавшись отвечала я. Внезапно моё внимание привлекла дворовая собака. Я и раньше её видела, но мама никогда не давала мне её погладить. Но сейчас мамы рядом не было. Я неуверенно покосилась на Андрея, он о чём-то увлеченно говорил с друзьями, активно жестикулируя.

Я стала подходить к псине, в надежде, что она даст мне себя погладить. Но собака явно была не приручена. Она с опаской отходила от меня. Через минуту я уже весело носилась по парку, а бедный пёс с испугом от меня убежал.

В какой-то момент собака сиганула через дорогу, в надежде от меня отделаться. Но я была настолько возбуждена и увлечена происходящим, что не задумываясь ринулась за ней. Меня вернул к реальности резкий сигнал машины и свет фар. Последнее, что я увидела, это испуганный взгляд водителя, когда он в панике давил на тормоза. Потом я почувствовала резкий толчок холодного металла и рухнула на землю.

Спустя мгновение ко мне со всех ног нёсся Андрей.

— Катя! Котёнок, скажи что-нибудь! — в его голосе была не прикрытая паника. — Катя, ты слышишь меня?! — на этих словах он уже крепко сжимал мои детские плечи в своих больших руках.

Вокруг тут же образовалась небольшая толпа. Я слышала возгласы, кто-то всхлипывал. Рядом послышался чей-то испуганный голос:

— Я не виноват. Эта сумасшедшая сама выскочила на дорогу на красный свет. Я еле успел затормозить — видимо это был водитель сбившей меня машины.

Мне несказанно повезло, что он всё же вовремя затормозил. Я отделалась всего лишь синяками и царапинами.

— Котёнок, я сейчас вызову скорую, тебя должен осмотреть доктор! — волновался брат.

— Нет, Андрюша, пожалуйста, не надо! — закричала я. Пытаясь подняться, я схватила его за запястья, но он крепко держал меня, не позволяя встать. Я всегда панически боялась врачей и плакала от одного вида белого халата. — Со мной всё, хорошо, честно! Мне даже не больно. Умоляю, давай просто пойдём домой!

Брат какое-то время неуверенно смотрел на меня, взвешивая все "за" и "против", потом, сжалившись, ответил:

— Ладно! Но сама ты не пойдёшь! — он бережно взял меня на руки, и молча, оставив испуганного водителя и других зевак стоять на дороге, понёс в сторону дома.

Когда отец открыл дверь, я сразу поёжилась от его свирепого взгляда.

— Что ты с ней сделал, ублюдок! — заорал отец, увидев ссадины и царапины на моём теле. Его глаза покраснели, а на шее вздулась и запульсировала вена.

Андрей осторожно поставил меня на пол и виновато опустил голову вниз.

— Иди в комнату, Катя — прошептал он еле слышно.

— Папочка, не надо! — заплакала я. — Это я сама виновата. Я играла с собакой, она побежала через дорогу, а я побежала за ней... Я...

Но я не успела договорить, когда отец схватил Андрея за волосы и швырнул его к стенке. Андрей упал, а папа метнулся к нему и ударил кулаком в рёбра.

Дальше всё было как в тумане. Вот кричит и плачет мама. Отец отталкивает её от себя. Он всё бил и бил Андрея, а тот не издавал ни звука.

Когда отца наконец удалось оттощить, на брата было невозможно смотреть. Всё его лицо было в кровоподтёках, губы разбиты, а под глазом красовался багровый синяк. Его одежда была порвана в нескольких местах, рёбра покрыты синяками.

В истерике я кинулась к Андрею, но он вытянул перед собой руку, не позволяя мне подойти. Спустя несколько минут, он поднялся с пола, хромя зашёл в свою комнату и запер дверь. Я тут же метнулась за ним, барабаня в дверь кулаками и умоляя Андрея впустить меня, но он не открывал. Мама утщила разъярённого отца в спальню, боясь, что он опять накинется на брата, а мне велела сейчас же отправляться к себе.

Несколько часов я проплакала в подушку, а потом в изнеможении уснула.

На следующее утро меня разбудил громкий плач матери. Я тут же вскочила и побежала в коридор, боясь, что папа опять избивает Андрея.

Я нашла родителей в комнате брата. Она была практически пуста, как буд-то в ней никто и не жил. Куда-то пропали все вещи Андрея и самого его тоже не было. Мама в слезах сидела на его кровати, а в трясущихся руках держала листок. Я выхватила бумагу, чтобы прочитать что на ней написано. Там было всего четыре слова: "Я всех вас ненавижу".

Андрей ушёл. Он бросил меня. Не смотря на мольбы мамы, отец не позволил нам его искать, сказав, что он уже взрослый и должен уметь отвечать за свои поступки. С тех пор я никогда больше не видела и не слышала своего брата. Моя жизнь закончилась в тот самый день, когда я прочитала те злосчастные четыре слова. Я ничего не ела, и ни с кем не разговаривала.

Я всё никак не могла понять, как он мог так со мной поступить, как он мог оставить меня. Брат меня ненавидел. Вероятно, он считал меня виноватой в том, что отец так его избил. Теперь, прочитав его послание, я знала это точно. И в чём-то он действительно был прав. Это Я не послушалась его, когда он сказал мне не убегать, Я погналась за той собакой, Я сиганула за ней через дорогу. Это всё была Я...

Через два года не стало наших родителей. Они разбились на машине, когда ехали от гостей. Из разговоров на их похоронах я поняла, что папа был пьян и не справился с управлением. Их машина влетела в столб. Отец умер на месте, а мама скончалась по дороге в больницу, не приходя в сознание.

Я тихонько сидела в углу своей комнаты, когда услышала голоса. Это была наша соседка и близкая подруга моей мамы тётя Лида. Она разговаривала с какой-то женщиной с маминой работы.

— Что же теперь будет с Катей? — причитала женщина — У неё есть родственники, которые могут её забрать?

— Нет — подавленно ответила тётя Лида. — Никаких родственников.

— У них ведь кажется ещё был старший сын? — не сдавалась мамина коллега — На сколько я помню, он уже совершеннолетний и вполне мог бы оформить опеку над сестрой. — её голос перешёл в шёпот. — Всё же лучше, чем отправлять бедную девочку в детский дом.

От этих слов я вздрогнула. До этого момента я даже не задумывалась о том, какая участь теперь меня ждёт. Не мудрено, ведь мне было всего восемь лет, и я не понимала всех проблем, появляющихся со смертью родителей. Я чувствовала только боль от потери последних родных людей, оставшихся у меня после ухода самого дорогого в моей жизни человека — брата.

— Андрей ушёл из дома два года назад. — обречённо сказала тётя Лида. — Я даже не знаю что с ним и где он сейчас находится. Я бы взяла девочку к себе, но сама мать одиночка с двумя детьми, едва свожу концы с концами, мне её не отдадут... Я пыталась найти её брата, чтобы просить позаботиться о Катюше, но так и не смогла ничего выяснить. Он просто исчез...

После этих слов я уже не могла сдерживать себя. Комок, всё это время стоявший в моём

горле, обрушился горькими слезами, на мои горячие щёки. Я сидела на полу и раскачивалась как маятник, обнимая себя руками. На мои рыдания прибежала тётя Лида. Она успокаивала меня, гладила по голове, уверяя, что всё будет хорошо, что всё наладится. Но я знала, что это ложь...

Через неделю меня оставили на пороге детского дома. Тётя Лида заверила, что будет приезжать ко мне и навещать, а я молчала, не зная, что ей ответить. С минуту постояв, но так и не дождавшись моего ответа, она обняла меня, поцеловала в лоб и тихо удалилась.

Моя дальнейшая жизнь, проведённая в стенах детского дома, была одним не прекращающимся кошмарным сном. Все дни слились в один и воспоминания путались. Помню, как я впервые переступила порог спальни для девочек, под пристальными взглядами озлобленных на весь мир детей — сирот, таких же как и я.

Помню как первый раз меня ударила соседка по палате, за то, что я не хотела показывать ей свой фотоальбом — последнее воспоминание, оставшееся от моей семьи. В тот раз они рассекли мне бровь, разбили нижнюю губу и разорвали все фотографии в ключья. Уничтожили единственную ниточку, связывающую меня с прошлым. Тогда, ко мне впервые пришло осознание того, что я теперь одна.

Первое время я всё ещё надеялась на то, что Андрей вернётся. Видела во сне, как он забегает ко мне в палату, берёт на руки, обнимает и навсегда забирает из этого страшного места. И даже спустя пол года, проведённого в стенах приюта, я продолжала верить и ждать его прихода.

Моей веры хватило на год, прежде, чем я окончательно сломалась. Думаю это произошло после того, как меня очередной раз избили в туалете два парня, затаскившие меня туда просто для того, чтобы поиздеваться. Именно в тот день, лежавшая на холодной плитке и боявшаяся подняться, на случай, если мальчишки ещё где-то рядом, ко мне пришло полное понимание того, что у меня больше никого не осталось.

В ту секунду с пола поднялась уже не та маленькая и слабая Катюша, наивно ждавшая, кого-то, кто мог бы её защитить. Нет. В то самое мгновение родился новый человек — человек, готовый на всё, чтобы выжить.

С тех пор я больше не плакала по ночам и не ждала Андрея. Я с корнем вырвала из себя это имя. Мысленно похоронила его вместе с нашими родителями. Только его могила была не на кладбище, а в моём собственном сердце... И да, я больше никому не позволяла себя обижать. Конечно, меня не преставали бить и оскорблять, детский дом — это дикое место, и живут в нём не иначе как по закону джунглей.

Но в ответ на толчки и удары, я била в ответ. С воплями и визгами я бросалась на своих обидчиков, рвала и кусала, била и царапалась. С каждым новым годом, проведённым в приюте, я становилась всё более мрачной, замкнутой и обзлённой на весь мир. Я осознанно не заводила друзей и не сближалась ни с кем. Где-то в самой сердцевине моей детской души глубоко засело простое уравнение — близость=разочарование=страдание=боль. А я не хотела больше боли. Физический дискомфорт меня не пугал, тогда как страданий душевных я боялась как огня и сделала всё, чтобы не испытывать это чувство вновь. Воспоминания о семье, обо мне прежней... и о нём (больше я не позволяла себе произносить его имя, даже в своей голове) отходили на задний план, тускнели, а многие и вовсе исчезли где-то в глубинах подсознания.

Тётя Лида в начале навещала меня очень часто — каждый месяц. Но мне не нужна была эта связь с прошлым. Я всеми силами пыталась оборвать любые нити, оставшиеся от моей прошлой жизни, так мне было легче. Я не шла с ней на контакт, грубила и злилась, а иногда и вовсе отказывалась выходить из спальни, когда она приезжала ко мне. Поэтому её визиты со временем становились всё реже и реже. В конечном итоге, она стала приезжать только на праздники, чтобы передать немного домашней еды, обычно это были пирожки или булочки её приготовления.

Детский дом стал моим кладбищем и одновременно местом моего возрождения. В стенах приюта родилась новая Я, навсегда похоронившая те последние кусочки любви и надежды, жившие во мне когда-то.

Глава 2. Катя

"Странно ли, что тебе нет никакой пользы от странствий, если ты повсюду таскаешь самого себя?" Сократ Ты снимаешь вечернее платье стоя лицом к стене, И я вижу свежие шрамы на гладкой как бархат спине, Мне хочется плакать от боли или забыться во сне, Где твои крылья которые так нравились мне? (Наутилус "Крылья")

9 лет спустя.

Я просыпаюсь от яркого солнца, пробивающегося сквозь не до конца задвинутые шторы в спальне для девочек. Соседки по палате копошатся у себя на кроватях, потягиваются и, тяжело волоча ноги, плетутся к душевым. Я не спешу, хотя и знаю, что скоро всех погонят на завтрак и хотелось бы, вообще-то, успеть хоть зубы почистить. Тем не менее, я продолжаю лежать в кровати и наблюдать за всеобщей обыденной утренней суматохой. Сейчас лето, учёба закончилась, последние экзамены сданы и я несказанно рада тому, что впервые за последние несколько месяцев, наконец, могу позволить себе не спешить, не нервничать, не гнаться, а просто расслабленно лежать, закинув ногу на ногу и сцепив руки за головой.

— Соколова, а ты у нас что, особо привилегированная? — открыв глаза, вижу уставившуюся на меня недовольным взглядом воспитательницу. — На завтрак всех зовут, или ты неожиданно оглохла? Так я тебе сейчас быстро слух верну.

Пару секунд смотрю на неё, пытаюсь придумать какую-нибудь колкость в ответ, но мозг с утра работает вяло, поэтому просто лениво протягиваю:

— Да иду я уже. Что, Нина Александровна, без меня кусок в горло не лезет? И неторопясь плетусь чистить зубы.

— Имей ввиду, если ровно в восемь утра я не увижу твоей наглой морды в столовой, останешься драить кастрюльки. Ты меня знаешь — грозится та.

— Знаю, знаю. — кричу уже в дверях. — Не волнуйтесь вы так. И соскучиться по моей морде не успеете. — и не дожидаясь ответа бегу в ванную.

— Нахалка — доносится до меня крик из палаты. Нина Александровна — наша воспитательница, женщина строгая, любящая порядок и дисциплину, но в душе совершенно не злобная. Я никогда не воспринимаю всерьёз её жёсткий тон, потому что знаю, что это всё напускное. Она, в свою очередь, не сердится на меня за мою несдержанность в речах и поведении, хотя и ворчит из-за этого исправно, да и наказывает частенько, но не сурово. Вообще, мне нравится, как складываются наши с ней, так сказать, деловые отношения. Мы, как бы, на одной волне, если можно так выразиться. Во всяком случае, мы друг друга понимаем.

В столовой шумно и душно, пахнет кашей и какао. сидя за столом, я без аппетита ковыряюсь ложкой в овсянке, левой рукой подперев подбородок. Я вообще не отличаюсь любовью к еде, возможно, поэтому такая худая. При моём росте 158 см, вешу всего 42 кг, хотя грудь у меня всё-таки выросла, небольшая правда, но уж какая есть.

— Ты сколько баллов по алгебре получила? — выводит меня из транса вопрос, сидящей рядом девчёнки.

— Не помню. — бурчу в ответ, не желая вступать в диалог.

— Что даже примерно вспомнить не можешь? — не унимается соседка по столу.

— Блин, да что ты докопалась? — я не отличаюсь разговорчивостью, да и терпением тоже. — Не переживай, я на твоё бюджетное место в универе не претендую.

— Ой, да с чего ты взяла вообще, что я переживаю... — пытается оправдаться Машка. Я в ответ только фыркаю и продолжаю своё издевательство над кашей. Я и так этой ботаничке слишком много времени уделила. Не то, чтобы меня бесила именно Машка, я просто в принципе не любитель долгих диалогов. Предпочитаю, когда ко мне не пристают с пустой болтавнёй.

— Да, Маша, не переживай, Соколова тебе явно не конкурент. Она вообще по части мозга только с улиткой может конкурировать — подаёт свой писклявый голос Юлька Измайлова. Как же меня бесит эта тупая идиотка. Фигуристая блондинка с пышным бюстом и округлой задницей, короче говоря, полная противоположность мне — маленькой, худой брюнетке. Это бабища из разряда, знаете, таких гламурных куриц, цель жизни которых втаптывать в грязь всех, кто попадётся им на пути. Видимо, для таки как она это дополнительный способ самоутверждения. Стоит отдать ей должное, в своём деле она не плохо преуспела. Скольких девчонок она довела до истерики говном, льющимся из её поганого рта. Но со мной этот фокус не прокатывает. Думаю этот факт её довольно сильно бесит, потому что она не может спокойно пройти мимо меня, не продемонстрировав всю свою змеиную натуру в полной красе. А если учесть тот факт, что мы спим в одной спальне, стычки у нас с ней происходят довольно часто.

— Измайлова, что я слышу? Неужели ты, наконец, смогла составить предложение больше чем из трёх слов? Так держать, глядишь к сентябрю и до сложноподчинённых доберёшься. — подмигнув Юльке, встаю из-за стола и направляюсь во двор, пока эта тупица, краснея от злости и напрягая последние остатки извилин, сочиняет, что мне ответить. Вступать с ней в полемику мне слишком лениво. Во дворе меня уже догоняет Нина Александровна.

— Соколова, а ну стоять.

— Нина Александровна, так не честно! — обиженно поворачиваюсь — Мы договаривались в восемь, я не опоздала. Даже не надейтесь мне втюхать ваши вонючие кастрюльки.

— Во-первых, сбавь тон, Соколова, а то и вправду на кухню отправлю — запыхавшись отвечает воспитательница. — Во-вторых, скажи мне, пожалуйста, ты когда документы в институт собираешься подавать? Соколова, ты головой думаешь своей вообще? Ты так все сроки прошляпишь!

— Нина Александровна, ну вы опять? — закатываю глаза — Да подам я ваши дурацкие документы. У меня неделя ещё есть.

— Они не мои дурацкие документы. Чтобы завтра же всё подготовила, я тебя предупредила, Соколова, ты меня знаешь.

— Ниночка, Александровна, ну ладно вам злиться — слегка приобняв женщину за плечи притворно сюсюкаю. — Ладно, пойду я, дела-дела.

— Какие ещё дела, что ты опять придумала? — слегка смягчившись отвечает Нина Александровна.

— Как какие? Я из-за вашего завтрака душ-то так и не приняла. Что же мне, вонять теперь весь день? — улыбаюсь своей самой ангельской улыбкой и бегу в сторону корпуса.

— Соколова, ты меня в гроб загонишь — доносится до меня усталый стон воспитательницы.

Через пару минут я уже стою в душевой под тёплыми струями воды. Сейчас большинство воспитанников слоняются во дворе, так что можно помыться спокойно, без толкучки и лишнего шума. Самое сложное это промыть волосы. Я счастливая обладательница длинной доходящей до поясницы шевелюры, поэтому каждый раз мучаюсь, промывая волосы от шампуня. Но стричься всё равно не хочу, терпеть не могу, когда трогают мою голову, а представляя, что кто-то будет в ней копошиться, расчёсывать и кромсать ножницами, я и вовсе мурашками покрываюсь.

Вдоволь намывшись, я заматываюсь в банное полотенце и с мокрой головой и в банных тапочках шлёпаю в спальню. Зайдя в комнату, вижу сидящую на моей кровати с самодовольной ухмылкой Юльку. Рядом с ней на соседних кроватях её подпевалы — вечная свита в лице двух подружек Наташки и Людки. Ещё пара девчёнок из нашей спальни крутятся возле зеркала.

— Сколова, ты что это у нас для порноролика готовишься? — лыбится Юлька, при виде меня в одном полотенце. Овца, видимо решила отомстить мне за инцидент в столовой.

— А ты что, завидуешь, что тебя не пригласили? — парирую я. — Вали давай с моей кровати.

— Да что ты, Катюнь, я наоборот за тебя рада. — отвечает Измайлова, даже и не думая освободить моё место. — Я вот думаю, — задумчиво продолжает она — а в кого у тебя актёрский талант открылся. Может твоя мать тем же промышляла?

Сука! Не долго думая, я кидаюсь на эту белобрысую стерву, по дороге потеряв тапочки, стаскиваю её с кровати и валю на пол. Юлька, вся красная, лёжа на спине, визжит как индюшка, орёт и брыкается, а я в это время, как есть, в одном полотенце взбираюсь на неё верхом и, схватив за волосы, со всей дури долблю её тупой бошкой об пол. Рядом как оглошенные визжат девчёнки. Юлька пыхтит и пытается отодрать от себя мои руки, но я вцепилась в эту дрянь мёртвой хваткой.

— Немедленно прекратить! — раздаётся где-то рядом грозный возглас. Обернувшись, но всё ещё продолжая седлать Юльку, вижу на пороге нашей спальни заведующую детского дома.

Рядом с ней стоит красивый молодой мужчина в белой футболке, плотно обтягивающей внушительных размеров мускулы, синих джинсах и светлых кроссовках. Мужчина высокого роста, на вид не старше тридцати, с короткими русыми волосами, но самое главное, то на что я сразу обращаю внимание — его глаза. Пусть пройдут хоть десятки, хоть сотни лет, эти малахитовые глаза я узнаю среди тысячи и никогда в жизни не спутаю ни с чьими другими.

Это *Его* глаза. На пороге нашей спальни стоит Андрей.

Вцепившись двумя руками в руль и не отрывно уставившись в лобовое стекло, я на полной скорости гоню машину по шоссе.

Клялся же себе, уговаривал, что оставляю прошлое в прошлом. А это значит никаких связей с Катей. Забыть, вычеркнуть из жизни раз и навсегда. Так правильно, так будет легче и мне и ей. Не справился, не выдержал, не смог. Приказал своим ребятам навести о ней справки. Говорил себе, что мне просто нужно убедиться в том, что с ней всё в порядке, что она здорова и счастлива. Вот удостоверюсь и уж тогда точно... Когда начальник моей охраны сказал, что моя сестра вот уже девять лет как сирота и живёт в детском доме, у меня в груди всё оборвалось и упало куда-то в ноги к чертям собачьим. Хотелось всё крушить, ломать от ярости и ненависти к себе. И я ломал. Разнёс к ебням весь свой кабинет. Сломал стол, разбил аквариум, выпустил в дорогой кожаный диван всю обойму. А потом вырвал у своего человека из рук досье на сестру, рванул к машине и уже через пару минут мчал по адресу детского дома, указанному в папке.

В голове какая-то полнейшая каша, я, блять, вообще не могу осознать что происходит. Из полного хаоса в руинах сознания только одна мысль пробивает себе дорогу, как палач, медленно и безжалостно достигая своей жертвы, чтобы добить, сломать меня окончательно — моя маленькая сестра совсем одна, среди чужих людей. Что с ней? Как она? Может её кто-то обижают. От этих мыслей меня начинает лихорадить и я сильнее сжимаю руками руль, так что пальцы становятся белыми и начинают неметь. Но мне насрать на это. Чёртов руль, как единственная ниточка, за которую я удерживаюсь, чтобы не лишиться остатков рассудка и сохранить связь с реальностью.

Через час я уже сижу в кабинете директора, нервно сжимая и разжимая кулаки и играя желваками.

— Молодой человек, я конечно очень рада, что у Екатерины нашёлся родственник, но настоятельно призываю вас, подумайте хорошенько. — уговаривает меня директор детского дома, сидя за столом в своём кабинете. — Девочке уже 17 лет. В скором времени она достигнет совершеннолетия. Я решительно не вижу причин для чего вам понадобилось её забирать. — удивляется она. — Несколько месяцев она вполне может дожить здесь. Тем более, что в новом учебном году она должна будет пойти в университет, а по достижении восемнадцатилетия сможет вернуться в квартиру родителей.

— Лариса Аркадьевна, я ей не какой-то там родственник — я уже начинаю медленно вскипать — Напоминаю вам, что я её родной брат и у меня есть полное право забрать отсюда свою сестру, и я это сделаю. — процеживаю сквозь зубы, стараясь сохранить остатки самообладания. Не хватало ещё переломать в этом концлагере для малолеток всю мебель.

— Да, конечно, Андрей Петрович, вы совершенно правы — заведующая явно уловила гневные нотки в моём голосе, потому что её собственный начинает дрожать и она с опаской на меня поглядывает. — Я ни коим образом не пытаюсь вам помешать. Просто хочу, убедиться, что вы осознаёте на что идёте — пытается уговорить меня женщина. Девочка провела у нас 9 лет, большую часть своей жизни — эта фраза больно режет меня по сердцу. — Поймите, что дети у нас, так скажем, не из самых лёгких — деликатно продолжает Лариса Аркадьевна. — Катя не знает жизни вне приюта. Они здесь живут в своём своеобразном мирке и далеки от всего происходящего снаружи. Этим детям

необходим особый подход. Не хочется вас пугать, но будет, мягко говоря, не просто, тем более с Катериной. Она у нас девочка сложная.

— Я осознаю, Лариса Аркадьевна. Уверяю вас, я сделаю всё, чтобы Катя чувствовала себя комфортно и в безопасности. Но её место дома, со мной. — твёрдо отвечаю, давая понять, что диалог окончен.

— Ну что ж. Тогда пойдёмте, я провожу вас к сестре. — вздыхает женщина. Поднявшись со стульев, мы выходим из её кабинета.

Я ужасно нервничаю, потому что не знаю, как Катя воспримет встречу со мной. Вдруг она будет плакать, или ей станет плохо? Боже, да она же ещё совсем ребёнок, маленькая незащищённая девочка. Из размышлений меня выводит вопль заведующей.

— А ну прекратить! Соколова, что ты тут опять устроила?! Немедленно слезь с Измайловой! Я сказала сейчас же!

Выхожу из-за спины директрисы и наблюдаю интересную картину — две девушки борются между собой на полу. Причём, на той, что сверху, нет ничего, кроме банного полотенца. Её мокрые волосы, спускающиеся до самой поясицы, разметались в разные стороны. С покрасневшими от усердия щеками она вдавливая какую-то кобылистого вида блондинку в пол, кажется она пытается об этот пол разбить девчёнке голову. Почему-то этот факт показался мне смешным. Попробуйте меня понять, она такая маленькая и хрупкая. Чертовски сексуальная в своей воинственности, но одновременно совершенно невинная. Вижу, как ей тяжело удерживать противницу под собой, но не сдаётся, а в глазах твёрдое намерение держаться до победного конца.

Услышав крики директрисы, девушка поднимает голову. На мгновение, её взгляд задерживается на мне, но уже через секунду она его отводит, с невозмутимым видом поднимается с пола и, уставившись на нас безразличным взглядом, скрещивает руки на груди. Наконец, я могу разглядеть эту юную амазонку в полной красе. Девчонка миниатюрного роста, с аккуратненькой ладной фигуркой и тоненькой талией, что весьма удивляет, учитывая её воинственный нрав. На милом кукольном личике располагаются большие серо-голубые глаза в обрамлении густых ресниц и аппетитные пухлые губки. На секунду залюбовавшись девушкой, забываю где, чёрт побери, нахожусь и зачем вообще сюда пришёл. Из транса меня выводит голос директрисы:

— Соколова, оденься, к тебе пришли.

Оглянувшись в поисках сестрёнки, понимаю, что заведующая обращается к девушке в полотенце. Подождите... КАТЯ???. Это и есть моя маленькая сестрёнка???. Не может быть... "А чего ты ожидал, идиот?" обращается ко мне моё подсознание." Ей же уже семнадцать лет. Или ты рассчитывал увидеть ту же шестилетнюю малышку, которую когда-то оставил в родительском доме?" Да уж... действительно кретин.

— Что это ещё за мужик? — недовольно спрашивает сестра, и я с горечью понимаю, что она меня не узнаёт.

Стою и, как полнейший кретин, молчу, потому что, блять, не знаю, что сказать. Не хочу её пугать, мямлить тоже не привык, жизнь заставила стать жёстким. Короче, я просто не знаю, как, мать твою, мне себя с ней вести, она же ребёнок, в конце-концов. Короче, продолжаю молчать.

— Это Андрей Петрович Соколов, твой брат — прерывает молчание директриса, о существовании которой я вообще уже успел забыть. — Понимаю, ты его не узнаёшь, столько лет прошло...

С безразличным видом сестра лезет в шкаф за одеждой и, никого не стесняясь, начинает натягивать трусики, не снимая с себя полотенце.

— Я предупреждала вас, что с ней будет не просто. — шепчет Лариса Аркадьевна и уже громче добавляет — Соколова, у тебя совесть есть? В помещении мужчина, а ты тут трусами светишь!

— Это мой брат — пожимает плечами девочка, к этому времени успев виртуозно справиться с остальной одеждой, натянуть на себя всё, не показав при этом ни миллиметра голого тела. — он мои трусы и раньше видел. К тому же, Вы сами сказали мне одеться, так в чём проблема?

— Соколова, ты меня сума сведёшь. — закатывает глаза директриса. — Слава богу, не долго тебе осталось играть на моих нервах. Собирай вещи, Андрей Петрович тебя забирает.

— Что значит забирает? — холодно-спокойное лицо Кати вмиг вспыхивает злостью — я что вещь какая-то, сегодня, оставил, а завтра забрал? Я ни куда не поеду! — она кричит и в гневе начинает метаться из угла в угол по комнате.

И тут я, наконец, решаю подать голос.

— Катя — стараюсь говорить спокойно, чтобы не раздражать и без того взбесившуюся сестру — Прошу тебя, поговорим об этом дома.

— Отлично! Можешь начинать говорить, потому что мой дом ЗДЕСЬ! — орёт она, делая особый акцент на последнем слове. — Хотя мне не нужны никакие разговоры! Пришёл? Повидал? Молодец. До встречи ещё через одиннадцать лет.

Прекрасно, теперь я хотя бы понимаю что она чувствует — ненависть. Хотя от этого конечно не легче, но это всё же лучше чем её безразличный тон. Пусть кричит, пусть ругается, но это значит, что она всё ещё что-то чувствует ко мне, что я ей не безразличен.

— Я понимаю, ты сердисься — всеми силами я пытаюсь успокоить сестру — Но я тебе обещаю, что больше тебя не оставлю. Пожалуйста, собери вещи.

Я всё ещё придерживаюсь своего плана оставаться спокойным. Катя имеет полное право злиться, а я не хочу пугать ребёнка и без того наверняка испытывавшего не мало страха в этом чёртовом зверинце, в котором она столько лет прожила без меня.

— Засунь себе свои сраные обещания в....

Так, ну всё. Не дав сестре договорить, хватаю её в охапку и закидываю на плечо.

— Что ты делаешь, козёл? — вопит Катя, дергая ногами и колотя меня своими маленькими кулачками по спине — Сейчас же отпусти меня!

— Андрей Петрович... — начинает было заведующая, но я не даю ей договорить.

— Лариса Аркадьевна, я вам очень благодарен, но дальше мы сами разберёмся. Документы мы с вами оформили, вещи можно и новые купить — не попрощавшись, разворачиваюсь, и с орущей сестрой на плече шагаю в сторону выхода.

Глава 3. Катя

«Разве вся моя жизнь не была подготовкой к защите?» Сократ

Я хочу подняться с колен. Знаю, не поможет никто, кроме белых каменных стен. Я ещё слаба. Всё равно Я вам больше не верю, я хлебнула сполна. Люди хуже, чем звери, Лучше буду одна. Я закрою все двери, Чёрный флаг подниму. Я вам больше не верю, Никому, никому.

Угрюм-река

Катя

Андрей с непроницаемым лицом тащит меня на своём плече, не обращая ни малейшего внимания на мои крики и на то, что я продолжаю неистово колотить его руками и ногами по всему во что могу попасть. Чёртов мужлан. Конечно, с такой горой мышц, ему мои жалкие потуги ощущаются не сильнее комариных укусов.

Окончательно выбившись из сил, безвольно повисаю в его руках. Мы подходим к большому тонированному чёрному джипу. Я не очень хорошо разбираюсь в машинах, но видно, что эта дорогая. Не надо быть профи в тачках, чтобы сразу это понять, потому что весь её вид кричит о том, что она стоила владельцу огромную кучу бабок. Интересно, где братец их взял? Может это не его машина? Может он работает водителем у какого-нибудь важного дяди?

Погрузившись в свои мысли, не сразу замечаю, что Андрей начинает меня опускать, и вздрагиваю, когда он аккуратно усаживает меня на пассажирское сидение, пристёгивает, а сам садится рядом на место водителя.

Незаметно на него поглядываю, он сильно изменился. Вместо мальчика, с которым мы тайком от родителей поедали по ночам печенье в кровати и тихонько хихикали, пытаюсь стряхнуть приставучие крошки, которые никак не хотели покидать место преступления, рядом со мной сидит взрослый мужчина. У него жёсткие, черты лица, суровый взгляд, он выглядит серьёзным и устрашающим, но в то же время есть в нём что-то такое.... я даже не могу это объяснить, что-то очень притягательное. Мужское обаяние, как выразилась бы Нина Александровна. Я раньше не понимала, что это значит, а вот сейчас смотрю на Андрея, на его малахитовые глаза, высокие скулы, чётко очерченные губы и начинаю понимать.

Опускаю взгляд на его накачанные руки и замечаю на них непонятные татуировки, похожие на языки пламени, спускающиеся по плечам, и доходящие почти до локтей. Но общей картины мне не видно, так как большая часть рисунка спрятана под футболкой. Но думаю это что-то масштабное. Интересно, что же там изображено?

Ловлю себя на мысли, что уже не посматриваю, а нагло разглядываю брата, в упор на него уставившись, и смущённо отворачиваюсь к окну. Андрей продолжает хранить молчание, с тех пор как закинул меня на своё плечо, я тоже не имею ни малейшего желания с ним разговаривать. Через какое-то время, я сама не замечаю, как тихонько проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь, от холодного воздуха ласкающего моё лицо и мерного покачивания собственного тела и понимаю, что уже не в машине. Тихонько открываю глаза, чувствую под своей спиной и коленками крепкий хват мужских рук, и испугавшись распахиваю глаза окончательно.

Понимаю, что нахожусь на руках у Андрея, и он поднимается со мной на крыльцо какого-то большущего загородного дома.

— Пусти меня сейчас же — начинаю с криками выдираться из его рук — Ты что, считаешь, что я совсем ходить не в состоянии?

Андрей на этот раз не настаивает, успев к этому времени открыть дверь и ставит меня на ноги в прихожей.

Молча оглядываю дом, в который Андрей привёл меня. Это даже скорее не дом, а особняк. Большой, просторный, богато и со вкусом обставленный. Видно, что хозяин не поскупился, делая ремонт своего жилища. Я нахожусь в просторном холле двухэтажного дома. Тут высокие потолки, большие панорамные окна, а в центре расположилась внушительных размеров шикарная винтовая лестница, ведущая на верхний этаж.

— Чей это дом? — не выдержав, задаю мучающий меня вопрос. Наверно это дом начальника Андрея, того, чью машину он водит. Только зачем брат привёз меня сюда? Может, за неимением собственного жилья, он живёт на территории своего шефа...

— Мой. — вырывает меня из размышлений короткий ответ Андрея.

Охренеть... других слов подобрать просто не могу. А в слух присвистываю.

— Ты что, помощник президента? — пытаюсь шутить, но как-то не смешно выходит. — Нет, серьёзно, чем занимаешься?

— Так, мелкий предприниматель. — уклончиво отвечает брат. Нормально у нас предприниматели зарабатывают.

— А конкретнее как-то нельзя? — начинаю злиться, что приходится каждое слово из него тянуть клещами.

— Торговля. — опять ничего определённого. Ну и наплевать. Не хочет отвечать, так и не надо. Я тоже не горю желанием с ним беседы беседовать. — Ладно, я пойду гляну, что у нас сегодня на ужин, а ты пока иди посмотри свою комнату. Второй этаж, первая дверь направо. — и с этими словами скрывается в одной из комнат первого этажа, судя по всему там кухня.

Я тем временем плетусь на второй этаж. Он не менее шикарный, чем первый. Меня встречает просторная гостиная с большим кожаным диваном и домашним кинотеатром, справа от гостиной идёт небольшой коридор с несколькими комнатами. Должно быть это спальни. Захожу в ту, что указал мне Андрей и вздыхаю от изумления. Не буду кривить душой, комната мне очень нравится. Большая, светлая, в нежных бело-голубых тонах. Слева от входа расположилась широкая двуспальная кровать с белым, словно лёгкие облака, полупрозрачным балдахинном. Комната обставлена просто, но со вкусом. Из мебели есть ещё прикроватные тумбочки, шкаф, комод и плазма. Всё что нужно, для жизни, при этом нет чувства захлащённости.

Снова выхожу в коридор, в поисках душа. Интуиция подсказывает мне, что найду его в самой последней комнате, располагающейся перпендикулярно остальным, и не обманываюсь. В другие спальни зайти не решаюсь, чувствуя себя каким-то шпионом, поэтому спускаюсь вниз к Андрею. В голове всплывает его фраза о том, что он пошёл проверить что сегодня на ужин. Получается, что готовит не он. Может он живёт с девушкой? Ему же, получается, уже двадцать восемь лет... Да у него вполне может быть даже жена и куча детей в придачу. Не даром на втором этаже целых четыре спальни... С этими мыслями захожу на кухню.

Нервы. Нервы. Нервы. Не могу перестать волноваться, пока сестра ходит наверху, осматривая дом. Не знаю как себя вести, что говорить. Чувствую себя полным долбаёбом и это бесит, выводит из себя, зарождая внутри всё нарастающую ярость с лёгким привкусом паники. Я, чёрт возьми, не готов к тому, чтобы брать на себя ответственность за чужую жизнь, становиться для Кати заботливым родителем, воспитывать, терпеть подростковые выкрутасы. Начинает нервно потряхивать в предвкушении закидонов не закончившегося ещё переходного возраста.

Услышав позади Катины шаги, быстро беру себя в руки и оборачиваюсь, натягивая на рожу выражение невозмутимости. Она стоит на пороге, с некоторой опаской в глазах поглядывая в мою сторону. Не доверяет мне, побаивается, думаю даже ненавидит. От осознания этого факта становится тошно от самого себя. Бедный ребёнок прожил половину жизни в детдоме, без должной заботы, без внимания семьи. Этого всего не должно было произойти с ней. Она должна была быть со мной, расти в любви, в ласке, внимании. Тут же проклиная себя за витавшие минуту назад в голове мысли о нежелании брать на себя ответственность. Чёртов ублюдок. Благодарю бога, или хрен знает кого, за то что сестра вообще осталась жива.

Окидываю её внимательным взглядом. Она такая маленькая и хрупкая. Взор падает на стройные ножки, облачённые в джинсовые шорты, поднимается к осиной талии, переходит на небольшую аккуратную девичью грудь, следует дальше к ключицам и лебединой шее, по ней вверх к пухлым губам и останавливается на серо-голубых глазах, сердито на меня взирающих.

— Закончил осматривать? — грубо спрашивает сестра, прислонившись к дверному косяку, и скрестив руки на груди.

Оставляю вопрос без ответа, и указываю ей на место за столом, куда она послушно усаживается, пока я раскладываю по тарелкам жаркое.

— А где твоя семья? Они не будут с нами ужинать? — всё тем же сердитым голосом спрашивает Катя.

Хочу ответить ей, что единственный член моей семьи сейчас сидит напротив и испепеляет взглядом, но отвечаю только короткое:

— Холост.

— Кто тогда приготовил ужин? Ой, вот только не говори, что сам — ехидничает девчёнка, чем вызывает во мне волну воспоминаний о нашем с ней прошлом. Исключительно о хороших его моментах, когда мы с Катей были вдвоём, она маленькая и беззащитная сидела у меня на плечах и вот также ехидничала и смеялась. Эти картинки вызывают теплоту — давно забытое мной чувство, растекающееся где-то в груди и незаметно охватывающее всего меня целиком. Смотрю на неё, на её широко распахнутые глаза, на повзрослевшее, но всё же до боли знакомое родное лицо, и все страхи о неожиданно нахлынувшей ответственности испаряются, уступая место абсолютной радости от того, что она снова со мной, рядом, что могу видеть её, слышать, пусть даже она язвит, сердится, пусть ненавидит меня сейчас, я это исправлю со временем. Главное, что мы снова вместе и это кажется таким правильным, что другого исхода событий не могу себе даже представить.

— Нет, не сам — выхожу из своих размышлений, вспоминая о её вопросе. — Мария Ивановна приготовила.

— Что за Мария Ивановна? — непонимающе смотри на меня своими невинными глазами, вновь вызывая приступ умиления.

— Домработница. Приходит три раза в неделю, готовит и убирается. Хватит расспросов, нужно поесть — напоминаю сестре, пододвигая ближе тарелку.

Катя мнётся, судя по выражению лица, хочет ещё что-то съязвить, но чувство голода побеждает и она всё же берёт в руки вилку.

Ужин протекает в абсолютной тишине. Кажется что воздух вокруг нас наэлектризован, накалён до предела, настолько, что скоро ото всюду начнут сыпать искры взаимного напряжения. Катя немигающими взглядом смотрит куда-то сквозь пространство, сосредоточенно пережёвывая еду.

Через некоторое время поднимается из-за стола, и, буркнув себе под нос "Спасибо", разворачивается, чтобы покинуть кухню, но я останавливаю, схватив за руку и развернув к себе. Сестра, не ожидавшая от меня такого порыва, с размаху утыкается в мою грудь. Она такая нежная и тёплая. внутри меня вспыхивает желание прижать её сильнее, уткнуться головой в волосы, вдохнуть её аромат, но я сдерживаю порыв, одновременно ощущая некое смятение от своих ощущений. Вроде бы вполне безобидное чувство, но что-то в нём кажется странным.

Сестра, тем временем, опомнившись вырывается из моих объятий.

— Катя, давай поговорим. — начинаю осторожно. Смотрю ей прямо в глаза, давая понять, что настроен серьёзно.

— Не о чем разговаривать. Всё что мне нужно знать, я уже прочла в твоей записке, которую ты тогда после себя оставил. Остальное я знать не желаю. Мне не интересно, почему ты ушёл, совершенно безразлично как ты жил все эти годы и уж тем более абсолютно наплевать, что ты хочешь сказать мне теперь. — выплёвывает на одном дыхании Катя, тяжело дыша после своего эмоционального монолога.

Дерьмо. Это будет сложно. Не хочу принуждать её ни к чему, пусть даже это просто разговор, сама мысль об этом больно бьёт по сердцу, поэтому отхожу на шаг, давая ей больше личного пространства. Девочке нужно время, она остынет, в конечном итоге я ей всё объясню, и она простит меня. Не может не простить. Сколько бы ни прошло лет с нашей последне встречи, мы всё такие же самые близкие друг другу люди. Не позволяю себе допустить мысли, что может быть иначе.

Разворачиваюсь обратно в сторону кухни, уходя бросаю через плечо:

— Ложись спать, Катя. Завтра рано вставать, у нас с тобой будет много дел.

— Каких ещё дел? — непонимающе смотрит сестра.

— Ну, во-первых тебе нужно купить новую одежду, ты же помнишь при каких обстоятельствах я забирал тебя из приюта. Во-вторых, и это самое главное, ваша директриса сказала, что ты до сих пор не подала документы в институт, так что я взял этот вопрос на себя, и сам выбрал для тебя универ. Самый лучший в нашем городе. Так что завтра едем туда подписывать договор. О поступлении не переживай, я уже уладил все вопросы, осталось только оформить бумаги.

— Какого чёрта? — бросает сестра снова заводясь с полоборота. Удивлённо смотрю на неё вскидывая брови.

— Что-то не припомню, чтобы раньше в твоём лексиконе были такие выражения.

— За одиннадцать лет вообще много чего интересного произошло — пожимает плечами Катя. — Удивляюсь, что ты меня саму то вдруг решил припомнить.

Молча выхожу из кухни. Не думаю, что она сейчас поверит словам, что не забывал о ней ни на секунду, все эти чёртовы одиннадцать лет.

Девочки, скоро развитие события станет немного погорячее, не прям чтоб лава, но всё же) в ближайшие несколько частей, мы узнаем один Катин секрет, а также станет известно, чем именно занимается Андрей и откуда у него деньги) Хочу предупредить сразу, герои романа — не идеальные люди, со своими недостатками. Будут присутствовать нецензурные выражения и откровенные сцены, но вы и так должны были это понять, увидев отметку 18+)

Прошу вас!!! Не делайте поспешных выводов о героях) Эта история отнюдь не грязная, как может показаться в какой-то момент) Если найдёте в себе силы дочитать до конца, то поймёте, что она гораздо чище, чем кажется) в первую очередь, она про любовь, понимание, прощение и веру)

P.S. Если хотите меня поддержать, то самым приятным для меня будет ваша подписка и обратная связь)

Целую, ваша Полина)

Громко топая, поднимаюсь на второй этаж, с яростью захлопывая за собой дверь спальни. "Какого чёрта?" Ещё раз повторяю свой вопрос, только уже про себя. С какой стати этот высокомерный говнюк вмешивается в мою жизнь?! Какое он вообще имеет право решать за меня моё будущее?! Я сижу на краю кровати, и в бессильной злобе сжимаю в руках простыни. Меня начинает потряхивать от гнева и безысходности данной ситуации. С какой стати этот козёл спустя одиннадцать лет сваливается как снег на мою голову, буквально выдёргивая из среды, к которой я так долго и упорно пыталась привыкнуть? И вот, когда, кажется, наконец, у меня это получилось, появляется Андрей и ломает всё, что я с таким трудом строила, нагло возомнив, что может диктовать свои условия! Ну уж нет, ничего у него не выйдет. Я не позволю ему собой управлять. Он мне никто! Давно потерял право лезть в мою жизнь. И я уже не та Катя — маленькая милая малышка, везде бегающая за своим братом, буквально боготворящая его...

Самое паршивое в этом всё-таки то, что в глубине души я прекрасно понимаю, что, в действительности, у меня нет выбора. Я несовершеннолетняя, он — мой опекун. Я вынуждена жить в его доме, по его диким правилам. Мерзкое чувство безысходности, как сильнодействующий яд, растекается по моему телу, сантиметр за сантиметром отравляя его, поглощая каждую клетку. Мне становится так гадко, что хочется рыдать. В уголках глаз появляется предательская влага. Глубоко дышу, успокаивая себя. Ни за что не стану плакать! Я не какая-то жалкая слабачка, которая при любой свалившейся на неё проблеме, бросается в слёзы. Больше нет. Давно уже нет.

Сосредотачиваюсь на глубоком размеренном дыхании и постепенно успокаиваюсь. Ну вот, так-то лучше. А теперь, Катя, включи холодный рассудок и взгляни на проблему трезвым взглядом, как делала все девять лет, пока жила в приюте. Да, я не могу уйти от него.... ПОКА не могу. Но, к счастью, мне скоро исполнится восемнадцать, я стану совершеннолетней, а значит брат больше не сможет решать за меня, у него не будет никакого права держать меня здесь. И я уйду из его проклятого дома с высоко поднятой головой. Да! Именно так я и сделаю. Эта мысль окончательно успокаивает меня и приводит в порядок, расшатавшиеся нервы. Так или иначе, но будет по-моему, нужно только немножко подождать. А пока, можно поиграть по его правилам. Пусть считает, что победил, расслабиться. Пока в один прекрасный день, я просто молча не свалю из его жизни, оставив после себя жалкую записку. Это будет, своего рода, моя ему месть. А пока я вынуждена жить на его территории, мне нужно просто на просто успокоиться, привести эмоции в порядок. Не зря говорят, что месть — это блюдо, которое подаётся холодным.

Настроение слегка улучшается. Гнев понемногу покидает меня, и его место занимает дикая усталость от этого длинного, тяжёлого дня. Глаза наливаются свинцом. Да, пора ложиться спать. Окидываю взглядом комнату и понимаю, что мне не в чем спать. Придурок не дал мне даже собрать одежду, когда бесцеремонно утаскивал в своё логово, словно хищник, поймавший добычу.

Вскакиваю со своей кровати и решительно направляюсь в комнату Андрея. Раз по его вине я осталась без своей одежды, то имею полное право воспользоваться его. Посплю в его футболке, с него не убудет. Я, конечно, могла бы спуститься вниз и попросить брата самого достать мне "пижаму", но у меня нет никакого желания снова с ним разговаривать, и вообще

видеть его самоуверенную рожу. Спальню брата нахожу быстро — это дверь прямо напротив моей комнаты. По-хозяйски распахиваю дверь и, не оглядываясь по сторонам, подхожу к шкафу. Выуживаю оттуда футболку, и, удовлетворённая возвращаюсь к себе. Быстро скидываю с себя одежду, и оставшись в одних хлопковых трусиках, натягиваю футболку брата. Меня окутывает запах его парфюма — пряный, с лёгкими нотками цитруса, смешанный с ароматом его собственной кожи. Значит, он носил её недавно... Я вдыхаю этот запах и он заполняет не только мои лёгкие, но как будто всю меня целиком. Закутывает, словно в тёплое одеяло. Мне становится так спокойно и уютно от такого, до боли родного, запаха, всё напряжение дня, все дурные мысли мигом выветриваются из головы, погружая меня в какую-то сладостную нирвану. Меня вдруг обуревают непреодолимое желание ещё раз увидеть Андрея, снова посмотреть на его возмужавшее лицо, впитать в себя давно забытые черты, дотронуться рукой. Тело непроизвольно поворачивается в сторону лестницы и ноги сами тащат меня вниз. Одурманенная этим внезапным порывом, я бреду по первому этажу в поисках Андрея. На кухне его нет, в гостиной тоже. Глаза как шальные мечутся по окружающему меня пространству в поисках знакомого силуэта. Я не понимаю, что происходит, но чувствую буквально физическую потребность.... сама не знаю в чём. Я просто хочу найти Андрея. Я даже не знаю, что я ему скажу...

Наконец, спустя минут десять безрезультатных поисков, замечаю в дальнем конце коридора приоткрытую дверь и льющийся из неё приглушённый свет. Медленно подхожу к двери, и в этот момент моё сердце переходит на галоп. Не понимаю, что со мной происходит. Я вдруг начинаю нервничать, ощущать в теле неприятный мандраж. С каждым новым шагом, приближающим меня к заветной двери, сердце бьётся всё сильнее и сильнее.

Наконец, дохожу до цели, распахиваю дверь. Комната представляет собой что-то вроде рабочего кабинета. Просторный, как и все комнаты в этом доме, оформленный в тёмно-коричневых мужских тонах и также по-мужски лаконично. Справа — бильярдный стол, слева — кожаное кресло и бар с крепким алкоголем, по центру — рабочий стол, за которым сидит Андрей.

Брат говорит с кем-то по телефону, по его хмурому взгляду видно, что он чем-то очень недоволен. Брови сведены вместе, взгляд серьёзный и сосредоточенный. Я просто стою на пороге и смотрю на него, продолжая находиться в протрации. Андрей поднимает взгляд и встречается со мной глазами. Сердитое выражение на его лице тут же сменяется удивлением.

— Катя? — произносит, как будто не верит своим глазам. И тут же резко бросает в трубку — Я перезвоню.

Не отрывая от меня взгляда зелёных глаз, брат кладёт телефон на стол. Ощущаю быстрые смены его мыслей, по такому же быстро сменяющемуся выражению лица. Из удивлённого, оно вдруг становится настороженным. Он переводит взгляд на моё тело, замечая, что из одежды на мне только его футболка, и снова переводит на моё лицо.

Катя, что-то случилось? — Андрей встаёт из-за стола и уверенным шагом направляется в мою сторону.

Хочу сделать шаг к нему на встречу, но тело почему-то перестаёт слушаться, ноги спотыкаются, и я чуть не падаю, но Андрей успевает подскочить ко мне и, удержав за талию, прижимает к себе. Меня снова окутывает его запах, заполняет мои лёгкие, проникает, кажется, в каждую пору моего тела, которое тут же покрывается мурашками. Я чувствую себя, как будто, в каком-то странном дурмане, стены комнаты начинают медленно сужаться

и мне становится тяжело дышать.

— Андрей.... я.... - успеваю выдавить из себя только два слова, прежде чем сознание покидает меня, и я медленно падаю в тёмную пропасть.

Провожая взглядом Катин силуэт, шумно топающий по направлению к спальне, и иду на кухню убирать остатки ужина. Чёртовы подростки, всё воспринимают в штыки... Ладно, нечего ныть, сам виноват, что она так меня теперь ненавидит, чего уж теперь. Ничего, я терпеливый, вода камень точит, и Катя успокоится рано или поздно. Во всяком случае, теперь она здесь, рядом, живая и здоровая. Это самое главное для меня, а её колючки я как-нибудь переживу.

Спать хочется невыносимо просто, но нужно разобраться с делами, накопившимися за день. А их не мало. Медленным шагом направляюсь в свой кабинет. Хорошо, что, уезжая за сестрой успел отдать распоряжение сменить сломанную мной мебель на новую, а то пришлось бы сейчас сидеть на созданных мною же руинах. После пары гудков слышу на том конце провода начальника своей охраны.

— Слушаю, Андрей Петрович.

— Давай к сути, Антон. — я человек дела, ходить вокруг да около и размусоливать не для меня. Привык решать все проблемы быстро, не отвлекаясь на лишние любезности.

Шувалов понимает, что я хочу услышать от него отчёт по текущим делам бизнеса, поэтому мне не приходится задавать ему вопросов. Мне нравится этот парень, он профессионал своего дела, не даром я поставил его во главе своей охраны.

— Да в общем-то всё ровно, Андрей Петрович. Морозов, разве что, ерепенился. Типс бабла свободного нет, ждите. У него долгов уже на два ляма накапало, так что пришлось нанести визит вежливости в его фирму.

— Сильно тяфкал? — ухмыляюсь в трубку.

— Да разве что поначалу. Ну ребята объяснили ему, что так дела не делаются. Устроили, так сказать, демо-версию того, что бывает с должниками Соколова. — будничным тоном продолжает Антон. — Так что он уже выводит деньги из оборота. Обещал, что в течении трёх суток они будут на вашем счету.

— Хорошо, проследи за этим моментом. Если ко вторнику бабок не будет, переходи от демонстрации к действиям.

В тот же момент ощущаю на себе тяжесть чьего-то взгляда. Поднимаю глаза и вижу сестру, стоящую в проходе, и наблюдающую за мной.

— Катя? — спрашиваю, не понимая, почему она до сих пор ещё не спит. И вспомнив, что до недавнего момента говорил по телефону, коротко бросаю — Я перезвоню.

Обвожу глазами стройную фигурку Кати. С удивлением отмечаю, что на ней моя футболка, доходящей ей до середины бедра. Взгляд продолжает блуждать по сестре, её стройным ножкам, кукольному личику, большим серо-голубым глазам в обрамлении густых чёрных ресниц. Невольно ей люблюсь. Малышка стала такой красивой... Замечаю, что она тяжело дышит, как будто ей не хватает воздуха.

— Катя, что-то случилось? — спрашиваю уже более взволнованно и поднимаюсь из-за стола, делая шаг ей на встречу.

— Андрей.... я.... - только и успевает вымолвить сестра, прежде чем свалиться без сознания в мои объятия.

Твою же мааааать! Подхватываю девочку на руки и аккуратно укладываю на диван. Её лицо бледное, дыхание сбивчивое.

— Катя, мать твою, очнись! — слегка похлопываю сестру по щекам, но она не реагирует. Меня начинает потряхивать. Страх холодными волнами расходится по венам, смешиваясь с кровью и растекаясь по моему телу, наконец, достигая сердца, сжимая в тиски. — Чёрт!

Лихорадочно вспоминаю, что нужно делать в такой ситуации. Скорая! Надо вызвать скорую! Вскрываю с колен и бросаюсь к столу за мобилой. Набираю номер, без запинки обрисовываю диспетчеру ситуацию, называю адрес и скидываю вызов.

Зачем-то тянусь к ящику записного стола и вынимаю оттуда медицинскую карту сестры, которую мне отдали в детском доме. Глаза начинают хаотично прыгать по строчкам. Не знаю, что я хотел там найти, но я нахожу. Взгляд вылавливает отдельные слова "Хроническая артериальная гипертензия", "травма левой почки". Начинаю вчитываться внимательнее. Оказывается, сестра должна ежедневно принимать таблетки. Какого хрена я об этом ничего не знаю?! И что вообще за травма почки такая? Откуда, чёрт возьми, она взялась? Прохожусь по внушительному списку выписанных Кате препаратов: ингибиторы, диуретики, бета-блокаторы.... Блять! Чувствую себя беспомощным дибиллом. Поганое чувство, мне не свойственное. Бросаю взгляд на лежащую на диване сестру. Она такая маленькая, хрупкая и нежная, левая рука свободно свисает с дивана. Подхожу к ней и беру её за эту руку, переплетая наши пальцы. Начинаю целовать каждый пальчик на её маленькой ручке.

— Всё будет хорошо, Котёнок, я позабочусь о тебе. — шепчу ей в перерывах между поцелуями. В грудной клетке начинает щемить, хочется прижать Катю к себе, заключить в объятия, зарыться в её волосы, вдохнуть запах её тела, но я отдёргиваю себя, услышав громкий стук в дверь. Скорая! Ну наконец-то!

Вручаю врачу скорой медицинскую карту сестры, и нервно мнусь рядом, пока тот изучает содержимое.

— Ну?! Не томите уже, доктор. Что за хрень с ней твориться? — не выдерживаю долгого молчания врача.

Медик некоторое время хмурится, затем сообщает мне, что судя по указанной в карточке информации, несколько лет назад у Кати была серьёзная травма почки, вызванная ударом. В следствии чего, она страдает хронической артериальной гипертензией, проще говоря, повышенным артериальным давлением. Сестра должна ежедневно принимать лекарства, чтобы поддерживать давление и работу почек в норме. Сегодня она не приняла необходимую дозу, в связи с чем, её давление резко подскочило, что вызвало обморок.

Кате ввели что-то в вену и она постепенно начала приходить в себя. Выпроводив медиков, я пулей помчался обратно к сестре.

Заглядываю в кабинет, Катя лежит с открытыми глазами, но всё ещё вялая и слабая. Её взгляд блуждает по комнате, не в силах сфокусироваться. Подхожу вплотную к дивану и, опустившись рядом с сестрой на колени, беру её за руку.

— Андрей... — слабым голосом с полувопросительной интонацией бормочет Катя.

— Я здесь, малыш. — переплетаю наши пальцы, второй рукой глядя её мягкие волосы, спускаюсь ниже и легким прикосновением поглаживаю щёку.

Катя начинает слабо елозить на диване, пытаясь принять более удобную позу. Решив, что диван не лучшее место для ослабевшей сестры, приподнявшись беру её на руки и несу на второй этаж в спальню.

— Куда.... куда мы идём? — всё тем же ослабевшим голосом спрашивает Катя.

— Не волнуйся, Котёнок, я отнесу тебя в комнату. Тебе нужно выспаться, сегодня был тяжёлый день. Закрывай глазки, малыш, и ни о чём не беспокойся.

Катя послушно закрывает и без того отяжелевшие веки, и, кладёт голову мне на грудь.

Я бережно опускаю сестру на кровать и укрываю одеялом. Поцеловав её в лоб, отворачиваюсь, уже собираясь встать, но вдруг чувствую, как её тоненькие пальчики обхватывают моё запястье.

— Андрей.... пожалуйста, не уходи... — шепчет сестра. — Мне страшно...

Катины испуганные глаза взирают на меня с такой мольбой, что моё сердце сжимается от боли за мою малышку. Поднявшись с постели, стягиваю с себя рубашку и брюки и откидываю их на пол.

— Я не уйду, Котёнок. — с этими словами, опускаюсь на кровать рядом с сестрой. Катя прижимается спиной к моей груди, словно пытаюсь соединиться со мной, нуждаясь во мне. Не устояв, обхватываю её талию правой рукой, зарываясь носом в её волосы. Катя пахнет просто божественно, ванилью, свежестью и детским мылом. Вдыхаю её аромат, понимая, что пропал. С этими мыслями проваливаюсь в глубокий сон.

Глава 4. Катя

"Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя." Фридрих Ницше

Я не такой, как они. Я не такой каким они меня хотят видеть. И всё, что ждет меня тут — утонуть, захлебнувшись обидой. Добро пожаловать в мой детский, разрушенный внутренний мир. Он из пепла и руин. И сказал мне ангел: "Чуть-чуть продержись. Я завтра подарю тебе новую жизнь. Завтра подарю тебе новую жизнь".

Баста & Полина Гагарина

Сквозь оковы не до конца ещё отпустившего сна, чувствую лёгкое прикосновение тёплых солнечных лучей к своему телу. Я сладко потягиваюсь в мягкой кровати и открываю глаза. Странно, но этой ночью, я впервые за последние одиннадцать лет спала спокойно, без терзающих мою душу кошмаров, не покрываясь потом и нервной дрожью, ни разу не просыпаясь.

Я не тороплюсь вставать. Мне хочется ещё немножко насладиться этим моментом спокойствия и умиротворённости. Мой взгляд блуждает по залитой солнечным светом комнате, задерживается на мягком ворсистом ковре светло-бежевого оттенка, переходит на небесно-голубые занавески на которых весело пляшут солнечные зайчики, останавливается на прикроватной тумбочке и замирает, уперевшись в стоящие на ней таблетки. Мои таблетки. Как они здесь оказались? Я абсолютно точно помню, что не забирала лекарства из приюта и уж точно не сообщала брату о необходимости их принимать. Тогда откуда он знает?... Мозг лихорадочно начинает воспроизводить картинку вчерашнего вечера. Вот я злая шагаю в спальню, одеваю футболку Андрея и собираюсь ложиться спать, но в последний момент зачем-то решаю ещё раз на него посмотреть, захожу в его кабинет... а потом всё... провал. Дальше вспомнить ничего не могу. Замечаю рядом с таблетками, под стаканом с водой, сложенный пополам лист бумаги. Сердце начинает бешено колотиться, от ненужных воспоминаний. Когда-то Андрей уже оставлял нам записку, безжалостно разрушив мою жизнь её содержимым. Я смотрю на листок и не могу заставить себя взять его. На меня накатывает волна паники, проходит по всему телу и концентрируется в грудной клетке, распирает её изнутри, не в силах найти выход. Пульс учащается до сумасшедшей скорости, так, что я чувствую быстрые неровные удары даже в висках. Протягиваю трясущуюся от волнения руку к бумаге, судорожно разворачиваю записку, и осторожно опускаю глаза на аккуратный почерк.

«Уехал по делам. Буду поздно. Не жди. Выпей таблетки и отдыхай. Андрей.»

Мышцы, находящиеся до этого в максимальном напряжении, облегчённо расслабляются. Бросаю ещё один недоверчивый взгляд на прикроватную тумбочку и подозрительно шурю глаза. Стоп! Какого чёрта тут вообще происходит? Откуда он знает про таблетки, и что произошло после моего обморока? Вопросы, на которые я не могу найти ответа, и которые беспощадно терзают мой мозг. С ощущением беспомощности падаю лицом в подушку и резко отскакиваю от ощущения смутно знакомого пряного аромата. Он был здесь. Андрей. Моя подушка вся насквозь пропахла его парфюмом. При этой мысли в голове всплывают новые образы вчерашнего вечера. Андрей несёт меня на руках в мою

спальню, а я, как буйная сумасшедшая, хватаю его за руку и умоляю остаться. Значит Андрей спал здесь... со мной... Вот же дура! Какая ты всё-таки идиотка, Катя! Теперь он будет думать, что у нас налаживаются отношения. Ни черта у нас не налаживается! Я не собираюсь его прощать. Не хочу. Я... я просто не могу. Один раз я уже подарила ему своё сердце, и что он с ним сделал? Растоптал, разорвал на мелкие кусочки и, выбросив в урну, без сожаления ушёл из моей жизни, оставив истекать кровью, от незаживающей раны. Я с таким трудом штопала дыру в своей груди, без анестезии вонзая в неё иглу снова и снова. Я не могу позволить себе вновь допустить повторения. Новую рану мне ни за что не пережить. Он погубит меня. Андрей — моя погибель.

Схватив с тумбочки пригоршню таблеток, разом выпиваю их все, вскакиваю с кровати и решительно спускаюсь на первый этаж. Приди в себя, Катя. Ты — одиночка. Всегда ей была и навсегда останешься. А то, что произошло вчера, просто досадное недоразумение, вызванное тяжёлым днём и плохим самочувствием.

С этими мыслями шлёпаю по ступенькам, но замираю на середине лестницы, услышав шипение плиты и аппетитные запахи, доносящиеся с кухни. Андрей что, не ушёл? Или может уже вернулся? Странно, в записке он написал, что вернётся поздно...

Дохожу до кухни и замираю на пороге. Возле плиты суетится среднего возраста пышная женщина. У неё светлые с лёгкой проседью волосы и мягкие черты лица. Женщина поднимает на меня глаза и расплывается в тёплой улыбке.

— Уже проснулась, деточка? Доброе утро, дорогая. Голодная, наверно? Садись скорее кушать.

С этими словами она начинает суетливо расставлять передо мной сырники, сметану, джемы и ещё кучу всякой еды. Я сажусь на краешек стула и непроизвольно улыбаюсь её доброжелательности.

— Вы, наверно, Мария Ивановна? — спрашиваю её, вспомнив, что брат упоминал за ужином о домработнице. Эта женщина располагает к себе с первого взгляда. Она создаёт вокруг себя ощущение тепла и уюта, и холодный дом Андрея уже не кажется мне таким чужим и безликим.

— Всё верно деточка. А ты — Катя. Я уже знаю — женщина улыбается мне в ответ. — Андрей Петрович вчера позвонил и предупредил, что с ним теперь будет жить сестра. Боже мой, солнышко, я и не думала, что ты такая красавица. — Мария Ивановна говорит безостановочно, часто и неожиданно меняя темы, так что я даже не успеваю за ней. С каждым новым её словом, моя улыбка расползается всё шире и шире. Эта женщина очень доброжелательная, приятная в общении, и я невольно проникаюсь к ней симпатией с первых минут нашего знакомства.

— Я очень рада, что у Андрея Петровича объявился родной человек. Он всегда такой замкнутый, угрюмый. Ни разу не видела, чтобы он улыбался. — задумывается домработница. А ты, деточка, совсем на него не похожа. Даже удивительно, что вы родные брат и сестра.

Остаток завтрака мы проводим в непринуждённой беседе обо всём и ни о чём. Я чувствую себя легко и спокойно рядом с этой женщиной, и тяжёлые мысли постепенно отпускают меня. Предлагаю Марии Ивановне помочь с приготовлением обеда и ужина, и она с удовольствием соглашается. Следующую половину дня мы проводим за готовкой, варим суп, раскатываем тесто на пирожки, запекаем в духовке курицу. И я даже решаюсь продемонстрировать женщине своё кулинарное мастерство в виде шоколадного пирога — моего коронного блюда. Я люблю готовить. В детском доме меня часто в качестве наказания

отправляли в столовую в помощь нашей поварихе, и я не успела заметить, как со временем втянулась в этот процесс. Потом я уже сама бегала к ней с предложением помощи, не дожидаясь пока меня накажут.

Приготовив все намеченные нами блюда, мы переходим на уборку. Тщательно протираем пыль, моем полы и поливаем цветы. Когда со всеми домашними делами наконец покончено, Мария Ивановна добродушно обнимает меня и, попрощавшись, уезжает.

К этому времени день уже близится к концу, я подхожу к красивым панорамным окнам и люблюсь заходящим солнцем. Как хорошо, что мне не пришлось проводить этот день в гордом одиночестве. Я бы сума сошла от безделья. С досадой думаю о том, что Мария Ивановна будет приходить всего три раза в неделю, значит, остальное время мне придётся проводить одной. Надо бы мне найти себе работу. Сейчас лето и с этим не должно быть особых проблем. В конце концов, официантки всегда требуются. Да и тем более сидеть у Андрея на шее и жить за его счёт, я совершенно не намеренна. Я не какая-то приживалка, и уж тем более, мне совершенно не хочется быть ему чем-то обязанной.

Забывшись в своих мыслях, вздрагиваю от звонка в дверь. Резко становится не по себе. Что за гости, на ночь глядя? Естественно не ко мне, а к Андрею, это ведь его дом. Да и друзей у меня нет, которые могли бы меня навестить. Стоит ли открывать? Всё же я здесь не хозяйка, а владельца дома всё равно нет. Может лучше подождать немного? Гость решит, что дома никого нет и уйдёт. Я продолжаю стоять на месте в нерешительности, а звонок тем временем нещадно надрывается. Кто бы ни был этот посетитель, он явно не собирается уходить.

Тяжело вздохнув и собравшись с мыслями, шагаю в прихожую, намереваясь отшить этого навязчивого визитёра. Распахиваю дверь, уже было собираясь сказать, что брата нет дома, но человек, стоящий на пороге опережает меня.

— Екатерина Петровна Соколова? — на крыльце стоит высокий крепкий мужчина за тридцать, одетый в чёрные джинсы и такого же цвета футболку. Внешне напоминает какого-то бандита из девяностых. У него жёсткие черты лица и непроницаемый взгляд. Человек выглядит довольно устрашающе, и тот факт, что он знает моё имя, здорово меня пугает. Что ему от меня нужно? Может он грабитель? Или похититель? Насколько я успела понять, у Андрея с деньгами дела обстоят не плохо, чего только стоит его шикарный дом и тачка. Может мужик решил похитить меня и потребовать с брата выкуп? Пребывая в лёгкой панике, не сразу замечаю, что за спиной гостя взгромоздилась целая куча внушительного размера коробок, а тот, в свою очередь, заметив, куда устремлён мой взгляд, сообщает:

— Андрей Петрович велел передать это Вам. — Не дожидаясь моего ответа, хватает несколько коробок и проходит мимо меня в холл. Перетаскав все коробки в дом, верзила, не попрощавшись уходит.

Что это было вообще? В полном недоумении подхожу к коробкам и распахнув одну из них, достаю роскошную шёлковую блузку нежного мятного оттенка. Кладу её на пол и продолжаю осматривать содержимое коробок. Здесь целая куча одежды моего размера — кофты, футболки, платья, брюки, джинсы, шорты и ещё полно всяких других вещей на все случаи жизни. Нахожу даже семь комплектов нижнего белья. Вся одежда новая и с бирками. Помимо одежды, тут ещё целая куча обуви разных фасонов. Туфли и кроссовки, балетки и даже ботинки, как ни странно, тоже моего размера. Покупки явно обошлись братцу в кругленькую сумму. Достаточно только дотронуться до одежды, чтобы на ощупь оценить качество материалов, да и внешний вид говорит о том, что они не на барахолке куплены...

На секунду сердце сжимается от мысли о том, что Андрей не забыл обо мне, и по телу растекается приятное тепло от осознания того, что брат проявил ко мне заботу, купив все эти вещи. Но я тут же себя одёргиваю. Между прочим, это по его вине, я осталась без своей одежды. Если бы он так бесцеремонно не утащил меня из детского дома, и покупать бы ничего не пришлось. И вообще, ни на секунду нельзя забывать о том, что из себя представляет этот человек. Он предатель, не забывай, Катя, напоминает мне мой внутренний голос. Нельзя расслабляться, ни на секунду. Если бы Андрей действительно меня любил, он никогда бы не ушёл.

Но, так или иначе, одежда мне всё равно нужна. Не могу же я ходить в одних и тех же шортах и футболке. У меня даже трусов сменных нет. Так что решаю принять любезный жест Андрея, но ставлю сама себе условие, непременно вернуть ему все потраченные на меня деньги, как только устроюсь на работу.

Не без труда затаскиваю коробки к себе в спальню и отправляюсь в душ. Тёплая вода расслабляет, снимает напряжение прошедших дней и нагоняет сон. Так что, вернувшись в свою комнату, плетусь напрямик к кровати. Среди покупок есть и несколько пижам, но я зачем-то натягиваю всё ту же футболку брата, и, закутавшись в мягкое одеяло, отправляюсь в царство Морфея.

Открыв глаза, первое что я вижу — это Катю, мерно посапывающую в моих объятиях. Её голова покоится у меня на груди, а рука лежит на моём животе. Футболка, в которой спит сестра, задралась наверх, обнажая нижний край груди и показав небольшую часть девичьего соска. Тяжело выдыхаю, ощущая, что штаны резко становятся мне тесноваты, но сразу списываю это на обычный утренний стояк, с которым неизбежно просыпаются все здоровые мужики. Быстро одёргиваю пижаму сестры вниз, закрыв в том числе и белые хлопковые трусики и стараюсь при этом смотреть в другую сторону.

Осторожно выбираюсь из Катиных объятий, стараясь двигаться как можно тише, чтобы не разбудить малышку, быстро одеваюсь и бегу в аптеку. Сегодня меня не будет весь день, а сестре нужно принять таблетки. Купив всё необходимое, возвращаюсь в спальню. Катя лежит свернувшись калачиком. Её лицо такое спокойное и невинное, что я, не удержавшись, наклоняюсь и целую Котёнка в лоб. Этого кажется чертовски мало, поэтому мои губы опускаются на щёку, а затем на кожу над верхней губой. Проклятое наваждение! С трудом заставляю себя остановиться и вихрем отлетаю от сестры. Да что с тобой не так, чёрт возьми? Это же Катя! Приди в себя идиот, вопит мне моё подсознание. Нужно валить нахрен из этой комнаты, из этого дома и проветрить мозги. Быстро чиркнув сестре записку, кладу её на тумбочку рядом с таблетками, прижимаю стаканом с водой и, не оборачиваясь, ухожу.

Свежий воздух даёт сил, выветривает из лёгких Катин запах и приводит мысли в порядок. Я просто чертовски соскучился по своей малышке, вот и всё. Просто забыл, каково это — видеть её каждый день, ощущать её близость. Прошло так много лет, что я отвык от Катиного присутствия рядом. Ведь если разобраться, ничего такого по сути не произошло. Сестра и раньше не редко прибегала ко мне по ночам, когда ей снились кошмары, или после просмотра страшного фильма, и спала со мной в моей постели. Ведь тогда это не казалось мне странным или неправильным. Так почему должно казаться теперь? И в моём поцелуе нет ничего преступного. Когда сестра была маленькой, я каждый день целовал её перед сном. Так что всё нормально! Нечего загоняться! Окончательно убедив себя в правдивости своих слов, сажусь в Рэндж Ровер, завожу мотор и выруливаю в сторону трассы.

У меня сегодня много дел — нужно съездить в клуб, порешать вопросы по бизнесу, но это подождёт. Первым делом нужно разобраться с Катиным поступлением. Мы должны были ехать сегодня с ней вместе, но я не мог позволить сестре после приступа куда-то тащиться. Документы подать я могу и без неё, это всего лишь формальность. Ректор универа — мой постоянный клиент, и я обеспечиваю ему полную конфиденциальность, так что старик сделает всё, что я от него потребую, если хочет и дальше сохранять свою чистенькую репутацию.

Через пол часа я уже по-хозяйски захожу в приёмную директора и, не утруждая себя объяснениями с его секретаршей, уверенно вхожу в кабинет. Та явно хочет что-то мне возразить, но я действую так быстро, что она едва успевает приподняться с места, как за мной уже закрывается дверь.

За столом сидит лысеющий мужчина лет пятидесяти, со слегка обвисшим брюхом, в очках. Он расслабленно развалился в кресле, закрыв глаза и в экстазе запрокинув голову назад.

— Развлекаешься, Боря? — с усмешкой задаю вопрос, вырывая мужика из блаженной

нирваны. Тот резко вскакивает и в спешке начинает застёгивать брюки, непослушными пальцами пытаюсь заправить в них мятую рубашку, из под стола в тот же момент выныривает молодая девчонка со светлыми растрёпанными волосами. — Ах ты старый извращенец, со студентками развлекаешься? — прищурившись грожу мужчине пальцем. И переведя взгляд на девку добавляю — Передохни немного, милая, нам с Борисом Геннадьевичем перетереть нужно. — та замерев на месте, с круглыми от испуга глазами смотрит то на меня, то на ректора.

— И-идите, Захарова — старый пердун сам заикается от страха, бегая своими масляными глазками по кабинету. — О пересдаче завтра договоримся. — После этих слов блондинка пулей вылетает из кабинета, оставив нас один на один, а Борис Геннадьевич дрожащими руками закрывает за ней дверь на ключ

Я же, в свою очередь, не дожидаясь пока этот гнусный лис придёт в себя, по хозяйски усаживаюсь в его кресло и, закурив, кидаю на стол папку с Катиными документами.

— Я... я прошу прощения... Андрей Петрович... Вы не уточнили, что приедете именно сегодня — второпях оправдывается ректор. В ответ я лишь морщусь от омерзения, потому что этого похотливого старпёра лихорадит, как от чумки. Он стоит сгорбившись пополам, от чего его жирное пузо ещё сильнее нависает над ремнём от брюк. В голове тут же мелькает образ девки, вылезшей из под его стола. Чёртовы шкуры, и не противно же ради какого-то сраного зачёта брать в рот у таких мерзких ублюдков, как этот Борис Геннадьевич.

— Не мельчиши, Боря. — грубо обрываю его нервный лепет. — Давай быстро и по делу. Вот документы на сестру, оформишь на журфак. — я заблаговременно успел осведомиться у директора Катиного приюта, на какой факультет хотела поступать сестрёнка и ничуть не удивился, узнав о её интересе к журналистике. Малышка с детства была начитанной девочкой и умела грамотно излагать свои мысли, но меня всё равно распирало от гордости, при виде Катиных отметок. Их директриса сказала, что девочка буквально грезилась своим поступлением, и очень надеялась на бюджетное место. К счастью, теперь ей не о чем переживать. Потому что я заплачу любые бабки, лишь бы исполнить мечту сестры.

— Да-да, конечно... Всё сделаю в лучшем виде, Андрей Петрович. — продолжает лебезить Борис. — Журналистика — это как раз мой профиль, так что не волнуйтесь, Ваша сестра в надёжных руках — на этих словах эта мерзкая похотливая гадина улыбается во все свои тридцать два жёлтых зуба. Видимо этот мудака хотел меня таким образом успокоить, но вызвал только волну ярости, охватившую меня в ту же секунду.

Медленно приподнявшись с места, нависаю над столом и, не сводя с него налитых гневом глаз, цежу сквозь зубы:

— Держи свои «надёжные руки» как можно дальше от моей сестры, Боря. Даже дышать в её сторону не смей. Если я услышу от неё хоть одну жалобу, хоть малейший намёк, или ей просто что-то не понравится, я скормлю твой вялый член собакам.

Масляные глазки Борриса Геннадьевича в панике бегают по кабинету, трясущимися руками он тянется к галстуку, торопливо ослабляя узел:

— Да что Вы, Андрей Петрович... Я... я ничего такого.... Я имел ввиду....

— Да понял я, что ты имел ввиду — снисходительно прерываю поток оправданий мужчины, и направляюсь на выход. Уже в дверях останавливаюсь, добавляю — Но и ты меня ПОНЯЛ.- Затем молча выхожу, оставляя Борю приходить в себя.

На улице сегодня дерьмовая погода, и к тому моменту, когда я выхожу из здания

университета, дождь льёт как из ведра. Я тут же ныряю в машину и двигаю в сторону работы. По пути набираю номер одного из своих людей. Я не забыл, что по моей вине Катя осталась без вещей. Трубка поднимается незамедлительно.

— Слушаю, Андрей Петрович — раздаётся хриплый бас на том конце провода.

— Костя, сейчас бросаешь всё и едешь в бутик какой-нибудь бабский, нормальный только. Скажешь девке консультанту, чтобы подобрала полный гардероб женской одежды, вплоть до нижнего белья. Мне нужно абсолютно всё. Размеры скину сообщением. — и немного подумав — фотку ещё пришлю, пусть сама разбирается какой там нужен размер, я в этом ни хера не понимаю. Шмотки отвезёшь ко мне домой. Тебе откроет моя сестра — Соколова Екатерина Петровна. Барахло передаёшь и сваливаешь, разговоров не заводите, на сестру не пялиться — предупреждаю я.

— Понял — коротко отвечает Костя, не задавая лишних вопросов, и я разъединяюсь.

Пока трачу полтора часа на дорогу, торча в пробках, наступает вечер. Так что подъехав к пункту назначения, вижу, что у клуба уже мнётся нехилая очередь, ожидая, когда секьюрити пропустят внутрь. Припарковав внедорожник, направляюсь к VIP-входу, ощущая на себе недвусмысленные женские взгляды и долетающие до меня перешёптывания, к которым уже привык и на которые не обращаю внимания. На пороге меня встречает охрана.

— Добрый вечер, Андрей Петрович. Игорь Владимирович ждёт Вас в вашем кабинете. — слышится бас мужчины в чёрном деловом костюме с бейджиком на груди и гарнитурой в ушах. Он заблаговременно распахивает передо мной двери, и я вхожу в здание не останавливаясь.

Меня встречает свет сафитов и яркие вспышки неона, басы проходят через грудную клетку, отбивая в ней ритм. Не буду кривить душой, если скажу, что нахожусь сейчас в самом крупном, дорогом, и пафосном клубе нашего города. Попасть в «Прайд» мечтает любой, кто хоть раз вкусил ночную жизнь, но не каждому выдаётся такая возможность. И дело даже не в высокой цене за входной билет, а в жёстком фэйс-контроле, дежурящем на входе. Я дорожу своей репутацией, так что не потерплю в своём храме всяких гопников и прочую шваль. Я могу показаться зазнавшимся ублюдошным занудой, но поймите меня правильно, мой клуб не назывался бы элитным, если бы в нём ошивалась гопота в спортивках.

В здании четыре этажа, первые три из которых примерно идентичны друг другу — музыка, танцы, алкоголь, девочки гоу-гоу. Различается разве что стилистика и музыкальная направленность. Но основной мой бизнес находится на четвёртом этаже, вход на который доступен только узкому кругу привилегированных особ, и поверьте, это удовольствие обходится им в баснословные суммы. Игорный бизнес — хороший источник дохода. Конечно, в наш век интернета любой зачуханный ботаник-програмист может организовать своё онлайн казино и срубать неплохие бабки, не парясь проблемой помещения, персонала, оборудования и прошлой канителью. Но поверьте, ни один виртуальный однорукий бандит не сравнится с атмосферой настоящего казино, с тем неповторимым ощущением, которое возникает, когда ты садишься за покерный стол или ставишь на рулетке. Кто, как ни дитя девяностых расскажет вам об этом. Именно поэтому онлайн аналоги никогда не смогут заменить, так называемого, эффекта присутствия. К тому же, уверяю вас, что люди, у которых действительно есть бабло, не станут разминиваться на ставки в интернете. Добавьте к этому приватные комнаты и мой внушительный арсенал согласных абсолютно на всё девочек и вы поймёте, что на этом поприще мне нет равных. Конечно «Прайд» не

единственный клуб, которым я владею. Я держу ряд игорных домов в разных точках города, а также несколько стрип-баров с широким спектром услуг, но этот клуб — фаворит, моё самое масштабное детище. Именно поэтому, я предпочитаю вести все дела отсюда.

Пройдя по отдельно отведённому коридору, быстро достигаю своего кабинета и уверенно распахиваю дверь.

— Сокол, ну я уже заждался тебя, брат. — на широком кожаном диване вальяжно сидит высокий крепкий мужчина. Одна его рука расслабленно лежит на спинке дивана, вторая сжимает стакан с виски.

Только этому человеку, не считая Кати конечно, позволено называть меня братом. Сиваров Игорь Владимирович, ещё десять лет назад величавшийся просто Сивым действительно для меня как брат. Именно он нашёл меня на улице, когда я сбежал из дома и бесцельно слонялся по подворотням в поисках крова и хлеба. Я обязан ему всем, чёрт его знает, что бы со мной стало, если бы он меня не подобрал. Сивый старше меня на три года, и когда мы с ним познакомились, он стал для меня чем-то вроде наставника, дал жильё и обучил всему, что сам умел. Я был благодарным учеником и быстро усвоил понятия по которым живёт улица, так что долго нянчиться со мной не пришлось. Очень скоро я прочно стоял на своих двоих, а через два года уже сам заправлял районом, ни на минуту не забывая о том, благодаря кому достиг всего, что у меня есть.

Но времена изменились, лихие девяностые канули в лету. Да и моё имя за эти годы облетело весь город и теперь уже оно работало на меня, а не наоборот. С мелкого рекета и крышевания местных ресторанов, я давно перешёл на серьёзный бизнес. Сивый стал моей правой рукой и доверенным лицом. Это единственный человек, которому я доверяю всецело.

— Как сестрёнка? Обустроил? — спрашивает Сивый, продолжая вертеть виски в руке — Можно уже приходиться знакомиться?

— Хорошо. Обустроил. Нельзя. — отвечаю разом на все его вопросы. Почему-то мне не хочется обсуждать Катю даже с ним. Она кажется мне чем-то сакральным, личным, тем чем не делятся с другими. — Ты о сестре моей пришёл поговорить?

— Воу-воу, полегче, брат. Я тебя понял, ни слова о сестрёнке — Сивый, слегка посмеиваясь, отпивает глоток, и поставив стакан на журнальный столик поднимает руки вверх, как бы капитулируя. — К делу, так к делу. Ты подумал на счёт контракта с арабами?

— Блять, Игорь, сколько можно перетирать эту тему? Я же сказал, оружие не мой профиль. — Вот уже две недели турки настойчиво предлагают сотрудничество, на которое я не собираюсь соглашаться. Да, я не святой, но кое-какие понятия и принципы имею. Казино, шлюхи и наркота — мой основной профиль на данный момент, и я не испытываю даже намёка на угрызения совести в этом плане. Человек сам решает, поддаваться ему пагубным пристрастиям или нет, изменять жене или быть верным семьянином. Я лишь предлагаю клиенту варианты, оставляя за ним право выбора. Оружие — другое дело. Повторюсь, я не святой, и да, я убивал людей. Но поверьте, это были далеко не мирные граждане. Арабы же предлагают на постоянной основе организовывать поставки оружия на территорию Турции. Я не пацифист, но и марать руки в крови невинных жителей желания не имею. Терроризм — не моя стезя.

— Да подумай ты, Сокол! — Игорь нетерпеливо вскакивает на ноги, и упирается обеими руками в мой рабочий стол. — Ты только подумай, от чего ты отказываешься! Все знают, что по части оружия ты вне конкуренции. Никто лучше тебя не организует поставку. — Сивый начинает размашистыми шагами расхаживать по комнате — Ты только

представь, какие это деньги?! — буквально срывается на крик. — С каких пор ты отказываешься от выгодных предложений с серьёзными людьми? Ты, блять, понимаешь, что они могли предложить сотрудничество кому угодно, но хотят работать С ТОБОЙ, потому что ты, мать твою, профессионал!

— Угомонись, Сивый — отвечаю спокойно, продолжая расслабленно сидеть в кресле. — Я не буду с ними работать. Точка. Так что шли своих арабов на хуй и успокойся уже.

— Ты совершаешь ошибку, Андрей — делает последнюю попытку друг.

— Может быть — пожимаю плечами.

— Да и чёрт с тобой, осёл упрямый — примирительно машет на меня рукой и покидает кабинет.

Устало выдохнув, нажимаю кнопку селектора и прошу принести виски. Остаётся решить ещё пару рабочих моментов, подписать кое-какие документы и можно ехать домой. Мысли молниеносно возвращаются к Кате, мне хочется узнать, как прошёл её день, услышать голос. Надо бы не забыть купить ей телефон...

Из мыслей меня вырывает лёгкий стук в дверь и, дождавшись разрешения войти, в кабинет впархивает одетая в откровенную рабочую униформу клуба официантка с подносом.

— Вызывали, Андрей Петрович? — кокетливо улыбается девица, размашисто виляя бёдрами. Прогнувшись в спине, она ставит на стол поднос, демонстрируя глубокий вырез декольте. — Может быть я могу ещё что-то сделать для Вас? — игриво спрашивает, стреляя в меня ярко накрашенными карими глазами.

Поднявшись из-за стола, вплотную подхожу к девке, та, продолжая улыбаться, кладёт руку мне на грудь и ведёт своим наманикюренным пальчиком вниз к животу. Зазывно заглядывая мне в глаза, подаётся ближе, трётся бёдрами о мою промежность, опуская ловкие пальчики к кожаному ремню. Достигнув затвердевшего члена, девчонка начинает массировать его сквозь ткань брюк, не разрывая со мной зрительный контакт. Резко схватив её за волосы, наматываю их на свою руку.

— На колени — произношу холодным стальным голосом, и девчонка, покорно опустившись передо мной, расстёгивает ширинку, освобождая налитый кровью член.

Облизнувшись, она начинает медленно проводит языком от основания к головке и обратно, затем, опускает коллагеновые губы на головку, слегка вбирая её в рот, и осторожно ласкает кончиком языка, проводя рукой по всей длине напряжённого органа. Я нетерпеливо, перехватываю её голову обеими руками и резко вхожу ей в рот до основания. Девчонка пытается отодвинуться, упираясь руками в мои бёдра, но я крепко держу её за волосы, прижимая голову к паху и не позволяя отстраниться.

— Руки за спину — грубо приказываю официантке, но та продолжает дергаться, пытаюсь высвободиться от моего захвата. За волосы отодвигаю её от себя, давая продышаться и схватив за подбородок, приподнимаю её голову так, чтобы она посмотрела мне в глаза. — Слушай меня внимательно. — говорю жёстким голосом, не терпящим возражений. — Сейчас ты уберёшь руки за спину и будешь держать их там, чтобы ни произошло, ты поняла? — девчонка кивает, продолжая тяжело дышать, стоя передо мной на коленях, затем неуверенно заводит руки за спину и переплетает пальцы в замок — Дыши носом и расслабь глотку, будет легче — бросаю на последок и, снова перехватив обеими руками её голову, одним толчком загоняю член ей в рот по самое горло. Я продолжаю резкими движениями бедёр трахать девку в рот, ощущая как та сжимает гортань в неконтролируемых спазмах, но

усердно старается расслабляться и послушно держит руки в замке.

— Посмотри на меня — приказываю официантке не останавливая движений, и та, с невероятным усилием поднимает глаза, пытаюсь удержать на мне взгляд. По её щекам катятся слёзы, размазывая тушь по лицу. — Не опускать глаза, всё время смотреть на меня, поняла? — грубо спрашиваю девку, и она невнятно мычит мне в ответ. Перехватив одной рукой её волосы, другой хватаю её за горло и, ускорив темп, начинаю долбить девчонку прямо в глотку, при каждом толчке утыкаясь головкой в стенку гортани. Слюна обильно стекает из её рта и капли падают на пышную грудь. Тяжело дыша, прикрываю глаза, и, в тот же момент, передо мной непроизвольно возникает утренняя картинка спящей Кати. Её белая бархатная кожа, розовый ореол соска, выглядывающий из под задравшейся футболки. Дыхание становится сбивчивым, мощнейшая волна возбуждения проходит по моему телу, сконцентрировавшись внизу живота, и я обильно кончаю прямо в горло девчонки. Та начинает дергаться, всё же расцепив руки и хватая меня за бока. — Убери руки — громко рычу сквозь зубы. Она неуверенно опускает руки вниз. — Глотай — и девка начинает усердно глотать мою сперму, борясь со спазмами. Часть семени вытекает из её рта и смешивается со слюной, размазываясь по груди и униформе. Выплеснув в неё последние капли, небрежно отбрасываю от себя официантку и застёгиваю брюки.

— Умойся и за работу — бросаю через плечо, и девчонка, быстро поднявшись с колен, не говоря ни слова, выходит за дверь.

Я устало опускаюсь на диван и запрокинув голову на спинку закрываю глаза. Каково чёрта сейчас произошло? И я имею ввиду не трах с официанткой. В этом-то как раз ничего удивительного нет. Мне не хочется формировать произошедшее минуту назад в слова, даже если это будет только в моей голове. Это какое-то чёртово наваждение, так не должно быть... Что с тобой происходит, Андрей? Спрашиваю сам у себя, но не нахожу ответа.

Спустя пару часов, вернувшись домой, первым делом направляюсь в спальню сестры. Время уже давно перевалило за полночь, но мне нужно убедиться в том, что с Катей всё в порядке.

Открыв дверь, сразу вижу сестру, клубочком свернувшуюся под одеялом. Даже сейчас, повзрослев, она всё равно остаётся похожей на маленького котёнка. Она хмурится во сне и нервно ёрзает по простыни. Медленно подхожу, боясь разбудить малышку, и аккуратно опускаюсь на краешек кровати рядом с ней. Лицо Кати напряжено, как будто она видит какой-то неприятный сон. Брови сведены к переносице, а лоб покрыт испариной, она тяжело дышит и сжимает края одеяла в своих тонких пальчиках. Я осторожно провожу рукой по Катиным волосам, глядя её, успокаивая, большим пальцем слегка массирую бархатную кожу её щеки, и на удивление, дыхание сестры замедляется и выравнивается. Не открывая глаз, она переворачивается на спину, расслабляя тело и освободившись от одеяла. Оторвав взгляд от её лица и опустив глаза, замечаю, что, не смотря на купленную ей сегодня одежду, она всё равно одела мою футболку. От осознания того, что моя одежда касается её голого тела, по мне проходит электрический импульс, выстреливая в область паха, резко поднявшись на ноги, в несколько шагов пересекаю комнату сестры и закрываю за собой дверь.

Ещё пару часов я провожу в тренажёрном зале, до одури молотя по груше, представляя себя самого на месте снаряда. Выбивая из головы эти чёртовы мысли, которые, как раковая опухоль завладели моим мозгом и уже всюду пустили метастазы по всему организму, безжалостно поражая мои внутренности, превращая меня самого в смертельную отраву.

Попади хоть капля моего яда на Катю, и, боюсь, я уничтожу её вместе с собой.

Этой ночью мне так и не удаётся уснуть. Проворочавшись в постели до утра, встаю и иду в душ. Холодная вода бодрит, снимает ощущение усталости и напряжения.

За вчерашний день я ни разу нормально не поел, так что в кухню спускаюсь с чувством дикого голода. Хорошо, что вчера приходила домработница и забила холодильник продуктами. Теперь, когда со мной живёт Катя, думаю увеличить её рабочие дни до пяти в неделю. Ребёнку нужно хорошо питаться. Растущий организм и всё такое. Да и сестре будет повеселее, чем сидеть весь день одной в пустом доме.

Открываю холодильник, увлечённо изучая его содержимое, и натыкаюсь глазами на шоколадный пирог. Я обожаю этот десерт, в детстве нам с Катей всегда его готовила мама. Не раздумывая, хватаю блюдо и, не утруждая себя делением его на порции, отламываю ложкой куски прямо из контейнера.

— Вкусно? — доносится до меня мелодичный голос. Подняв глаза, вижу сестру, стоящую в проходе, облокотившись о дверной косяк. Не могу не заметить, что Катя всё ещё одета в мою футболку. Ей вообще передали вещи? — Эй, ты меня слышишь? — Катя начинает щёлкать пальцами, видимо пытаясь вывести меня из транса, потому что вместо ответа, я продолжаю молча пялиться на сестру немигающими глазами. — Первый, первый, я второй, отзовись.

— Доброе утро. — спохватившись отвечаю. — Да, очень вкусно. Мария Ивановна превзошла сама себя. Странно, она никогда раньше не готовила шоколадный пирог.

— Его приготовила я — отвечает Катя, отведя глаза в сторону и немного опустив их вниз. — Мог бы и в тарелку положить, кстати. Свинья. — добавляет помедлив.

— Да... прости... — боже, да что сегодня со мной. Недосып видимо сказывается на работе головного мозга, и к заторможенным реакциям добавляется ещё и косноязычность.

Не намереваясь продолжать разговор, Катя проходит на кухню и, достав из холодильника питьевой йогурт, садится за стол напротив меня.

— Йогурт — это не еда Катя. Надо нормально поесть. — смотрю на неё сурово, включая родителя.

— Не могу кушать по утрам. Меня после сна всегда немного мутит — отвечает сестра, по-прежнему не собираясь смотреть в мою сторону.

Отодвинув от себя контейнер с пирогом, встаю из-за стола и подхожу к Кате. Она продолжает сидеть, облокотившись на локти, сконцентрировав внимание на этикетке напитка, и усиленно не обращает на меня внимание.

Вздыхнув, резко разворачиваю сестру к себе лицом, застав девочку врасплох. Она испуганно поднимает на меня широко распахнутые глаза.

— Не нужно бояться меня, Катя — произношу тихим, внезапно охрипшим голосом, и не удержавшись, прикасаюсь рукой к её затылку, слегка массирую шею пальцами. На какое-то мгновение девочка прикрывает глаза, и я чувствую, как напряжённые до этого мышцы, расслабляются. Но уже спустя секунду, сестра отскакивает от меня, с силой откидывая от себя мою руку.

— Да пошёл ты! — шипит в ответ Катя, пятясь от меня на другой конец кухни. — Больше никогда не смей ко мне прикасаться, понял? Ты... у тебя нет такого права! — в панике Катя продолжает пятиться назад, пока не упирается спиной в стену.

Чёрт... неужели она увидела в моих действиях какой-то двойной смысл? Его ведь не было... Не было же?

— Катя, клянусь, я тебя не обижу. — медленно подходя ближе, стараюсь успокоить девочку, которая, как загнанный кролик, стоит прижавшись спиной к стенке. Катина грудь резко поднимается и опускается, от тяжёлых глубоких вдохов, и я вижу очертания её затвердевших сосков, сквозь тонкую ткань своей футболки... Дьявол... Усилим воли заставляю себя поднять глаза выше и встречаюсь с рассерженным взглядом серо-голубых глаз.

— Попробовал бы только. — резко оторвавшись от стенки, сестра с размаху толкает меня в грудь и возвращается на своё место за столом. Нет, не кролик. Пантера перед прыжком.

— Нам надо поговорить. — поворачиваясь к сестре, сажусь напротив.

— Говори, я тебе не мешаю. — успокоившись, Катя решает вернуться к своему прежнему занятию и, схватив бутылку от йогурта, вновь начинает изучать состав.

— Почему ты не сказала мне про почки? — задаю интересующий вопрос, интонацией давая понять, что игры кончились, и я настроен серьёзно.

- Ты не спрашивал — отвечает сестра, скорее йогурту, чем мне.

Приподнявшись, выхватываю бутылку у неё из рук и швыряю её об стену:

— Поговори со мной, чёрт возьми! — рычу сестре в лицо.

— Что ты хочешь от меня, Андрей? — спрашивает Катя, наконец, удосужив меня взглядом. — Что за непонятно откуда взявшийся интерес к моей жизни? Не припомню, чтобы за последние одиннадцать лет, ты хоть раз позвонил спросить как я себя чувствую.

— Прекрати, Катя! — устало тру переносицу двумя пальцами — как долго ещё ты будешь ненавидеть меня? Я виноват, прости! Не проходит ни минуты, чтобы я не винил себя за случившееся. Поверь, я сам ненавижу себя за нас двоих. Пойми ты, Котёнок, я же не знал. Ты думаешь я позволил бы гнить тебе в этой дыре, если бы был в курсе произошедшего?!

— Вот именно! Ты не знал! — срывается на крик сестра. — А знаешь почему? Потому что ты не хотел знать! Да, ты ненавидел отца за его жестокость, и поэтому ушёл из дома! Я могу это понять! Я даже могу понять твоё нежелание общаться с матерью, которая была слишком слабой, чтобы противостоять своему мужу! Но чем **Я** заслужила твою ненависть, Андрей?! Я не виновата в том, что отец избивал тебя! Я была маленькой девочкой, от меня ничего не зависело! — голос сестры начинает срываться и по щекам катятся слёзы — Ты всегда говорил мне, что я твой самый близкий человек, что я для тебя дороже всех на свете! Получается, всю жизнь ты врал мне! А я верила, как последняя идиотка! Я любила тебя, Андрей! Я любила тебя и защищала как могла, в свои шесть лет. Ничто не мешало тебе поддерживать связь хотя бы со мной! Я бы никогда не выдала тебя папе, лишь бы только не потерять! Ты же знал как я была зависима от тебя, и всё равно бросил. Что это, как не ненависть? — Давясь слезами, Катя прячет раскрасневшееся заплаканное лицо в ладони.

Не в силах больше выносить это зрелище, срываюсь с места. Схватив сестру за запястья и отведя руки от лица, падаю рядом с ней на колени и начинаю лихорадочно целовать её лоб, глаза, щёки, с каждым поцелуем пытаюсь собрать её горячие слёзы и вместе с ними выпить всю её боль без остатка.

Катя упирается ладонками в мою грудь, пытаюсь оттолкнуть от себя, мотает головой, уворачиваясь от моих поцелуев.

— Прекрати! — кричит сестра, беспорядочно колотя кулаками по моему телу, но

безрезультатно, потому что я не останавливаюсь. — Ты не смеешь так поступать... мне... мне неприятно!

Эти слова действуют как ведро с ледяной водой, и я отлетаю от Кати на другой конец кухни.

Тяжело дыша, девочка хватается себя за лицо. Её глаза мечутся по комнате, смотрят куда угодно, но не на меня. Затем она срывается и со скоростью молнии уносится прочь из кухни. Секунда тишины, и я слышу, как хлопает дверь её комнаты.

— Поговори со мной, Катя. — уже несколько часов сестра сидит в своей спальне, отказываясь выходить. Всё это время я расхаживаю под её дверью, словно сторожевой пёс. Начиная терять терпение, бью кулаком по деревяшке. — Если ты не откроешь, клянусь, я выбью чёртову дверь!

Простояв ещё с минуту и не дождавшись ответа, уже собираюсь воплотить угрозу в жизнь, но вдруг слышу звук щёлкнувшего замка, и на пороге появляется Катя. Она выглядит уставшей и измотанной, с красными припухшими глазами, что говорит мне о том, что она плакала всё это время. Сестра не смотрит мне в глаза. Освободив проход, возвращается в комнату и садится на кровать, сложив руки на коленях.

Подойдя ближе, опускаюсь рядом с ней на корточки. Хочу дотронуться, но она одёргивает руки, и я слегка отстраняюсь, не желая больше пугать.

— Я отказался от встреч с тобой, потому что думал, что так тебе будет легче. — произношу тихим мягким голосом. — Я не мог вернуться домой и не хотел мучить тебя редкими короткими свиданиями. Хотел дать тебе шанс забыть меня и жить дальше. Я знал, что если буду появляться хотя бы изредка, ты никогда не сможешь смириться с жизнью без меня. Пойми, Катя, я не мог больше оставаться в том доме. Это было выше моих сил. Это не значит, что я о тебе забыл или больше тебя не люблю. Всё, что я говорил тебе в детстве, было правдой. — осторожно беру сестру за подбородок и поворачиваю лицом к себе, заставляя посмотреть мне в глаза. — Это и сейчас правда. Никого нет дороже тебя, и никогда не будет. Я люблю тебя, малыш... Больше всех и всего в этой жизни. И всегда буду любить.

Сестра несколько минут изучающее смотрит мне в глаза, а затем внезапно разражается хохотом. Её смех, громкий и раскатистый больше напоминает истерику. Я подаюсь вперёд, хватаю её за плечи, и, резко подняв с кровати, прижимаю к себе. Провожу рукой по Катиным волосам, медленно глажу спину, успокаивая, вкладывая в каждое движение руки смысл всех тех слов, что сказал ей ранее. Сестра замолкает и неподвижно замирает в моих объятиях, не отталкивая, но и не обнимая в ответ. И я тоже не отпускаю её, боясь нарушить этот единственный момент, когда Катя позволила мне притронуться к ней. Но уже через несколько минут она отстраняется от меня и отходит к окну, повернувшись ко мне спиной.

— Иди, Андрей. У тебя наверняка есть дела. А мне лекарства пора принимать. — её голос спокойный и тихий, я бы даже сказал отрешённый.

Встав на ноги, поворачиваюсь лицом к сестре.

— Что с твоими почками, Катя? — вопрос звучит несколько резко, но я, чёрт возьми, должен выбить из неё ответ.

— У меня была травма — отвечает сестра всё так же отстранённо. — Да чего ты спрашиваешь, читал же в моей медицинской карте.

— Я это знаю. Я спрашиваю не об этом. Травма была вызвана ударом. Я хочу знать, как это произошло.

— Это произошло, когда меня ударили — сестра как будто испытывает моё терпение, намеренно уходя от ответа.

Быстро подойдя к окну, хватаю её за плечи и рывком разворачиваю к себе.

— Не играй со мной, Катя. Я хочу знать, что случилось в этом странном клоповнике, что

теперь моя сестра и дня не может прожить без таблеток!

— Хочешь знать? — грубо отвечает сестра, буравя меня рассерженным взглядом, как будто решая что-то в своей голове. Я продолжаю стоять, удерживая её за плечи, ни на секунду не прерывая зрительный контакт. И, наконец, она нарушает молчание. — Один парень хотел меня изнасиловать. Я сопротивлялась. Он отбил мне почки. Конец истории. — после этих слов она с силой скидывает с себя мои руки.

Ошарашенный её словами, делаю два шага назад. Ничего не говорю, просто смотрю на сестру. Меня мучает вопрос, но я не знаю, как его задать, потому что боюсь услышать ответ.

— Он... — начинаю неуверенно — Он сделал то, что собирался?

— Хочешь знать трахнул ли он меня? — Катя смотрит мне прямо в глаза, её голос холодный и жёсткий.

— Да, я, чёрт возьми, хочу это знать!

Катя молчит. Всматривается в моё лицо, пытаюсь найти в нём ответы на какие-то свои, неизвестные мне вопросы. Тишина, возникшая между нами, нависает тяжёлым комом, давит на барабанные перепонки, лишая остатков рассудка. Секунды тянутся невероятно долго, превращаясь в моей голове в часы ожидания. Это невыносимо терпеть, мне хочется подойти к сестре, встряхнуть её, заставить немедленно ответить, но я остаюсь на месте. Не буду давить. Никогда не стану принуждать ни к чему. Она сама ответит. Я хочу услышать ответ, и одновременно боюсь этого. Я уже знаю, что сделаю дальше, но даже осознание этого, не успокаивает, не даёт примириться с возможной действительностью. Наконец, прервав напряжённое молчание, сестра коротко отвечает:

— Нет. — и я ощущаю, как с моих плеч сходит целая лавина, которая всё это время безжалостно давила меня к земле, не давай сдвинуться с места.

Я делаю несколько шагов к сестре, но не подхожу слишком близко, оставляя ей личное пространство.

— Ты должна рассказать мне детали. Пожалуйста, Катя. Я должен это знать.

Видимо Катя улавливает умоляющие нотки в моём голосе, потому что неожиданно смягчается и, вернувшись к кровати, садится на край и отвечает:

— Это произошло, когда мне было тринадцать. Один мальчик в детском доме... он... в общем проявлял ко мне настойчивый интерес. Он был на несколько лет старше, и у него была не самая лучшая репутация. По приюту ходили слухи, что он уже принуждал некоторых девочек к сексу. Но никто из них не жаловался воспитателю. Он... умел запугивать... понимаешь? — Катя поднимает на меня робкий взгляд, ожидая моей реакции. Я молча киваю, давая понять, что всё в порядке. — В общем, в тот день в приюте был концерт, посвящённый новому году. Все были в актовом зале, а меня воспитательница попросила сходить за каким-то реквизитом в репетиционный зал, я уже не помню что именно это было. Я шла по коридору и услышала сзади шаги. Обернулась и увидела его... Я сразу поняла, зачем он за мной пошёл. Хотела побежать, но не успела даже шага сделать. Он схватил меня, затащил за угол и повалил на пол. — Катин голос начинает дрожать. Подойдя ближе, я беру её за руку и поглаживаю ладонь большим пальцем. Через пару минут, сестра слегка расслабляется и продолжает — Я стала кричать, звать на помощь, но все были на концерте... Он успел стащить с меня колготки, пытался задрать юбку, но я ударила его между ног и побежала. Но не успела добежать до лестницы. Он схватил меня сзади и дёрнул вниз. Я подскользнулась, упала, ударилась лицом об пол. Он развернул меня к себе, стал сдирать одежду. — мне хочется попросить Катю замолчать, закрыть уши руками, не слушать те

ужасные вещи, которые она сейчас рассказывает, но я не делаю этого. Молча слушаю, смотря сестре прямо в глаза, и она продолжает. — Я отбивалась, как могла, но он был сильнее. Он попытался меня поцеловать, и я, собрав последние остатки сил, укусила его за язык. Он отскочил от меня, у него изо рта текла кровь... я думала, что теперь он от меня отстанет, но он только сильнее разозлился. Подскочил ко мне и стал бить ногами. Я сгруппировалась, пытаюсь прикрыть лицо и живот... и тогда он стал бить по спине, по пояснице в основном. Через некоторое время я стала терять сознание. Очнулась уже в больнице. Как оказалось, физрук тогда был не на концерте. Он услышал крики и побежал на шум. В больнице я провела две недели. Оказалось, что когда он бил меня, то сильно травмировал левую почку. С тех пор я принимаю таблетки. Обычно мне их выдавала в детском доме медсестра, но в тот день, когда ты забрал меня, я не успела к ней сходить...

Катя замолкает, давая понять, что это конец истории. Я тоже молчу, меряя шагами комнату. Меня всего трясёт, но я должен был дослушать этот рассказ до конца, услышать каждую деталь, знать каждую мелочь. Ярость, словно раскалённая лава, жаркими потоками растекается по венам, превращая меня в смертоносный вулкан. Гнев внутри меня кипит, требуя немедленного выхода.

— Что было потом? — задаю вопрос, продолжая расхаживать взад-вперёд. Не могу заставить себя остановиться. Кажется, что эта ходьба меня успокаивает, удерживает от неминуемого взрыва.

— О чём ты? — сестра поднимает на меня непонимающий взгляд — потом ничего не было. Я выписалась и живу дальше.

— А он? — напряжённо спрашиваю.

— Его приговорили к двум годам колонии для несовершеннолетних. Обратного в приют он уже не вернулся, потому что к моменту окончания срока заключения, ему исполнилось восемнадцать. Больше я его не видела.

После этих слов, Катя погружается в свои мысли, и кажется даже забывает о моём присутствии.

— Как его звали?

— Что? — опомнившись, сестра поднимает на меня удивлённые глаза — Зачем тебе это?

— Как его звали, Катя? — повторяю вопрос стальным голосом — Спрашиваю, потому что хочу это знать.

— Его звали Артём Быстров.

Подойдя ближе к сестре, опускаюсь так, чтобы оказаться с ней на одном уровне.

— Больше никто, и никогда не обидит тебя, Катя. — и ловя глазами её взгляд, спрашиваю — Ты меня поняла?

Она не отвечает, просто отводит глаза в сторону, продолжая неподвижно сидеть на месте.

Встаю и направляюсь к выходу из комнаты:

— У меня дела сегодня. Прими лекарства и отдыхай. Посмотри телевизор, поплавай в бассейне. Кажется, среди новых вещей должно быть пара купальников.

— Андрей — окликает меня сестра, и я, остановившись, разворачиваюсь к ней лицом. — Я бы хотела выйти на улицу, прогуляться. Я могу это сделать? Я же ведь не пленница в этом доме? — она с вызовом вздёргивает вверх подбородок, ожидая моего ответа.

Устало выдохнув, подхожу ближе и, заглянув сестре в глаза, отвечаю:

— Нет, Катя, ты не пленница. Так что да, ты можешь выходить. — Я купил тебе телефон, он лежит в гостиной на журнальном столике. Я очень прошу тебя, бери трубку, когда я буду тебе звонить. Я не собираюсь ограничивать твою свободу. В пределах разумного, разумеется. Но не забывай, что ты несовершеннолетняя и находишься под моей опекой. Поэтому, кое-какие правила соблюдать тебе всё же придётся.

— Какие ещё правила? — недоверчиво спрашивает сестра.

— Ну, во-первых, всегда отвечать на мои звонки — начинаю загибать пальцы — во-вторых, возвращаться по первому требованию, ну и, наконец, в-третьих, чтобы дома была не позже десяти. Опоздаешь хоть раз, и я запру твою маленькую задницу в комнате до скончания веков.

Перечислив все пункты, разворачиваюсь и выхожу из спальни, оставляя сердитую сестру в комнате. Уже на пороге слышу её недовольный шёпот:

— Козёл.

Ухмыляюсь себе под нос и покидаю дом.

Я уже минут двадцать стою под душем, пытаюсь прийти в себя после событий сегодняшнего утра. По телу проходит нервная дрожь, когда я вспоминаю как Андрей, подлетев ко мне на кухне, начал покрывать моё лицо поцелуями. Набираю в ладони побольше воды и лихорадочно тру щёки, пытаюсь избавиться от жара, который оставили на них губы Андрея. В ушах стоят его слова «Я люблю тебя, малыш... Больше всех и всего в этой жизни.» Я изо всех сил зажмуриваю глаза, пытаюсь выбить его голос из своей головы. Врёт. Он опять врёт тебе, Катя. Не подавайся на его уловки. Уговариваю себя, выкручивая кран с холодной водой, чтобы легче было отключить мозги. Через несколько минут я уже так клацаю верхней челюстью о нижнюю, что в голове не остаётся других мыслей, кроме как скорее вытереться и согреться. Выйдя из душа и порывшись в новых вещах, выуживаю оттуда ярко-красный сарафан на тонких лямках и с пуговицами на всю длину и серебристые балетки.

В гостиной на журнальном столике лежит белая небольшая коробочка. Открыв её, достаю оттуда новенький айфон последней модели. Да уж, братик расщедрился — дорогие шмотки, айфон... чувствую расплачиваться мне с ним придётся долго. Хотя телефон я ему просто верну, когда буду уходить, а себе потом куплю какой-нибудь простенький. Никогда не жила на широкую ногу, и нечего привыкать. Зажимаю маленькую кнопку на смартфоне, и он тут же оживает у меня в руках, оповещая о новом сообщении. Ткнув пальцем по дисплею, на нём тут же высвечивается имя брата. Значит успел уже номер свой мне вбить. Надо же, какой расторопный. Открыв сообщение, бегло пробегаюсь глазами по строчкам: «Котёнок, кредитка — твоя. Денег там достаточно для того, чтобы ты могла купить всё, что тебе захочется...», оторвав глаза от телефона, снова опускаю взгляд на журнальный столик и замечаю на нём чёрную кредитную карту. Кручу её в руках, заинтересованно разглядывая. Меня и так не мало напрягает то, что я нахожусь на полном обеспечении брата, а тот факт, что ко всему прочему он ещё и вручает мне кредитку с кучей денег на ней, вселяет лёгкую панику. Нет, это уже через чур! Вздёрнув подбородок, решительно возвращаю карточку на место и дочитываю сообщение. Помимо пин-кода от кредитки, нахожу ещё инструкцию по включению и отключению сигнализации. Не успеваю ещё дочитать текст, как сигнал телефона оповещает о новом сообщении. От Андрея, конечно же. «Правила, Катя. Не забывай о правилах.». Достал уже, тюремщик проклятый!

Спустя пол часа я сижу за кухонным столом, и, поедая овсянку, ковыряюсь в смартфоне, ища через интернет вакансии. Ничуть не удивляюсь, что кроме как устроиться официанткой, выбора у меня нет. Но и не расстраиваюсь, так как даже не рассчитывала на большее. Я только-только поступаю в институт, у меня нет никакого опыта работы, счастье, если меня возьмут хотя бы в кафешку. Позвонив по трём номерам, решаю не терять времени даром и сразу объехать все собеседования. Уже собираюсь выйти из дома, но на пороге замираю, вспомнив, что у меня нет денег на проезд. Проклятье! Придётся всё-таки воспользоваться кредиткой. Кафе, в которые меня сегодня ждут на собеседования, находятся на разных концах города, и пешком я туда буду до вечера добираться. Обречённо плетусь наверх, хватаю карту с журнального столика и покидаю дом, не забыв включить сигнализацию.

Первое место отметаю сразу, т. к. оно больше похоже на притон. Хозяин заведения — потный неопрятный мужик средних лет, смотрит на меня откровенно похотливым взглядом,

буквально раздевая глазами и мерзко облизывается, уставившись на мою грудь. Старый извращенец. А затем и вовсе сообщает, что форма для официанток у них состоит из юбки, едва прикрывающей задницу, колготок в сеточку и красного топика, в действительности представляющего из себя маленький лоскуток ткани на завязках.

Второе заведение, в противовес предыдущему, выглядит шикарно, но им, к сожалению, не подхожу я. Во-первых, у них жёсткое правило не брать на работу несовершеннолетних, а мне до восемнадцатилетия ждать ещё три недели, и я должна успеть заработать деньги. Я не могу позволить себе столько ждать, это противоречит моему плану, свалить от Андрея после дня рождения. А во-вторых, у них строгий сменный график с двенадцатичасовым рабочим днём. Так как в скором времени я пойду в институт, то конечно же не смогу работать в таком режиме. Жертвовать образованием ради работы я не стану, не смотря на то, что зарплату они предлагают весьма неплохую. Думаю, поработав полгода и немного подкопив, я бы даже смогла сделать в квартире родителей косметический ремонт. Но я не такая дура. Не для того я все эти годы корпела над учебниками, стараясь попасть на бюджет, чтобы потом всю жизнь ходить в переднике между столами. Так что, разочарованно вздохнув, я отправляюсь на последнее собеседование, в надежде, что там мне повезёт больше, чем в первые два раза.

Третье кафе, носящее сладкое название «Мармелад», оказывается небольшим, но очень даже уютным. Меня встречает светлое помещение с лёгкими бежевыми шторами на окнах, уютные столики с мягкими диванчиками и доброжелательный персонал. В дальнем конце кафе находится бар, за стойкой которого стоит молодой симпатичный бармен, добродушно мне улыбающийся.

— Добрый день. — вежливо здоровается парень, не сводя с меня заинтересованного взгляда — Что будете заказывать?

— Ну... — неловко мнусь на месте — вообще-то я на собеседование пришла. Мне на пять часов назначено. Не подскажете куда идти?

— О, так Вы к нам на работу устраиваетесь? — улыбка бармена начинает сиять ещё ярче. Он оглядывается по сторонам, потом выходит из-за стойки и подходит ко мне. — В баре пока нет посетителей, пойдёмте я Вас сам провожу.

Рада вашим комментариям и подписке)

— Меня, кстати, Лёша зовут — представляется парень, пока ведёт меня по длинному коридору рабочей зоны и дружелюбно протягивает мне руку.

— Катя — пожимаю его руку в ответ и смущённо улыбаюсь. Вообще я не очень сильна в общении с противоположным полом. Всю жизнь избегая привязанностей, я огородила себя от любого сближения с людьми. Так что да, я Катя Соколова, мне почти восемнадцать и у меня никогда в жизни не было парня. Чёрт, да я даже ни разу ни с кем не целовалась. Правда это если не считать Артёма Быстрова.... Но я это и не считаю! Хоть он и пытался поцеловать меня, у него ничего не получилось, потому что я прокусила мерзкому выродку язык до крови. Даже сейчас, думая о нём, меня пробирает нервная дрожь. До сих пор мне почти каждую ночь снятся кошмары, как эта тварь шарит своей потной рукой у меня между ног....

— Эй, ты чего? — вырывает меня из мыслей Лёша — Нервничаешь да? Не переживай, у нас хороший хозяин. Уверен, он обязательно тебя возьмёт на работу. — с этими словами парень подводит меня к широкой коричневой двери и ободряюще сжимает моё плечо — Ну, удачи тебе, Катя. — подмигивает и удаляется в сторону бара.

Нервно сглотнув, стучу и, услышав глухое «войдите», открываю дверь.

Кабинет, в который я вхожу, небольшой, с минимальным количеством мебели — стеллаж с документами, рабочий стол и два стула. За столом сидит молодой мужчина лет тридцати, с тёмными волосами, голубыми глазами и лёгкой небритостью, которая совсем его не портит. Он поднимает глаза от компьютера и вопросительно смотрит на меня.

- Здравствуйте — неуверенно начинаю, теряясь, от его удивлённого взгляда. — Я — Катя... Екатерина Соколова. Я вам звонила сегодня на счёт вакансии официантки.

— Да, точно. Здравствуйте, Екатерина. Меня зовут Кирилл Александрович Самойлов. Совсем вылетело из головы наше собеседование — приветливо улыбается мне в ответ мужчина и указывает на стул напротив себя. — Прошу, присаживайтесь.

Облегчённо выдохнув, сажусь на указанное им место.

Минут десять Кирилл Александрович рассказывает мне об обязанностях. Ну в общем-то тут ничего необычного — принимать заказы, разносить еду, отвечать за чистоту и качественное обслуживание закреплённых за мной столиков. Чаевые у них в кафе делить не принято, как бывает в некоторых заведениях, каждый забирает своё. Я улыбаюсь и киваю на каждое его слово. Я уже влюбилась в это место, здесь очень уютно и спокойно. Если судить по бармену Лёше, то персонал довольно дружелюбный, да и начальник кажется вежливым и адекватным. Его не смущает, что мне ещё нет восемнадцати, и он готов взять меня на работу на четыре дня в неделю с четырёх до девяти. Этот график просто идеально мне подходит. После университета я буду сразу ездить на работу и успевать вернуться домой до дурацкого комендантского часа, который установил мне Андрей.

— Что ж, Екатерина, если вас устраивают наши условия, то завтра мы ждём вас на ваш рабочий день — улыбнувшись, начальник встаёт из-за стола, чтобы проводить меня до двери.

— Спасибо, Кирилл Александрович. — улыбаюсь в ответ и счастливая выпархиваю из кабинета.

— Ну что? Как прошло? — участливо интересуется Лёша, когда я выхожу в зал.

— Взяли. — сияю в ответ, не в силах скрыть радость — завтра первый рабочий день.

— Супер! Я в тебе даже не сомневался. — воодушевляется парень — Завтра как раз моя смена. Так что не переживай, я тебе помогу, всё объясню и подскажу.

Попрощавшись с Лёшей, со счастливым выражением лица выхожу на улицу. У меня такое хорошее настроение, что хочется петь, плясать и хлопать в ладоши одновременно. Молодец, Катя. Ты сделала первый важный шаг на пути к своей независимости.

К моменту, когда я подхожу к дому, у меня на губах всё ещё играет глупая улыбка. Перепрыгивая через ступеньки, взбегаю на крыльцо и хочу уже ввести код для отключения сигнализации, но замечаю, что она и так уже отключена. Мне почему-то становится не по себе, в груди зарождается неприятная тревога. Хотя чего я волнуюсь? Наверняка это Андрей вернулся с работы, вот сигнализация и отключена. Медленно открываю дверь и вхожу в прихожую. Сработавший датчик движения тут же освещает небольшое пространство вокруг меня и сердце сжимается, когда я понимаю, что обуви Андрея по-прежнему нет, а значит брат домой не приходил. Тогда кто отключил сигнализацию? Я точно помню, что включала её, когда уходила из дома. Как такое забыть, если делала это в первый раз в жизни и мысленно трижды прокляла Андрея за то что, установил в своём доме этот адский агрегат, созданный специально, чтобы свести меня сума.

У меня в голове начинают усиленно крутиться шестерёнки. Раз сигнализацию я всё-таки включала, а сейчас она не работает, следовательно кто-то её отключил. А это может значить только одно — в доме кто-то есть. И этот кто-то абсолютно точно не мой брат. Вспоминаю, что когда подходила к дому, свет в окнах не горел... «Воры!» Тут же мелькает в моей голове. Трясущимися руками вытаскиваю из сумки телефон и непослушными пальцами тычу по экрану, набирая номер Андрея. «Аппарат абонента выключен», сообщает мне механический голос. Класс...

Очень медленно, на негнущихся ногах, крадусь по коридору, пытаюсь уловить хоть какие-то признаки жизни, но тёмные комнаты дома хранят тишину, ничем не выдавая присутствия в нём посторонних. Облегчённо выдыхаю. Чёртова сигнализация! Стоит наверняка как чугунный мозг, а по сути говно китайское. Наверняка ведь сломалась. Желудок начинает жалобно урчать, требуя восполнить отсутствие обеда плотным сытным ужином, и я, уже без всякого страха уверенно направляюсь на кухню. Собираюсь зайти, но как вкопанная замираю на пороге. Страх ледяными волнами расползается по моему телу, сковывая его в стальные цепи и пригвождая к месту, чувствую как сердце замирает и падает куда-то в ноги. Я стою на месте, не в силах пошевелиться, и смотрю прямо перед собой. В тёмной комнате, освещённой только тонкой полоской лунного света, я вижу силуэт человека, неотрывно следящего за мной.

Глава 5. Андрей

"Что падает, то нужно ещё толкнуть." Фридрих Ницше

Я жил по разному, но кем мы стали? Люди цепляются за деньги и кайф. Дружбу ломает самый чистый наркотик, Запомни Брат! Он тебя испортит! Точно! Судьбу ломают женщины, которых ты хочешь. Закрой глаза и попробуй, Попробуй ради бога, всё не испортить.

Ассаи

Я неторопливо веду машину по трассе, направляясь, наконец, в сторону дома. Разбитые костяшки слегка саднит. Но это приятная, успокаивающая боль, дарящая чувство освобождения.

Мудака я нашёл быстро. У нас не очень большой город, и вычислить местонахождение бывшего воспитанника детского дома Артёма Быстрова не составило труда. Я мог бы послать к нему кого-то из своих ребят, но сам себя не уважал бы после этого. Нет. Только сам. Своими руками. И никак иначе. И знаете что? Вы даже представить себе не можете, какое колоссальное удовольствие я получал, ломая этой падали кости, превращая его лицо в кровавое месиво. Он даже сопротивляться нормально не мог, чем выводил меня из себя ещё больше. Мерзкая трусливая крыса, которая может поднимать руку, только на слабых женщин... да каких, блять, женщин! Девчонок ещё совсем! Этот урод чуть не изнасиловал мою тринадцатилетнюю сестру! Обрёл её на жизнь на таблетках! Прежде чем наведаться к нему в гости, я навёл об этой суке кое-какие справки. Оказывается, он только недавно откинулся с зоны. Угадаете за что сидел? Изнасилование несовершеннолетней.

Я не стал его убивать. Смерть — это слишком легкое наказание, а я хотел, чтобы мудака мучился. Словом, я сделал с ним то же самое, что он когда-то с моей сестрой. Ну, почти то же самое. Катя, к счастью, сохранила обе свои почки, пусть и не в самом здоровом виде. Его же левую почку я скормил его собственному псу. Как я уже говорил, я не хотел, чтобы он подыхал, поэтому сам вызвал скорую. Надеюсь, они успеют вовремя оказать ему помощь, и он будет страдать ещё очень долго. А я, наконец, могу дышать свободно, зная, что отомстил за Катю. Вот теперь я, наконец, успокоился.

Беру в руки телефон, чтобы набрать сестре и удостовериться, что она уже дома, но чёртов экран отказывается зажигаться. Разрядился, сука. А автомобильная зарядка, как назло, сдохла на днях. Ладно, не страшно, до дома осталось каких-то пять километров.

Заехав на территорию и припарковав машину, бросаю взгляд на окна дома и замечаю, что в кухне горит свет. Значит, Катя всё-таки пришла домой вовремя, это радует. На самом деле очень боялся, что она заортачится и будет демонстративно нарушать все установленные мной правила. Мысленно уже готовил себя к долгим воспитательным дебатам, а ругаться с сестрой мне совершенно не хочется.

Поднявшись на крыльцо, улавливаю женский визг, доносящийся из дома. Какого чёрта? Внутренности тут же холодеют от страха за сестру. Не теряя времени, рывком открываю дверь и залетаю внутрь. Достигнув кухни, застаю на ней Катю. Девчка расслабленно развалилась на стуле. Закинув ногу на ногу и сложив руки на груди, она со скучающим выражением на лице взирает на нависшую над ней коршуном высокую пышногрудую блондинку.

— Какого чёрта здесь происходит? — задаю вопрос, бросая рассерженный взгляд на непрошенную гостью.

Услышав мой голос, Кристина разворачивается на сто восемьдесят градусов и демонстрирует лицо разъярённого носорога.

— Что здесь происходит? — пышет гневом крашенная блондинка. — Это я должна тебя спросить, что здесь происходит! Я прилетаю из Барселоны и первым делом на всех парах лечу, чтобы встретиться со своим любимым, и что я застаю? — Кристина тычет наманикюренным пальцем в Катю — Ты притащил в дом какую-то малолетнюю проститутку!

На миг, глаза сестры вспыхивают гневом, но быстро взяв себя в руки, она делает то, что я никак не мог от неё ожидать. Сестра поднимается со своего места, подходит ко мне и берёт под локоть.

— Знаешь что..... Андрюша — говорит она елеённым голосом и проводит тоненьким пальчиком по моей груди, от чего по моему телу проходит электрический разряд, как будто меня только что со всей дури шарахнули дефибрилятором. Сердце стучит как бешенное, норовя пробить грудную клетку. А Катя, как ни в чём ни бывало, обвивает меня руками и прижимается так плотно, что даже сквозь слои нашей одежды, я чувствую тепло её тела. Девочка явно провоцирует Кристину, воображая из себя ту, за кого блондинка её приняла — ты бы лучше не раздавал ключи от дома кому попало, а то так глядишь и хату обнести могут.

— Что ты сказала тварь? — виришит блондинка, поднимая голос до ультразвука — К твоему сведенью, я его невеста! А вот ты — дешёвка мелкая, которая влезла в постель....

— Закрой свой рот! — прерываю Кристинин монолог, едва сдерживая себя, чтобы прямо сейчас пинком не вышвырнуть эту размалёванную пигалицу из дома. Потом поворачиваюсь к сестре и уже мягко добавляю — Котёнок, иди спать ложись, поздно уже.

Катя пожимает плечами, встав на носочки, демонстративно целует меня в щёку, и с ехидной улыбкой помахав рукой пыхтящей от возмущения Кристине, убегает вверх по лестнице.

От её поцелуя, щека начинает гореть, а внутренности делают сальто. Я настолько сбит с толку неожиданным проявлением нежности со стороны сестры, что даже забываю, что в доме кто-то ещё есть. Просто стою, и, как дурак, пялюсь на удаляющуюся вверх по лестнице сестру. Меня приводит в чувство дикий визг.

— Котёнок?! Андрей, что это значит? Мало того, что ты привёл в дом какую-то дешёвую малолетнюю шлюху, так ещё и на моих глазах отправляешь её в спальню и называешь Котёнком!

Подскакиваю к девке и хватаю её за подбородок, сжимая пальцами щёки и, тем самым, заставляя замолчать.

— Я предупреждал тебя, Корсакова, — шиплю ей в лицо. — Закрой свой поганый рот. Не нужно меня выводить.

Кристина таращит на меня обезумевшие от страха глаза. Убедившись, что до неё наконец дошёл смысл моих слов, отпускаю её лицо и разворачиваюсь в сторону прихожей, чтобы стянуть с себя ботинки, которые не снял впопыхах, летя со всех ног домой на визги, которые, как оказалось, издавала эта придурочная.

— Это моя сестра, идиотка — бросаю ей через плечо — И если из твоего натруженного рта вылетит ещё хоть слово в её сторону, пеняй на себя. Даже смотреть на неё не смей, поняла?

— Андрюша... — растерянно бормочет Кристина — малыш, прости меня. Я не знала, что у тебя есть сестра. — немного придя в себя, блондинка подходит ко мне, берёт под руку и трётся силиконовым бюстом о мой локоть. — Если бы ты меня предупредил, я бы ни за что не стала так говорить с твоей сестрёнкой, котик, поверь.

— И с какого это хера, позволь узнать, ты вдруг стала моей невестой? — спрашиваю, брезгливо отцепляя от себя её руки.

Корсакова обиженно дует губы, но потом берёт себя в руки и отвечает с извиняющейся интонацией в голосе:

— Ну прости, малыш. Хотела эту шлю... То есть твою сестрёнку поставить на место. Просто чтобы показать кто тут главный.

— Если я трахаю тебя и за это спонсирую, это ещё не значит, что ты можешь без спроса заявляться в мой дом, Кристина.

Чёрт меня дёрнул повестись на уговоры и дать этой идиотке ключи от дома. Сосёт она конечно отменно, этого у неё не отнять. Да и вообще в постели старается на славу. Именно поэтому я её ещё не послал. С Кристиной Корсаковой я познакомился в своём клубе. Эта высокая стройная блондинка с силиконовыми буферами так старательно крутила возле меня задом, что пришлось оттрахать её прямо в кабинете. К слову сказать, отработала она отменно. Я не страдаю дефицитом женского внимания, но Корсакова так настойчиво предлагала себя и соглашалась абсолютно на любые эксперименты, что я решил оставить её на постоянной основе. Разумеется, я не дул ей в уши о любви с первого взгляда или вообще каких-либо романтических отношениях между нами, хотя и не скупился на спонсирование её хотелок. В том числе и отдых в Барселоне, с которого она недавно вернулась, был оплачен мною «от» и «до». Но границы наших партнёрских, так сказать, отношений мной были расставлены чётко. Я сразу разъяснил девке, что между нами только секс. И казалось, такой расклад её вполне устраивал. Но видимо это только на словах, а на деле эта тупая курица с рабочим гудком решила заявить на меня права. Надо бы завязывать с ней. Тем более, что я и так собирался после её приезда с ней распрощаться, слишком уж она стала навязчивая. Да и эти её "котик", "милый", "зая" бесят так, что блевануть хочется.

Выпроводив явно обиженную Корсакову за порог, отправляюсь к Кате в комнату. Постучав в дверь и услышав разрешение войти, прохожу в спальню и застаю сестру лежащей в постели. Не без удовольствия, отмечаю, что она снова надела на себя мою футболку. Признаться, я размышлял над тем, в чём она сегодня ляжет спать, пока поднимался по лестнице, и, если честно, боялся увидеть её в одной из недавно купленных пижам. Я сам себе не могу объяснить свои мысли, но почему-то тот факт, что Катя предпочитает спать в моей футболке стал для меня важен и значим. Дурость какая-то...

— Ты не говорил, что собираешься жениться — вырывает меня из собственных мыслей голос сестры. Катя произносит эти слова безразличным тоном, давая мне понять, что этот факт никак на неё не подействовал, но я улавливаю в её глазах странный огонёк, напоминающий... не знаю, разочарование что ли. Не могу точно разобрать, какие именно чувства скрывает в себе сестра, но то, что моя мнимая женитьба ей не безразлична чувствую однозначно.

Сам не знаю для чего я это делаю, но вместо того, чтобы опровергнуть слова Кристины произношу:

— Не успел тебе сказать просто. Как-то повода подходящего пока не находилось. А что, тебя это расстраивает?

Мне хочется, чтобы Катя сказала, что расстроена, чтобы разозлилась, кричала, требовала, чтобы я не женился на Кристине, проявила хоть какие-то эмоции на этот счёт, но она лишь пожимает плечами и устремляет полный безразличия взгляд в телевизор, так что мне уже начинает казаться, что ту искорку разочарования, которая ещё минуту назад полыхнула в её глазах, я сам себе придумал.

Уже собираюсь покинуть спальню сестры, как та вдруг подскакивает с кровати, и, быстрым шагом приблизившись ко мне, хватается за руку.

— Что это такое? — спрашивает сестра, рассерженно смотря на разбитые костяшки пальцев. — Андрей, ты с кем-то подрался?

Её руки такие мягкие, тонкие изящные пальчики мёртвой хваткой вцепись в мою ладонь.

— Да ничего страшного, Котёнок. Так, слегка повздорил с одним знакомым, ничего серьёзного, не волнуйся. — мне не хочется пугать сестру, и уж тем более я не собираюсь рассказывать ей, что ездил в гости к Быстрову, но провалился я под землю, если скажу, что не испытал удовольствие от того, что Катя за меня переживает.

— Тебе пять лет что ли, все вопросы кулаками решать? — хмурится сестра. — Аптечка у тебя где?

Конечно, мне не нужна никакая аптечка. Разбитые костяшки — не повод поднимать панику, но я зачем-то всё равно послушно иду за ней и вручаю сестре. Как замороженный наблюдаю за тем, как Катя обрабатывает раны перекисью, даже соглашаюсь на зелёнку, наплевав на то, что буду потом как дибил конченный ходить с зелёными кулаками.

Мазнув зелёнкой по разбитой коже, сестра складывает пухлые губки в трубочку и легонько дует на ранку, заставляя мои внутренности сначала похолодеть, потом поджариться и снова провалиться в холодную пучину. Невольно всздрагиваю от непривычных ощущений.

— Больно, да? — Катя поднимает на меня взволнованный взгляд.

— Нет — хрипло выдавливаю из себя, не сводя глаз с сестры. Она такая красивая, моя девочка. Мне так хочется снова почувствовать её запах, просто забыть обо всём, сжать её в своих объятиях, так крепко, как это только возможно, укрыть от всего мира... Странные, неправильные, необъяснимые чувства заполняют мою грудь, сердце, душу, всё моё существо. Чувства, в которых я не готов признаться никому. Ни самому себе, ни тем более ей. Чувства, которые бесспорно уничтожат меня в конечном итоге. Вопрос только в том, смогу ли я уберечь Катю от своего сумасшествия или погублю вместе с собой. Вопрос, ответ на который для меня очень прост и в то же время невероятно сложен.

Лето неумолимо близится к концу, и погода начинает портиться. Я лежу в постели и никак не могу уснуть. В голову лезут дурацкие, ненужные мысли, не дают покоя, давят на подкорку, вызывая приступ острой головной боли. Перед глазами стоит образ пышногрудой блондинки. И что Андрей в ней нашёл? Она же вся ненатуральная, как кукла из магазина для взрослых. На вкус и цвет все фломастеры разные, конечно, но лично в моём представлении не так должна выглядеть невеста...

Не знаю, почему меня так задел его выбор. Всё равно ведь должно быть. Но почему-то мне не всё равно. И это злит, заставляет ненавидеть брата ещё больше. Пытаюсь всеми силами успокоить вулкан внутри себя. Убеждаю себя, что так даже лучше. Андрей женится, заведёт семью, и, наконец, оставит меня в покое. Ведь я же именно этого и хотела.... Так ведь? Конечно этого! Я всё ещё придерживаюсь своего плана вернуться в квартиру родителей по достижении совершеннолетия. А Андрей со своей силиконовой долиной может катиться к чёрту!

Дождь, начавшийся ещё вечером, нещадно лупит в окна, превращаясь чуть ли не в библейский потоп. Сквозь шум воды, раздаётся первый раскат грома, и я подсакиваю на кровати, как ошпаренная. Я с самого детства панически боюсь грозы. Не могу находиться одна в тёмной комнате, когда за окном так гроыхает. Всё тело покрывается нервными мурашками, и меня начинает слегка потряхивать, словно в лихорадке. Это как фобия, которую человек не может объяснить даже сам себе и не в силах контролировать. Иррациональный страх охватывает всё моё нутро, сковывает железной хваткой, мышцы напрягаются, и я замираю, не в силах пошевелиться. Я так отвыкла спать в комнате одна, что сейчас чувствую себя беспомощной букашкой. Обычная гроза моим воспалённый от страха мозгом воспринимается чуть ли ни как всадник апокалипсиса. В приюте я спала в палате, рассчитанной на шесть человек, такие дождливые ночи переносить было гораздо легче, зная, что рядом с тобой кто-то есть. Это как боязнь темноты. Когда сидишь один в тёмной комнате, кажется что вот-вот из всех углов, из под всех щелей на тебя повалят страшные кровожадные монстры. Но стоит кому-то ещё оказаться поблизости, становится уже не так страшно. Хотя по сути, если монстры и вправду существуют, то никакая компания тебя, конечно, не спасёт. Но так уж человек устроен, все мы ищем защиты в ком-то другом. Одиночество нас пугает, а присутствие кого-то рядом дарит иллюзию безопасности.

Очередной раскат грома заставляет меня подпрыгнуть на месте, я буквально вскакиваю с кровати и как угорелая вылетаю из спальни. Я не могу контролировать себя в тот момент, панический ужас, порабощает мой мозг, и я могу думать только о том, чтобы снова не остаться одной в тёмной комнате, когда за окном стремительные молнии буквально вспарывают небо, словно это разозлённый на всё человечество Зевс мечет в нас своё смертоносное оружие.

Не успев опомниться, залетаю в комнату брата и замираю на пороге. Андрей спит, развалившись на кровати лицом вниз. Глаза привыкшие к темноте, осматривают его крепкую спину, и, наконец могу разглядеть татуировку, части которой видела на его предплечьях. На открытом участке голого тела, во всю ширь набит огромный дракон, извергающий из пасти огненные языки пламени, отголоски которых я уже видела на открытых участках тела брата. Приглядевшись внимательнее, замечаю ещё один рисунок —

маленькая девочка, сидящая у ног огнедышащего монстра, в страхе прикрывающаяся рукой от жалящего пламени. Это странно, но я не могу отделаться от чувства, что девочка смутно мне кого-то напоминает. Мне настолько хочется дотронуться до рисунка, почувствовать какой он на ощупь, что кончики пальцев начинает покалывать. Не в силах побороть порыв, подхожу ближе и провожу рукой по татуировке, дрожащими пальцами очерчиваю контур дракона, опускаюсь ниже, дотрагиваюсь до огня. Рисунок настолько реалистичный, что кажется, если я дотронусь до пламени, то обожгу руки, но этого не происходит. Продолжаю обводить картину пальцами, кожа Андрея такая тёплая, что похолодевшие от страха перед природной стихией руки, начинают согреваться, и тепло постепенно переходит и на всё моё тело. И тут Андрей вздрагивает, вероятно почувствовав на себе чужие прикосновения и, открыв глаза, переворачивается на спину, лицом ко мне.

— Катя? — удивлённо вскидывает брови вверх — Что случилось?

— Ничего. — неуверенно мнусь на месте. Не знаю как объяснить брату своё появление посреди ночи в его комнате так, чтобы он не посчитал меня полоумной. — там гроза на улице. Можно... можно мне к тебе.

Андрей молчит, неотрывно смотрит мне в глаза, словно пытая решить внутри себя какой-то вопрос. Пауза затягивается, и я уже готовлюсь к тому, что сейчас он отправит меня обратно к себе, но он неожиданно сдвигается к краю кровати и слегка приподнимает угол одеяла, приглашая меня лечь рядом. Тут же накатывает чувство облегчения. Как дурочка, широко растягиваю рот в улыбке, понимая, что не придётся всю ночь трястись как осиновый лист в гордом одиночестве в темноте своей спальни, и, опасаясь, что Андрей передумает, мигом запрыгиваю в кровать. Очередной раскат грома заставляет меня крепко вцепиться в брата. Я испуганно обвиваю его руками за талию, сцепив мёртвой хваткой, и утыкаюсь лицом в его грудь. Снова чувствую его пряный аромат, глубоко вдыхаю и задерживаю дыхание, как бы удерживая его запах внутри себя. Это помогает мне слегка успокоиться, и я расслабляюсь, но рук всё равно не расцепляю. Боюсь, что если отпущу, то паника снова вернётся, поэтому продолжаю лежать в обнимку с братом, положив голову ему на грудь. Андрей же, наоборот весь напрягается, вытягивается струной, превращаясь под моими руками в каменную глыбу, как будто я обнимаю не человека, а мраморное изваяние. Неприятно ему чтоли...? Ну конечно, я же не силиконовая долина по имени Кристина. Даже складно получилось... Внутри зарождается какое-то неприятное чувство, которому я не могу дать название. Мне противно думать, что Андрей вот также по ночам лежит с этой блондинкой, только не напрягается при этом от неприязни, а наоборот с удовольствием отвечает ей взаимными объятиями. Должно быть всё дело в том, что мне просто не нравится эта расфуфыренная дешёвка. Ну да, правильно, и как я сразу об этом не подумала. Очевидно же. Удивительно, что Андрей сам не замечает, на сколько она искусственная, ненатуральная, фальшивая, не только внешне, но и внутренне. Хотя какое мне дело? Хочет иметь рядом с собой бездушную куклу, флаг ему в руки! Со злости хочу отодвинуться от него и развернуться спиной, но как только начинаю отрывать от его живота руку, Андрей неожиданно хватает меня за запястье, не позволяя разомкнуть объятия. После чего переворачивается на бок и обхватывает меня своими сильными, мускулистыми руками. Вот теперь уже я напряжена, потому что никак не ожидала от него этих действий. Брат утыкается лицом в мои волосы и шумно втягивает воздух. Я замираю, не понимая, что происходит. Андрей тоже не шевелится. Мы лежим так несколько минут, но они кажутся мне вечностью. Мне бы стоило оттолкнуть его, но я настолько напугана грозой, что не

только не сопротивляюсь объятиям брата, но и сама не убираю рук с его крепкого торса. Мне просто физически необходима сейчас эта близость, дарящая чувство защищённости. Ненавижу себя в этот момент за слабохарактерность, которую не позволяла себе уже очень много лет, но ничего не могу с собой поделать, не могу заставить себя отпустить, убрать с себя его руки, просто лежу и жду, что будет дальше. Левая рука Андрея лежит на моём плече, и он медленно начинает большим пальцем выводить на нём круги. Кожа в этом месте тут же вспыхивает пожаром, мне становится жарко, дыхание учащается. По телу проходит непонятная дрожь, которая концентрируется где-то внизу живота. Не понимаю, что со мной происходит, никогда прежде не испытывала ничего подобного. Это похоже на страх, восторг, счастье, ненависть — всё одновременно. Странные, чувства, которые я не хочу испытывать. Мозгом понимаю, что не хочу, но моему телу от чего-то это нравится. Вторую руку брат медленно опускает вниз к моему животу, затем слегка перемещает вбок и сжимает мою талию, прижимая меня ещё плотнее к своему голому торсу. Андрей опускает губы к моей шее, не целует, а просто прикасается и оставляет их там. Я чувствую его тёплое прерывистое дыхание на своей коже, оно опаляет меня своим жаром, вызывая волну мурашек по всему телу. Мне хочется метаться по постели, сжимать пальцами простыни, я с трудом даю в себе желание застонать, изо всех сил кусая себя за нижнюю губу, через боль пытаюсь заглушить это странное чувство внизу живота, которое приносит боль, но в то же время настолько приятно, что я сжимаю пальцы на ногах, чтобы хоть как-то себя успокоить. Мне хочется, чтобы Андрей прекратил, но в то же время где-то в глубине души зарождается страх, что он остановится. Когда терпеть уже становится совершенно невозможно, брат вдруг целует меня в шею, прямо в то место, где отголосками моего сумасшедшего сердца бешено пульсирует вена, и, не отнимая губ, тихо шепчет «Сладких снов, моя девочка». После этих слов, Андрей убирает руки и слегка отодвигается от меня на кровати, оставляя после себя холод и пустоту.

Мне снится странный сон, как будто я бегу от огромного огнедышащего дракона. Разъярённое чудовище ревёт диким голосом и мечет в мою сторону огненные шары. Мне даже кажется, что я чувствую прикосновения горячего пламени на отдельных частях своего тела. Вот огонь проходится по моей шее, а потом как будто дорожкой переходит к ключицам. Мне должно быть больно, но вместо ожидаемых ощущений пламя кажется мягким и почему-то влажным. Эти огненные прикосновения больше не пугают, а наоборот кажутся приятными и мне хочется ещё. Я чувствую как внизу живота спиралью скручивается тугой горячий узел, требующий.... я не знаю чего... не могу объяснить. Мне просто хочется, чтобы этот узел достиг своего предела и разорвался, подарив чувство облегчения и освобождения от волнующих ощущений, но этого не происходит. И тут я останавливаюсь, поворачиваюсь лицом к дракону. Мифическое чудовище больше не кажется мне таким страшным и диким, как в начале. Наоборот, мне хочется прикоснуться к этому существу, ощутить гладкость его чешуи под своими пальцами. Дракон перестаёт извергать пламя, но я по-прежнему продолжаю ощущать его на своём теле. Мы стоим и смотрим друг на друга — я и дракон. Взгляд чудовища внимательный и осмысленный, я бы даже сказала человеческий. Мне кажется, что я уже видела раньше эти глаза, красивые, насыщенного зелёного цвета, но не могу вспомнить кому они принадлежат. Дракон открывает пасть, и я жду, что он вновь извергнет на меня своё пламя, но вместо этого слышу человеческую речь. Шёпот проносится прямо возле моего уха, опаливая его жарким дыханием и заставляя узел внизу живота скручиваться ещё сильнее: «Котёнок».

Тяжело дыша, я резко поднимаюсь на кровати. Мне жарко, лоб покрылся испариной, а между ног я ощущаю болезненную пульсацию. Не понимаю что со мной происходит, никогда за всю свою недолгую жизнь я не испытывала подобных ощущений. Повернув голову, понимаю, что лежу в постели одна, Андрей ушёл. Но я даже рада этому. Вчера я повела себя как последняя дура. Не надо было приходить в его комнату, и уж тем более не следовало у него ночевать. За то время, что я живу в доме брата, это уже второй раз, когда мы спим вместе, и этот факт меня нервирует. Я не собираюсь с ним сблизиться. План был не такой, так что пора с этим завязывать. Лучше уж буду всю ночь трястись от страха в своей кровати, не смыкая глаз, чем ещё раз лягу в его постель. И вообще, я так понимаю, что в скором времени тут разложит свои проститутские вещички силиконовая Кристина. Вот пусть он её в шею и целует.

Подумав об этом, тут же представляю, как Андрей лежит на постели в своей спальне, а к нему прильнула крашенная блондинка. Она обнимает его за талию, кладёт голову на его широкую крепкую грудь, а брат нежно целует её волосы. Меня передёргивает от отвращения. Неприятное липкое чувство, которому я пока не могу дать название, расплзается по телу. Я не знаю, что оно означает, потому что прежде никогда не испытывала такого, но я ненавижу невесту брата всей душой. И его тоже ненавижу! Вот пусть и живут вместе, всё правильно, они идеальная пара — два высокомерных говнюка. С горькой иронией задумываюсь о том, что с приездом в дом Андрея, я испытала массу новых чувств, ранее мне неизвестных. В основном неприятных, конечно. Да, определённо неприятных, уверена в этом.

Ощущение жарких огненных прикосновений, которые чувствовала во сне, постепенно

покидают моё тело, пока я думаю об Андрее и его гадкой невесте, и к счастью, пульсация между ног полностью исчезла. Так что окончательно придя в себя после странного сна, я поднимаюсь с постели и покидаю комнату брата, направляясь в душ. Стягиваю с себя футболку Андрея и кидаю в стиральную машину, но мне кажется, что даже после этого его запах не покидает моего тела. Он как будто впитался в мою кожу, даже волосы насквозь пропахли им. В голове мелькает дурацкая мысль, что Андрей так и пролежал всю ночь обнимая меня, и те огненные прикосновения, которые я ощущала во сне, на самом деле были Его прикосновениями, но отмахиваюсь от неё, как от назойливой мухи. Глупость, бред, не может такого быть. Просто кое-кому нужно лить на себя меньше одеколона, а то так глядишь весь дом его духами провоняет.

Первая половина дня проходит в небольшом волнении. Сегодня мой первый рабочий день в кафе, и вообще, это моя первая в жизни работа. Я очень переживаю, что не справлюсь. Ожидание даётся мне трудно, большую часть времени я просто бесцельно хожу по дому, чтобы хоть чем-то себя занять, и то и дело поглядываю на часы, отсчитывая минуты до выхода из дома. А когда, наконец, наступает час «икс», буквально несусь в сторону такси.

В «Мармеладе» уже полно посетителей, и мне не терпится приступить к работе. Зайдя в заведение, тут же встречаюсь глазами с улыбающимся мне барменом Лёшей. Он стоит за своей стойкой и дружелюбно машет мне рукой.

— Добрый день, ты наверно Катя? — прерывает наше с Лёшей приветствие высокая стройная девушка с бейджиком на груди. — Я администратор кафе, меня зовут Марина. Пойдём, я выдам тебе униформу и покажу твою рабочую зону.

После этих слов девушка разворачивается ко мне спиной и уверенной походкой от бедра направляется в сторону служебного помещения, жестом показывая мне следовать за ней.

Мне выдают униформу — чёрную приталенную юбку чуть выше колена и белую блузку. Администратор показывает мне столики, которые я должна буду обслуживать, также проводит небольшую краткую экскурсию по служебной зоне кафе. Я знакомлюсь с персоналом, все очень приветливые, девочки-официантки, в основном, примерно моего возраста. Пройдя инструктаж я, наконец, приступаю к работе.

В вечернее время самый большой наплыв посетителей. Студенты, заваливающиеся посидеть компашкой после института, мамы с детьми, зашедшие побаловать своих чад после садика или школы, пары, решившие устроить романтическое свидание в конце тяжёлого рабочего дня. Я, как угорелая, ношусь между столиками, еда успевая принимать заказы. Через пару часов ноги начинают гудеть от усталости.

— Не переживай, через пару недель привыкнешь, станет легче. — слышу голос за своей спиной, когда облокачиваюсь на стойку возле бара, чтобы перевести дух. Оборачиваюсь и вижу молодую девчонку, не старше двадцати, одетую в такую же униформу, как у меня. — Меня Маша зовут, кстати. — девчонка приветливо улыбается.

— Катя — улыбаюсь в ответ. Давно здесь работаешь?

— Уже второй год пошёл — отвечает Маша — я в архитектурном учусь, на второй курс перешла. Сама-то я не местная, так что снимаю комнату в коммуналке, а здесь работаю по вечерам, чтобы проживание было на что оплачивать. А ты местаная?

— Да, я у брата живу. — нехотя отвечаю. Мне не хочется расспросов о моей жизни. Боюсь, что Маша начнёт спрашивать, почему мы с Андреем живём вдвоём и где наши родители, но видимо она улавливает что-то в моём взгляде и не задаёт лишних вопросов.

Остаток вечера проходит гораздо веселее, потому что мы постоянно болтаем с Машей в

свободные минутки, да и бармен Лёша то и дело спрашивает как мои дела и не сложно ли мне справляться с работой.

— Я бы очень хотел тебя проводить — говорит парень, когда мы после смены выходим на улицу — но сегодня у меня ещё смена в клубе. Я по пятницам подрабатываю там за баром. Может в следующий раз? — неуверенно спрашивает Лёша, видимо опасаясь моего отказа.

— Да не переживай — ободряюще улыбаюсь ему в ответ. — я совершенно нормально доберусь сама. — специально обхожу его вопрос, о следующем разе. Мне не хочется, чтобы парень на что-то надеялся, потому что я не собираюсь заводить с ним отношения. Вообще ни с кем. Мне комфортно одной, я так привыкла и не хочу, устраивать себе лишние проблемы. Тем более, что Лёша приятный парень, и я бы не хотела испортить нашу начинающуюся дружбу отношениями, которые скорее всего в итоге закончатся расставанием.

Помоховав мне на прощание, парень удаляется, а я достаю телефон и смотрю в навигаторе расписание маршруток. Мне не хочется снова тратиться на такси, потому что эти деньги не мои, и я понимаю, что уходя, мне придётся вернуть Андрею всё до последней копейки. А так как на зарплату официантки особо не разгуляешься, придётся экономить.

Посмотрев в интернете, на каком автобусе можно доехать до дома Андрея, направляюсь в сторону остановки, но дорогу мне перегороджает серый Вольво. Окошко с водительской стороны опускается, и из него выглядывает уже знакомый мне мужчина.

— Катенька, здравствуйте! Ну как прошёл первый рабочий день? Справляетесь? — из окна седана выглядывает мой начальник Кирилл Александрович.

— Добрый вечер — говорю растерянно, потому что не понимаю, откуда он взялся возле кафе. На работе его сегодня не было — Всё в порядке, спасибо. Непривычно пока что, но, кажется, я не плохо справляюсь.

— Ну вот и отлично — шеф добродушно улыбается — Вы домой собираетесь? Садитесь, я Вас подвезу.

— А Вы разве не в кафе приехали? — спрашиваю удивлённо.

— Нет. Я... просто мимо проезжал. Заметил, как Вы выходите из здания, и решил подъехать, поинтересоваться как прошёл первый рабочий день у моей новой сотрудницы. Садитесь, довезу Вас, заодно и расскажете. — отвечает мужчина, продолжая ждать, когда я займу пассажирское сидение.

Мне кажется неуместным предложение Кирилла Александровича. Всё-таки он начальник, а я его подчинённая, и если кто-то из сотрудников кафе увидит, как я сажусь в его машину, может возникнуть недопонимание, поэтому, отрицательно помотав головой, отвечаю:

— Спасибо, не нужно. Тем более мне за город ехать. Так что я на автобусе лучше — на этих словах киваю в сторону остановки.

— Не хочется Вас разочаровывать, Катенька, но Вы 165 автобус до утра ждать будете. — уверяет меня Кирилл Александрович — Он ходит с интервалами в пять часов.

Глаза расширяются от паники, когда я мысленно подсчитываю, во сколько окажусь сегодня дома. Мой комендантский час начинается в десять, и учитывая, что рабочий день у меня до девяти, я никак не успею доехать до дома вовремя с таким расписанием маршрутки. Андрей ясно дал понять, что если я хотя бы раз опоздаю, из дома он меня больше не выпустит.

Воспользовавшись моим замешательством, Кирилл Александрович выходит из машины, и распахнув передо мной дверь с пассажирской стороны, взяв под локоть, подводит к авто:

— Ну же, Катя, садитесь. Мне совершенно не сложно Вас подвезти.

Не хотя, но я соглашаюсь сесть в машину, так как понимаю, что выбора у меня особо нет. Так что я называю начальнику адрес брата, и спустя минуту мы уже встраиваемся в поток автомобилей.

Стоит отметить, что шеф водит быстро, но, тем не менее, очень аккуратно, мягко лавируя между машинами. По дороге мы разговариваем о моём первом рабочем дне. Кирилл Александрович спрашивает, как меня встретили, хорошо ли принял меня коллектив, и, кажется, что это не просто знак вежливости с его стороны, а ему действительно интересно знать, как прошёл мой день. Беседа идёт непринуждённо, без неловких молчаний. Когда я рассказываю ему о своих впечатлениях от прошедшего дня, то и дело ловлю на себе его взгляд, и мне становится немного неловко. Несколько раз, за время поездки мне звонит Андрей, но я не решаюсь взять трубку, потому что не хочу говорить при начальнике, поэтому каждый раз сбрасываю звонок, а потом и вовсе выключаю телефон. Кирилл Александрович скашивает глаза, на потухший в моих руках мобильный, но лишних вопросов не задаёт, и я облегчённо выдыхаю, что не придётся объяснять с кем и почему я так категорично не хочу

разговаривать.

— Ну... спасибо, что подвезли — смущённо бормочу, выходя из машины, когда та тормозит на подъездной дорожке возле дома — извините, что отвлекла Вас от дел.

Кирилл Александрович отстёгивает ремень безопасности, и следом за мной покидает салон автомобиля.

— Ну что Вы, Катя — говорит начальник, подойдя ко мне ближе — я ведь сам к Вам подъехал и предложил подвезти. Так что это мне нужно извиняться, что так настойчиво навязал Вам своё общество.

По логике вещей нужно как-то подвести наш диалог к финалу и попрощаться, но я понятия не имею как это делается у нормальных людей. Это может показаться странным, я понимаю. Но жизнь в детском доме не сильно способствует социализации. Все мы — выходцы приютов, чем-то напоминаем маленьких Маугли, которые и понятия не имеют, как общаться с людьми.

Немного помявшись на месте, собираюсь с мыслями и решительно протягиваю шефу руку для рукопожатия. А что? Разве не так положено здороваться и прощаться у приличных людей? Но Кирилл Александрович при виде моего жеста почему-то начинает улыбаться, и вместо того, чтобы пожать мне руку заключает мою ладонь в свою и, немного наклонившись, легонько прикасается губами к тыльной стороне моей ладони, после чего тут же отпускает мою руку и направляется к своей машине. Уже возле двери начальник оборачивается и на несколько секунд задерживает на мне взгляд.

— До свидания, Катя — слышу его слова, произнесённые практически шёпотом. После чего шеф садится в машину и уезжает.

А я продолжаю стоять и пялиться вслед удаляющемуся автомобилю. Щёки заливают пунцовой краской, когда до меня наконец доходит, что я всё-таки сделала что-то не так. Может быть Кирилл Александрович решил, что я ему руку протянула вовсе не для рукопожатия, а именно для поцелуя? Бооооже мой! Если это действительно так, то я полная кретинка... Из размышлений меня выводит грубый мужской голос, доносящийся со спины.

— Живо иди в дом! — обернувшись на деревянных ногах, вижу на крыльце Андрея. Он стоит в домашних спортивных штанах и футболке, со сложенными на груди руками, и по плотно сжатой челюсти и напряжённым мышцам рук понимаю, что разозлился он не на шутку. Тут же в уме начинаю подсчитывать сколько раз за то время, пока начальник вёз меня домой, успела скинуть звонки от брата, и прихожу к неутешительному выводу, что мне кранты. — Катя, ты слышала, что я тебе сказал?! Немедленно домой! — голос Андрея звенит сталью, буквально разрезая воздух своим напором. Понимая, что каждая секунда промедления грозит мне серьёзными проблемами, мигом залетаю на ступеньки.

Хочу сразу побежать в комнату и запереться там, чтобы спрятаться от неминуемой расправы, и, в какой-то момент, даже начинаю думать, что мне это удалось, потому что у меня получается беспрепятственно пересечь холл, подняться наверх по винтовой лестнице и даже добежать до спальни. Уже было вздыхаю облегчённо, понимая, что, по крайней мере, на сегодня удалось избежать разборок, но только хватаюсь за дверь, намереваясь её захлопнуть, как она с силой распаивается, и Андрей буквально вталкивает меня в комнату.

Испуганно пячусь назад, когда разгневанный брат надвигается на меня. Медленно, на ватных от страха ногах, двигаюсь вглубь комнаты до тех пор, пока не прижимаюсь спиной к комоду. Нервно сглатываю скопившуюся во рту слюну, понимая, что дальше путей к отступлению у меня нет.

Лицо брата жёсткое и напряжённое, никогда прежде я не видела его в таком гневе, и это пугает меня. С ужасом понимаю, что я ведь совсем не знаю этого человека. Да, когда-то в детстве мы с ним были очень близки, он заботился обо мне, любил, баловал... но ведь прошло целых одиннадцать лет с момента нашей последней встречи. За это время брат мог измениться до неузнаваемости, я ведь изменилась... А что, если он меня ударит? От этой мысли мне становится так страшно, что я буквально съёживаюсь в комок, что есть силы вдавливаясь спиной в комод, будто пытаюсь слиться с ним воедино. Хочется стать невидимкой, раствориться в пространстве, волшебным образом исчезнуть из этой комнаты, чтобы не испытывать на себе злость брата, бешеным взглядом буравящего дырку в моём лице.

Андрей приближается ко мне вплотную и ставит руки на комод по бокам от меня, тем самым заключая меня в ловушку. Брат буквально нависает надо мной. Его лицо так близко, что я вижу, как пульсирует венка на его виске, лишний раз доказывая, в какой Андрей сейчас ярости. Малахитовые глаза брата приобретают какой-то алый оттенок, он тяжело дышит через нос и кажется ещё чуть чуть, и из его ноздрей повалит пар. В голове не к месту всплывает воспоминание о моём сне, в котором за мной гнался огнедышащий дракон, и я думаю о том, что Андрей сейчас очень похож на того страшного разъярённого монстра.

Неожиданно брат вскидывает вверх правую руку и я, охнув от страха, вжимаю голову в плечи, ожидая первого удара. Но этого не происходит, потому что Андрей вдруг на удивление мягко, но в то же время твёрдо опускает её на мой затылок и придвигает мою голову вперёд так, что наши лбы соприкасаются. Его лицо сейчас находится так близко к моему, что я ощущаю его горячее дыхание на своих губах, а запах его пряного парфюма заполняет мои лёгкие. Тело простреливает нервной дрожью, от которой у меня подкашиваются колени, но брат тут же хватает меня свободной рукой за талию, не давая упасть.

— Кто это был? — голос Андрея буквально разрезает густую тишину, заполнившую комнату. Я нахожусь в таком смятении, от происходящих событий, что не могу понять о чём он вообще спрашивает и лишь испуганно таращусь на брата во все глаза. — Катя, твою мать! — Андрей, теряя последние остатки самообладания, сильнее вдавливает пальцы в мой живот и слегка встряхивает меня, не больно, но довольно ощутимо — Я спрашиваю, кто только что подвёз тебя до дома?!

— Это... просто мой знакомый... — слабо пишу в ответ, словно испуганная мышь, попавшая в лапы голодному коту.

— Не ври мне, Катя! — Андрей буквально рычит эти слова, его лицо напоминает оскал дикого зверя в данный момент. Не понимаю, что могло его так разозлить. — Он, чёрт возьми, целовал твою руку! — орёт брат. С этими словами он ещё сильнее сжимает мою талию, а правая его рука опускается вниз к моей шее, проходясь кончиками пальцев по тонкой коже и опускается на плечо.

Андрей ещё сильнее прижимается своим лбом к моему, так, что наши губы практически

соприкасаются сейчас. Дыхание брата становится быстрым и тяжёлым, я чувствую, что в нём идёт какая-то внутренняя борьба, но никак не могу понять, что с ним происходит. Заглянув на секунду в его глаза, невольно вздрагиваю от того с какой жадью брат смотрит на меня.словно путник, сутками блуждающий по пустыне, наконец, наткнулся на долгожданный оазис. Андрей начинает лихорадочно блуждать руками по моему телу, проводит шершавыми ладонями по рукам, плечам, а потом опускает их на талию, с силой сжимая с обеих сторон, и я охаю от неожиданности, когда брат резко приподнимает меня вверх и усаживает на комод так, что наши лица теперь оказываются практически на одном уровне. Я даже не успеваю опомниться, когда одним резким движением Андрей раздвигает мои ноги и прижимается ближе, оказываясь между моих бёдер. На улице сегодня было тепло, поэтому облачившись утром в юбку, я не стала одевать колготки, и теперь единственная преграда, отделяющая меня от тела Андрея — тонкая ткань кружевных трусиков. Мне становится тяжело дышать, когда я ощущаю, как живот брата трётся о мою, практически голую плоть. Между ног начинает болезненно пульсировать, и мне хочется сжать колени, чтобы прекратить эту пытку, но я не могу этого сделать, потому что при первой же попытке тут же упираюсь Андрею в бока. Тяжёлое дыхание брата опалает моё лицо словно огнём, тело горит от его прикосновений, внутренности обдаёт жаром, когда Андрей перехватывает мои ноги, резко подавшись бёдрами вперёд. Пульсация между ног становится просто невыносимой, и я неосознанно хватаю Андрея за плечи, с силой сжимая их, словно боюсь, что если отпущу, то тут же упаду. Я не понимаю, что происходит с моим телом, что означает эта странная реакция организма на не менее странное поведение брата, но в скором времени я дышу также тяжело и часто, как и Андрей.

Брат слегка опускает голову, ведя губами по моей щеке и останавливается возле уха, слегка прикасаясь к мочке, от чего моё тело пробирает мелкая дрожь, покрывая мурашками каждый миллиметр кожи.

— Кто бы ни был этот хмырь, он и на километр близко больше к тебе не подойдёт. Ты поняла меня, Катя? Я не позволю. — шепчет Андрей мне на ухо, продолжая пальцами сжимать мои бёдра.

— Решил... поиграть... в заботливого брата? — спрашиваю сбивчиво, потому что моё дыхание настолько частое, как будто я только что победила в беге на длинную дистанцию.

Но эти мои слова как-то странно действуют на Андрея. На мгновение он замирает, становясь похожим на мраморную статую. Я даже чувствую, как каменеют мышцы его рук, когда он разжимает пальцы, секунду назад стискивающие мои бёдра. После чего Андрей резко убирает от меня руки и отстраняется.

— Решил... поиграть... в заботливого брата? — спрашиваю сбивчиво, потому что моё дыхание настолько частое, как будто я только что победила в беге на длинную дистанцию.

Но эти мои слова как-то странно действуют на Андрея. На мгновение он замирает, становясь похожим на мраморную статую. Я даже чувствую, как каменеют мышцы его рук, когда он разжимает пальцы, секунду назад стискивающие мои бёдра. После чего Андрей резко убирает от меня руки и отстраняется.

— Брата... — вторит мне в след. Ещё некоторое время Андрей растерянно смотрит на меня, но буквально через несколько секунд берёт себя в руки. Его дыхание успокаивается, черты лица смягчаются, а с малахитовых глаз сходит заволакивающая их ещё минуту назад пелена. — Да, я твой БРАТ, Катя — говорит с нажимом, словно пытаюсь убедить в этом. Только не меня, а будто бы себя самого. — И хочу тебе напомнить, что помимо того, что я твой брат, я ещё и твой опекун, и на правах опекуна имею полное право знать о том, куда ты ходишь и с кем общаешься. Я также имею право запрещать тебе это самое общение, в случае, если твой знакомый мне не понравился. А этот хрен — на этих словах Андрей тычет пальцем в окно, выходящее во двор, где ещё пол часа назад стояла машина Кирилла Александровича — мне определённо не нравится! И я запрещаю тебе с ним общаться! — эту фразу брат уже буквально выкрикивает мне в лицо.

— Андрей, успокойся! Это всего лишь мой начальник! — кричу в ответ, не желая дальше продолжать этот фарс.

— Кто? — опешив от моих слов, брат непонимающе на меня таращится, словно у меня только что выросла вторая голова — Какой ещё нахрен начальник?

— Обычный! Хозяин кафе, в которое я устроилась официанткой на подработку. Сегодня был мой первый рабочий день. Я работала до девяти и когда вышла с работы, он предложил меня подвезти. Я согласилась, потому что если бы ждала автобус, то не успела бы домой вовремя, а тратить деньги на такси я не хотела.

— Что ты придумала, Катя? — злится Андрей — Что ещё за работа? Какого хрена я о ней ничего не знаю?! Завтра же позвонишь в это твоё кафе и скажешь, что увольняешься!

— Нет! — испуганно выкрикиваю — Я не стану увольняться! Ты не имеешь права мне запрещать!

— Ещё как имею! Ты несовершеннолетняя, Катя! Что вообще за дурость пришла тебе в голову?! Тебе учиться надо, какая к чёртовой матери работа? Тебе что денег не хватает? Да ты же их не тратишь даже, я проверял счёт, ты с карты только на такси тратилась. Поверь, денег там предостаточно, тебе не о чем переживать. Покупай всё что тебе захочется.

— Андрей, пожалуйста! — буквально умоляю брата, в панике повиснув на его руке. Я не могу потерять эту работу. Конечно я не собираюсь рассказывать ему, что мне нужно заработать денег, чтобы уйти в дальнейшем в свободное плавание, но какую-то часть правды для спасения ситуации я всё же в состоянии сказать — Я не могу так, понимаешь! Мне сложно... Ты и так выдернул меня из привычной среды. Я вынуждена начинать жизнь заново, собирать буквально по кусочкам... Я к такому не привыкла — говорю, обводя руками вокруг — Всю свою сознательную жизнь я полагалась на саму себя, и я не могу просто взять и по щелчку пальцев это поменять. Ты не оставил мне выбора, забирая из

приятно. Пожалуйста, позволь мне хотя бы привыкать постепенно, оставь хоть призрачную видимость контроля за своей жизнью!

Несколько минут Андрей молчит, только неотрывно смотрит мне в глаза, и я уже начинаю думать, что проиграла этот спор, как вдруг неожиданно его лицо смягчается, и он устало произносит:

— Хорошо, Катя. Ты можешь ПОКА остаться на этой работе. — от счастья начинаю буквально прыгать на месте, не в силах сдержать эмоции, но Андрей прерывает мой порыв, добавляя — Но у меня будет к тебе несколько условий — опять эти его дибильный условия! Шантажист! — Это не повлияет на учёбу, на правила, установленные мной в этом доме, ты перестанешь экономить деньги с карты и будешь передвигаться только на такси. Чтобы никаких больше поездок в машине своего начальника, знакомого, приятеля или кого бы то ни было ещё. Ты меня поняла?

Ну, на эти условия пойти я вполне могу. Почти на все... Не сдержав эмоций, буквально запрыгиваю на брата, обвив его торс ногами, обхватываю руками за шею и, поддавшись порыву, хочу поцеловать в щёку, но Андрей, не ожидавший от меня такого поведения, поворачивает голову, и я впиваюсь поцелуем прямо в его горячие губы. Я хочу тут же отстраниться, но Андрей неожиданно хватает меня за затылок, не позволяя этого сделать, а второй рукой подхватывает под ягодицы, не оставляя возможности слезть с него. Мы застываем в этой позе неподвижно. Моя промежность снова оказывается плотно прижатой к животу брата, и я всем своим существом ощущаю, какой он горячий. Его жар переходит и на меня. Такое чувство, что во всём мире мы с ним только одни сейчас, стоим, объятые единым пламенем, одним на двоих. Андрей по прежнему фиксирует мой затылок, не оставляя возможности отстраниться, плотно прижимаясь своими губами к моим. А я чувствую, как внизу моего живота, расплзается томительное, мучительно сладкое тепло, отдающее уже знакомой пульсацией между ног. Ощущения постепенно нарастают, становясь всё нестерпимее, появляется непреодолимое желание ёрзать, тереться промежностью о живот Андрея, кажется, что эти действия принесут мне облегчение, но я не решаюсь. От волнения мои губы пересохли, я легонько просовываю между ними язык, проведя им по нижней губе и случайно задеваю губы брата, отчего он ещё сильнее стискивает мои ягодицы, буквально вдавливая моё тело в своё. Андрей шумно выдыхает мне в рот, и я понимаю, что всё это время он не дышал.

— Что же ты делаешь со мной, Катя? — выдавливает из себя Андрей. Брат по прежнему не отстранится, поэтому, когда он говорит, я чувствую как его горячие губы задевают мои, заставляя моё тело непроизвольно вздрогнуть. Не от испуга, а от какого-то другого чувства, которого я никогда в жизни не испытывала и не знаю, что оно может значить.

Голос брата кажется мне каким-то измученным, словно на него в один момент свалилась невероятная усталость. Я не понимаю причин его состояния, но где-то на подсознательном уровне ощущаю себя виноватой. Хочу что-то ему ответить, но Андрей вдруг резко опускает меня на пол и, не попрощавшись, выходит из спальни, оставляя меня стоять в центре комнаты на пошатывающихся от пережитых эмоций ногах.

От такого количества произошедших за последние пол часа событий у меня кружится голова. Что только что происходило в моей спальне? Почему Андрей так странно себя вёл? Не понимаю, что это за неадекватная реакция на то, что кто-то просто подвёз меня до дома. Что в этом такого? Тут же вспоминаю, сколько раз он звонил мне, пока мы с Кириллом

Александровичем ехали в машине, а я всё время сбрасывала звонки, а потом и вовсе выключила телефон. Должно быть брат испугался, что со мной что-то случилось, и подумал, что шеф мог что-то мне сделать. Господи, ну конечно! Почему я сразу об этом не подумала? Не нужно мне было сбрасывать его вызовы. Тем более что на днях я рассказала ему эту историю с Артёмом Быстрым, а Андрей в ответ пообещал, что меня больше никто не обидит. И вот я скидываю его звонки, а потом меня привозит на машине какой-то неизвестный взрослый мужчина. Ну я и дура... Не мудрено, что Андрей теперь так злиться. Как бы я не относилась к брату сейчас, всё же я понимаю, что он чувствует на себе ответственность за мою жизнь.

От осознания своей ошибки мне становится так стыдно, что я хочу тут же побежать к Андрею и попросить прощения за своё глупое поведение, но в последний момент решаю переждать до завтра. Брат слишком разозлён сейчас, и я боюсь того, какая ещё реакция может последовать от него в ответ на мои извинения. Всё же не даром говорят, что утро вечера мудрее, так что лучше дать брату время успокоится, а уже потом подойду, объясню ему всё и пообещаю никогда впредь не заставлять его нервничать.

На ватных ногах бреду к кровати, желая только одного — побыстрее лечь спать, чтобы завершился, наконец, этот ужасный день. Уже собираюсь сдёрнуть покрывало, как вдруг замечая на нём белую хлопковую материю. Приглядевшись внимательнее, понимаю, что это футболка брата. Но не та, которую я носила до этого. Прошлую я кинула в корзину для белья. Получается, Андрей увидел свою футболку в грязном белье и принёс мне новую? Может он не уверен в том, что у меня есть пижама и решил на всякий случай оставить мне для сна свою одежду?

Я понимаю, что мне вовсе не обязательно в ней спать, потому что пижама у меня действительно есть и не одна, но почему то всё равно одеваю на себя футболку Андрея и забираюсь в кровать, плотно укутавшись в одеяло. Обхватываю двумя руками ворот и, слегка приподняв, вдыхаю полной грудью. Меня тут же обволакивает уже такой знакомый пряный аромат, принося с собой спокойствие и умиротворение. И едва моя голова достигает подушки, я тут же проваливаюсь в глубокий сон.

Стою под ледяным душем, пытаюсь выбить из себя это чёртово наваждение, отрезвить, привести в чувства. Но холодная вода не помогает. Бесполезно, я слишком сильно и безвозвратно отравлен этим ядом. Он смешался с кровеносной системой, пустил метастазы по всему организму, отравил, уничтожил меня изнутри. Хотя бы самому себе я должен признаться в том, что со мной творится. Ещё какое-то время я пытался отрицать очевидное, уговаривал себя, что ничего особенного не происходит, старался не замечать своих чувств. Но то, что я испытал, увидев Катю в компании постороннего мужчины, то, как он смотрел на неё, как целовал её руку... В очередной раз воспроизведя в голове картинки сегодняшнего вечера, с силой ударяю кулаком об плитку, по которой тут же тонкими струйками начинает стекать моя кровь. Убью суку! Своими собственными руками переломаю твари хребет. Меня так сильно трясёт от неконтролируемой ярости, что в скором времени я, как конченный псих, со всей дури молочу кулаками по плитке, раздирая костяшки в мясо, представляя что разбиваю рожу бородатому хмырю, посмевавшему дотронуться до моей малышки.

Когда это началось? Когда братская любовь превратилась в неправильную, испорченную, извращённую? Поднимаю голову на встречу ледяным потокам и вспоминаю каждое мгновение рядом с Катей, пытаюсь понять, какой момент стал решающим. Когда я целовал её заплаканное лицо на кухне? Или когда она испуганная грозой прибежала ко мне в поисках защиты? А может быть ещё раньше, когда умоляла меня остаться с ней на ночь, не оставлять одну после приступа? Нет, уже тогда я был отравлен, уже тогда моё сердце было пропитано её запахом, тело дрожало от каждого мимолётного прикосновения её тоненьких пальчиков к моей коже. Всё произошло гораздо, гораздо раньше. Ещё в детском доме, когда впервые увидел её после стольких лет разлуки. Хрупкую, нежную, ранимую, но в тоже время такую желанную, манящую, вызывающую непреодолимое желание защитить, спрятать, укрыть от всего мира, сделать своей.

А может быть это всегда жило во мне? Может быть моё нутро было изуродовано с самого начала? Ведь это же Катя — моя маленькая девочка. Только моя. Я всегда любил её. Всегда считал своей и ничьей больше. Даже родители не имели на неё тех прав, что были у меня. Конечно, когда она была ребёнком, я не испытывал к ней мужского желания. Может быть я и убудок, определённо так оно и есть, но не настолько, чтобы возбуждаться на маленькую девочку. Но всё же внутри всегда жила уверенность, что Катя принадлежит только мне. Просто раньше никогда не возникало мыслей, что кто-то сможет её коснуться. Даже я, чёрт возьми. Она была моей святыней, моим идолом на которого я молился, в которую верил, в которой черпал силы.

Воспалённый мозг услужливо подсовывает мне воспоминания об уроде, целующем Катину руку, смотрящем на неё с неприкрытым интересом. На неё. Мою девочку. Сестра слишком наивная и чистая, чтобы заметить в глазах своего шефа мужской интерес, моя маленькая невинная малышка. Такая чистая, не видящая вокруг себя грязи, пошлости, испорченности этого мира, даже после всего, что с ней произошло. И моё извращённое нутро она тоже не видит, не замечает, что со мной происходит. Не видит как учащается мой пульс, когда она просто проходит мимо, каким тяжёлым становится дыхание, когда слышу тонкую мелодию её голоса, как полыхает пожаром тело, когда она ненароком дотрагивается до меня. Ничего не замечает моя маленькая, невинная девочка. Вспоминаю её

непонимающий взгляд, удивлённо распахнутые глазки, которыми она смотрела на меня в своей спальне, когда я едва не потерял остатки самоконтроля, усадив её на комод и развинув ноги. Малышке даже в голову не пришло, что я могу сделать с ней что-то запретное, выходящее за рамки братских чувств. Доверчиво хваталась за мои плечи, в то время как я едва сдерживался, чтобы не содрать с неё одежду, и не сделать девочку своей, чтобы никто больше не смел посягнуть на то, что принадлежит мне. С трудом заставил себя оторваться от неё, когда она в порыве благодарности запругнула мне на руки.

Совсем ещё ребёнок, ангел подаренный мне судьбой, не смотря на все грехи. Подарок, который я определённо не заслужил, и который не имею право распаковывать. Я не должен, не могу, не имею права её касаться. Не могу испортить её собой, отравить своим ядом, заразить этой болезнью. Но тогда что же? Просто быть рядом? Смотреть, как она взрослеет, как расцветает на моих глазах, превращается в женщину, а потом просто... что? Отпустить? Отойти в сторону? Отдать другому мужчине? От одной мысли о том, что кто-то прикоснётся к моей сестре, в висках набатом начинает стучать неконтролируемая ярость, которую не способен затушить ни один холодный душ, столкнувшись с которой разлетится вдребезги любой айсберг. До боли сжимаю кулаки, пытаюсь успокоиться, побороть желание крушить, ломать, разрушать всё вокруг себя. Или того хуже, залететь в Катину комнату и сделать девочку своей по настоящему, заклеить её собой, навсегда впечатать в неё свой запах, пропитать её плоть своими соками, поставить на ней метки, чтобы никто и никогда не смел к ней больше притронуться, даже просто посмотреть в её сторону не решился. Она моя! Всегда была моей! Не отдам, не позволю прикоснуться!

Поддавшись порыву, вылетаю из душа, обматываю бёдра полотенцем и, выскочив из комнаты, захожу в Катину спальню. В нерешительности замираю на пороге. Девочка свернулась клубочком под одеялом, по-детски сложив ладошки под щекой. Такая маленькая, чистая, совсем ещё ребёнок.

Нет! Нельзя! Нельзя её трогать! Что же ты делаешь, Андрей? Больной ублюдок. Я должен быть её опорой, поддержкой, давать защиту. Я же сам лично клялся сестре, что никто никогда больше её не обидит. И что теперь? Своими же руками решил её уничтожить? Не могу, не стану, никогда себе не прощу. Да и как ты себе это представляешь, долбаный ты сукин сын? Скинешь с малышки одеяло и возьмёшь силой? Изнасилуешь родную сестру, только чтобы другому не досталась? Потому что Катя никогда не станет моей добровольно. Она же видит во мне только старшего брата. Да я, блять, и есть её старший брат!

С чувством полного бессилия падаю на колени рядом со спящей сестрой. Не в силах побороть желание, дотрагиваюсь до её мягких волос. Легонько, чтобы не разбудить, провожу кончиками пальцев по бархатной коже, а потом наклоняюсь к ложбинке над левым ушком и втягиваю её аромат. Запах ванили и детского мыла заполняет всё моё нутро. Аромат, на который я подсел, как на наркотик, без которого меня ломает, как конченного героинщика. Уже чувствую как накатывает, как начинает гореть тело, от желания обладать моей девочкой. Голодный зверь внутри меня рычит, мечется, в маниакальном припадке, пытаюсь сорваться с цепи. Нужно уходить отсюда, быстрее, сейчас же, пока не стало слишком поздно, пока не произошло непоправимое.

Вскакиваю с колен и вылетаю из комнаты сестры. Тяжело дыша приваливаюсь к стене, пытаюсь унять возбуждение, такое сильное, какое я не испытывал никогда в своей жизни. Никогда ни одну женщину я не желал так, как Катю. Да мне, блять, противно даже сравнивать её с другой, потому что моя девочка самая лучшая, особенная, не такая как все эти шлюхи, виляющие задом, как шавки хвостом.

Нельзя. Нельзя думать о ней как о женщине. Она моя сестра. Моя МАЛЕНЬКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЯЯ РОДНАЯ СЕСТРА! А я... я просто больной извращенец. должен заботиться о ней, воспитывать, заменить для неё мать и отца, оберегать от ошибок. А я вместо этого мечтаю о том, как она окажется в моей постели, как я сделаю её своей. Представляю, как она будет стонать, ловить пухлыми сочными губками воздух, извиваться подо мной, пока я буду брать её, доводить до изнеможения, ласкать её тело... Чёрт! Меня надо лечить, изолировать от общества, запереть в одиночной камере и никогда...никогда не подпускать к Кате. Такому больному ублюдку, как я не место рядом с ней, с моей чистой невинной малышкой. И не будь я таким конченым уродом, я бы так и сделал. Отселил бы сестру подальше от себя, снял бы ей квартиру, приставил охрану, Марию Ивановна, в конце концов, с ней поселил, чтобы заботилась о моём Котёнке. Но я настолько жалок и эгоистичен, что не смогу этого сделать. Мне невыносима даже мысль о том, что её не будет рядом со мной. Что я не буду видеть её безупречного лица, слышать её мелодичный голос. Я просто умру без этого. Я и так не понимаю, как не подох за эти одиннадцать лет вдали от моей малышки.

Но всё же я должен в первую очередь думать о сестре. О том, как будет лучше для неё. Кате не нужно всё это дерьмо, не нужно знать о моём уродстве. Пусть это останется во мне, со мной, я запрячу это так далеко, как только возможно, она никогда не узнает о том, на сколько непоправимо я болен. Ей нужен рядом заботливый любящий брат, и я им стану. Сделаю всё для счастья моей малышки. Буду её плечом, когда ей нужна будет опора, жилеткой, в которую она сможет спрятать свои слёзы, хотя я не допущу их появления. Стану её верным псом, цербером, охраняющим ото всех, кто может навредить ей, от себя в первую очередь...

Да, я определённо дам Кате всё это, всё, что ей будет нужно для счастья. Но мне необходимо время. Время, чтобы успокоиться, прийти в себя, принять то, что есть и смириться с тем, как должно быть. Мне нужно время, а значит пока что необходимо ограничить наше с Катей общение. Дать себе возможность успокоиться, научиться общаться с младшей сестрой так, как подобает старшему брату, как должен общаться опекун со своей подопечной.

Лёгкие начинают гореть, требуя восполнить недостаток никотина, поэтому я захожу в спальню, одеваю спортивные штаны и футболку и выхожу на балкон. Совсем скоро лето передаст эстафетную палку осени, и ночи становятся довольно прохладными. Но сейчас это как раз то, что мне нужно. Хотя, кого я обманываю, ледяной душ не помог, и холодный воздух тоже не поможет. Не без наслаждения делаю первую затяжку, заполняя лёгкие тягучим дымом и выдыхаю белое облако в пустоту, стараясь не думать о сестре, мирно спящей в соседней комнате. В кармане начинает вибрировать телефон. Вытаскиваю и вижу, как на дисплее загорается «Сивый». Странно... Игорь никогда не звонит в такое время без

необходимости.

— Да — бросаю в трубку, прижимая к уху телефон.

— Сокол, тут такое дело... — начинает издалека — я конечно арабов нахуй-то послал, как ты мне и сказал... Но они по ходу по-русски не поняли, а по-турецки я матом, прости, не умею.

— Ты чё, обдолбался чтоли? — начинаю злиться, потому что Игорь порит какую-то откровенную хуйню.

— Да блять, если бы обдолбался... — начинает раздражаться друг — Тут Рашид со своими шестёрками приехал. Базарить сказал будет только с тобой.

Блять... ну что эти ёбанные турки не понятливые-то такие, а? Я уже в сотый раз отклоняю предложение по сбыту оружия, но Рашид, сука, настойчивый оказался. Никак понимать не хочет.

— Пол часа — отвечаю коротко и скидываю звонок.

Спустя двадцать минут я уже в клубе, сижу за столом в своём рабочем кабинете и холодным взглядом взираю на высокого крупного мужчину с лёгкой проседью волос, восточной наружности.

— Андрей Петрович, — голос араба низкий, с сильным акцентом — мы же к Вам со всей душой, а Вы так грубо отказываетесь. — с мнимой вежливостью продолжает Рашид. Перевожу взгляд на двух амбалов дежурящих возле двери, сжимающих в руках стволы и всем своим видом демонстрирующих мне их «душевность» — Давайте напрямую, Андрей Петрович. Что именно Вас не устраивает в нашем предложении? Может быть цена? Что ж мы открыты для переговоров.

— Господин Аль Аббас — прерываю его монолог. — Вы же серьёзный умный человек, и должны понимать, что если бы дело было в стоимости за услуги, я бы не ломался тут перед Вами, как целка перед первым разом. — продолжаю стальным голосом, вкладывая в него всю свою уверенность. С такими людьми как Рашид нужно быть жёстким, уверенным в том, что говоришь, они понимают только силу, это я усёк ещё по малолетке. — Возможно мой человек говорил с Вами недостаточно убедительно, — киваю в сторону Сивого, сидящего рядом в кресле — тогда я попробую объяснить более доступно. Сотрудничества не будет. Ни на каких условиях. Терроризм, видите ли, противоречит моим моральным принципам. Понимаю, что в это сложно поверить, но к Вашему несчастью, они у меня есть.

— Ну что Вы, господин Соколов, разве я похож на террориста — разводит руками мужчина, как бы предлагая приглядеться к нему внимательнее. На нём строгий деловой костюм, резко контрастирующей с внешностью. Гораздо больше ему подошли бы кандура и гафия(1). — Я всего лишь бизнесмен.

— И тем не менее. — продолжаю с нажимом. — Меня вполне устраивает доход, который я имею сейчас. В качестве извинения за неоправданные ожидания, предлагаю Вам и Вашим друзьям — прохожусь глазами по охране Рашида — провести время в моём заведении. Разумеется, за мой счёт. Пит-босс(2) проследит, чтобы Вам выдали фишки.

Турок медленно встаёт из за стола. Выражение его лица ровное, абсолютно спокойное, ничем не выдаёт мыслей, наполняющих его голову в данный момент.

— Благодарю Вас, Андрей Петрович. — вежливо улыбается араб, но только одними губами, глаза мужчины при этом остаются холодными — Вынужден отказаться от Вашего жеста вежливости. У меня через час следующая встреча, и она, к сожалению, не из самых приятных. Видите ли, один мой партнёр решил меня кинуть. — Рашид продолжает говорить, ни на секунду при этом не разрыва со мной зрительного контакта. Я тоже не отвожу взгляд. Всё это напоминает мне детскую игру в "кто первый отвернётся", но в отличие от неё, ставки в нашей гораздо выше — а я такого не прощаю. — на этих словах турок начинает медленно двигаться в сторону выхода. Уже на пороге оборачивается и с холодным выражением лица добавляет стальным голосом — До свидания, Андрей Петрович. Берегите себя. — после чего удаляется, забирая с собой свиту.

(1) элементы традиционной одежды арабских мужчин

(2) управляющий в казино

Глава 6. Катя

"Величайшие события — это не наши самые шумные, а наши самые тихие часы." Фридрих Ницше

Эта ночь никогда не закончится, И тебе не хватает терпения. Я дарю тебе одиночество На стекле в твоём отражении. Я дарю тебе одиночество На стекле в твоём отражении.

Звери

С момента событий, произошедших в моей спальне между мной и Андреем, прошла уже целая неделя. Всё это время брат со мной почти не разговаривает. Максимум, что мне достаётся — это холодное приветствие с утра и такое же пожелание спокойной ночи вечером, и то не всегда. Не понимаю, что послужило такой координальной смене отношения ко мне, ведь ещё недавно Андрей всеми силами пытался наладить со мной контакт, а теперь словно сам отталкивает от себя. Чувствую, как он напрягается, стоит мне оказаться рядом, как спешит скорее покинуть комнату, в которой мы оказываемся вместе. Старательно убеждаю себя в том, что так для меня даже лучше. И вообще-то, если разобраться, так оно и есть. Зато теперь Андрей наконец-таки честен со мной, перестал изображать мнимую заботу. И мне, в свою очередь, будет гораздо легче уйти из этого дома, будучи уверенной, что я здесь ровным счётом никому не нужна. Теперь я ещё сильнее этого хочу. Мне невыносимо смотреть, как он каждый раз отводит глаза, стоит нам случайно встретиться взглядами, как напряжённо играет желваками, если я оказываюсь слишком близко к нему. Словно ему противно моё присутствие рядом...

Андрей перестал общаться со мной, зато с небывалой активностью посвятил всё своё внимание силиконовой Кристине. Каждую ночь он таскает свою порно-невесту в спальню. Каждую ночь я затыкаю уши наушниками, делая музыку на максимум. Но даже это не помогает заглушить стоны, издаваемые из соседней комнаты. Боже, она явно пересмотрела порно роликов. Неужели этот процесс может быть настолько приятным, что невозможно сдерживать криков? Нет, ну ладно ещё стонать, но эта ненормальная же во всё горло орёт!

Со всей силы прижимаю ладонями наушники к ушам, пытаюсь заглушить эти визги, падаю на кровать, придавливая голову подушкой. Не помогает... Как же я ненавижу эту Кристину, всем сердцем презираю. Умом понимаю, что по сути мои чувства к этой женщине ничем не оправданны. То что она выглядит как дорожница с трассы и имеет повадки порно звезды может быть поводом не испытывать к ней симпатию, но не ненавидеть. Всё-таки для ненависти нужны серьёзные основания, которых у меня на самом деле нет. И тем не менее я её чувствую — лютую, нестерпимую, разрушающую ненависть.

К тому же, невеста Андрея, после того как узнала, что я его сестра, а не любовница, стала прикладывать все усилия, чтобы со мной подружиться. Видимо думает, что таким образом сможет угодить моему брату. Глупая, наивная дурёха, Андрей плевать хотел на меня. Да и я не оставляю невесте брата ни единого шанса на налаживание отношений, но Кристина как будто вообще не понимает намёков, прёт как танк со своей наигранной дружелюбностью.

— А, Катенька, это ты милая? — сияет улыбкой до ушей Силиконовая Долина, когда я спускаюсь с утра в кухню. Андрей, заметив меня, хмурится и отводит взгляд. При виде его

обжигает меня своим пламенем. Грудь болезненно ноет под его взглядом, становится душно, потому что пожар начинает распространяться дальше, постепенно опускаясь к низу живота, от чего я с усилием сжимаю колени, пытаюсь унять странные, непривычные ощущения.

Смотрю на Андрея, вижу как дёргается его кадык, когда он с шумом сглатывает скопившуюся слюну, замечая моё движение ногами.

— Я... я поздно сегодня буду... не жди — хрипло шепчет брат, после чего вскакивает с места, и, схватив со столешницы ключи от машины, быстрым шагом покидает дом, ни разу не обернувшись.

Сегодня в кафе на удивление мало посетителей. Поэтому большую часть времени мы просто болтаем с Машкой в рабочей зоне, а Лёша рассказывает нам смешные истории, которые происходили с ним на работе. Мы шутим, смеёмся, и я чувствую себя так легко, как давно уже не чувствовала. За то время, что я работаю в «Мармеладе» мы очень сдружились. Да, я наконец решила позволить себе эту слабость — завести друзей. Если честно, я дико устала быть всё время одна. Одиночество, которое я раньше считала комфортным и безопасным, вдруг стало давить на меня. А с тех пор, как Андрей перестал со мной общаться, и вовсе стало невыносимым. Сама не понимаю, как так вышло, я не искала близости с ним, не хотела привязываться. Но вопреки здравому смыслу, должна признать, что это произошло. Андрей, сам того не ведая, изменил что-то важное во мне, что-то, что определяло меня как личность, а теперь этого нет, и я, вопреки своим желаниям, теперь другая. Как бы мне ни хотелось сохранить всё как прежде, увы это уже невозможно. Я изменилась, должна признать это, потому что отрицание ничего мне не даст и не изменит, той Кати, которую брат забрал из приюта уже нет, не знаю пока хорошо это или плохо, это просто факт, который я осознаю и принимаю. Но вот что действительно меня огорчает и пугает, так это то, что я стала привыкать к Андрею, к его присутствию рядом, к его требовательной заботе, навязчивому вниманию. Меня это злило, бесило, дико раздражало, но когда он в одночасье лишил меня всего этого, я вдруг почувствовала себя такой пустой. Как выпотрошенная игрушка, которую использовали и выбросили за ненадобностью. Он опять сделал это со мной. Сначала впустил в свою жизнь, создал иллюзию защищённости и заботы, а потом без сожаления ушёл. Всё также как одиннадцать лет назад. А я просто полная дура, раз позволила ему снова влезть в моё сердце. Знала же, что нельзя, что предаст, бросит, оставит. Но ничего не смогла сделать. Не хватило сил с ним бороться. Меня передёргивает от отвращения к самой себе, от того, какая я жалкая и слабая. Но я успокаиваюсь тем, что это произошло настолько скоро, что ростки моей любви к нему ещё не успели так глубоко пустить корни в моём очерствевшем годами сиротства сердце. Я просто вырву этот росток, моё сердце немного покровоточит, мне будет больно, возможно настолько сильно, что я буду выть как раненная собака, но я залижу эти раны. Зашью своё сердце намертво и буду жить дальше. Смогла один раз, смогу и сейчас. Тем более теперь я уже не такая одинокая, как в детстве. У меня есть друзья. Да, я всё ещё не люблю распространяться о своей жизни, делиться с кем-то проблемами и переживаниями, но с удовольствием слушаю то, о чём рассказывают мне Маша с Лёшей, искренне сопереживаю, когда у них что-то случается, предлагаю помощь, если понимаю, что в состоянии её оказать. Для меня это уже успех. Хотя я чувствую, что в Лёше ещё теплится надежда на более серьёзные отношения со мной, но я всем своим поведением даю понять, что кроме как на дружбу, парню рассчитывать не на что. Он нравится мне, очень. Но просто как человек. Мне вообще начинает казаться, что как мужчина мне никто не сможет понравиться никогда. Я честно даже не знаю что это за чувство, когда ты в кого-то влюбляешься. Не представляю просто, что при этом с человеком происходит. Наверно во мне это просто не заложено. Вот такой вот генетический брак.

Кирилл Александрович тоже очень тепло ко мне относится. С начальником нам повезло. Он чуткий, отзывчивый, добрый человек. После каждой смены он спрашивает

меня как прошёл день, интересуется не устаю ли я на работе. Хотя меня немного напрягает эта его гиперопека, потому что некоторые работники заведения, уже начинают шептаться за моей спиной, что у нас с ним какие-то амурные делишки. Но это бред чистой воды, глупые сплетни. Мне ещё даже восемнадцать не исполнилось, а Кириллу Александровичу тридцать! лет. Какие у нас с ним могут быть амуры, смешно даже. Думаю, что он скорее относится ко мне, как к младшей сестре, понимает, что среди его работников я самая маленькая, вот и проявляет заботу. Если бы не перешёптывания, и косые взгляды, которые я нет-нет да ловлю на себе, мне бы даже нравилась его забота. Хотя, если честно, мне и так нравится. Очень давно уже никто не переживал за меня, не волновался, не проявлял тепло. И я невольно тянусь к этой заботе, потому что отчаянно в ней нуждаюсь, нуждаюсь так сильно, что готова принимать её от постороннего по сути мне человека, потому что никто другой её мне не предлагает, и никогда не предложит. Не может просто, да и не хочет, как я уже успела понять...

Иногда я думаю о том, что может быть сама виновата во всём, сама спровоцировала безразличие Андрея к себе? Ведь я же с самого первого дня, с нашей первой встречи всеми силами пыталась его оттолкнуть, игнорировала, хамила, говорила, что он мне не нужен, пыталась сделать так, чтобы он оставил меня в покое. Так может быть просто сработало? Но я отрубая от себя эти мысли на корню. Нет, не может быть всё так. Если бы Андрей правда любил меня настолько сильно, как он мне в том клялся, никогда бы так просто не отказался от меня. Я запрещаю себе взваливать всю вину на свои плечи. Не будет больше повторения событий одиннадцатилетней давности, когда я годами давилась слезами и уничтожали себя виной за его уход. Я. Ни в чём. Не виновата. Просто он никогда меня по настоящему не любил.

Шеф всё также каждый вечер предлагает подвезти меня до дома, но каждый раз я вежливо отказываюсь. Андрей ещё в прошлый раз ясно дал понять, что запрещает мне общение с этим человеком, хотя это дико глупо. Но я уже решила для себя, что не хочу усложнять последние недели моего проживания в этом доме, и без того тяжело наблюдать безразличие брата в мой адрес, слушать каждый вечер, как они с этой Кристиной сношаются в соседней комнате, будто меня в доме вообще нет, будто я пустое место. Так что я решаю слушаться его во всём, а когда стану совершеннолетней и покину этот дом, Андрей уже не будет иметь никаких прав распоряжаться моей жизнью. Он больше не будет моим опекуном, и я наконец стану сама себе хозяйкой. А он пусть женится на своей выдре крашеной и меня оставит в покое.

После такого лёгкого рабочего дня выхожу из кафе в приподнятом настроении. Лето закончилось, уступив место своей законной приемнице. Как ни странно, осень — моё любимое время года. Не лето, и даже не весна, а именно осень. Сама не знаю почему, но я ловлю неподдельный кайф от этого холодного, но ещё не колючего от мороза воздуха, от свежей прохлады, от запаха дождя, от того, какой красивой становится природа, сменив яркий зелёный окрас на потрясающе-красивый жёлко-красный.

Я поднимаю лицо вверх, подставляясь лёгким, едва ощутимым каплям моросящего дождика, наслаждаюсь приходящему вместе с ним чувству свободы. Оборачиваюсь по сторонам, желая насладиться картиной опадающих листьев и мой взгляд замирает, сфокусировавшись на очертаниях, приближающегося к остановке автобуса. Даже удивляюсь, увидев его здесь. За все две недели, мне ни разу не везло совпасть по времени с расписанием 165 маршрутки. На мгновение мешкаюсь. Одним из условий Андрея в ответ на то, что я

останусь на этой работе, было то, что я не стану экономить на транспорте и буду передвигаться на такси. Хотя это ведь всего лишь мелочь. По большому счёту, я думаю, что брату и дела нет, на самом деле, как я буду добираться до дома, главное, чтобы приходила вовремя. А даже, если ему и есть всё-таки какое-то дело (хоть это и не так), он всё равно не узнает на чём я приехала, потому что с утра сказал, что домой вернётся поздно. Ещё раз взвешиваю свои риски, и поняв, что гнев брата мне сегодня не грозит, бегу в сторону остановки, в последний момент успев влететь в закрывающиеся двери автобуса. Если бы я только знала тогда, к чему приведёт моё непослушание...

Залетаю в автобус как раз вовремя, потому что буквально спустя секунду, двери с шумом закрываются и задевают мою спину. От неожиданности, я спотыкаюсь и толкаю стоящего впереди меня мужчину.

— Извините — бормочу себе под нос, и собираюсь уже было протиснуться сквозь плотную толпу вглубь салона, но мужчина неожиданно оборачивается и хватает меня под локти.

— Ох, надо же какая куколка к нам тут пожаловала — по лицу незнакомца расплзается хищная улыбка, больше напоминающая оскал, чем дружелюбное приветствие. По позвоночнику тут же проходит нервный холодок, не предвещающий от этой поездки ничего хорошего. Мне хочется выдернуть локти из захвата мужчины, но салон автобуса настолько сильно забит пассажирами, что мои жалкие попытки пошевелиться ровным счётом ни к чему не приводят. — Не дёргайся, кукла — лицо незнакомца неожиданно становится серьёзным, хищная улыбка сходит с лица, и черты мужчины становятся жёсткими — а то, могу случайно больно сделать. — на этих словах он сильнее сжимает мои руки.

— Паха, ты с кем там разговариваешь? — из-за спины незнакомца выглядывает ещё один мужчина и начинает с интересом меня осматривать — Ох ты ж чёрт — присвистывает — Ты когда это успел такую породистую козочку подцепить?

— Да вот, прикинь, сама на меня чуть ли не запрыгнула — с этими словами незнакомец убирает руки с моих локтей. Я уже было хочу облегчённо выдохнуть, но внезапно ощущаю, как он крепко сжимает мою талию и буквально вдавливая меня в себя. Мне стоило бы закричать, привлечь к себе внимание остальных пассажиров, но страх, словно ледяными тисками, сдавливает моё горло, и всё что я могу, это стоять и, словно рыба, пойманная в силки, с круглыми от паники глазами открывать и закрывать рот в жалкой попытке глотнуть хоть каплю кислорода. Видя моё состояние, мужчина наклоняется ближе ко мне, касается губами моего уха. Меня тут же обдаёт запахом сигарет, смешанным с дешёвым алкоголем. Незнакомец тяжело дышит и с силой стискивает мою талию, и я слышу свистящий шёпот, выходящий из его рта — Да не бойся ты так, малышка, мы тебя не обидим. А сели не будешь брыкаться, то даже приятно сделаем. — на этих словах он резко подаётся бёдрами вперёд, и я ощущаю как мне в живот упирается что-то твёрдое. От шока и осознание того, чем именно вдавливается в меня мужчина, с меня вмиг сходит оцепенение, и я с остервенением начинаю вырваться из его захвата, крича на весь автобус, чтобы он немедленно убрал от меня руки. На нас тут же начинают оборачиваться остальные пассажиры, и мужчине ничего больше не остается, кроме как разжать руки и выпустить меня. Получив свободу, я тут же проталкиваюсь вглубь автобуса, стараясь отдалиться как можно дальше от этих двух мужчин, и только оказавшись в хвосте салона, облегчённо выдыхаю и расслабляюсь.

Минут двадцать я фокусируюсь на пейзажах за окном, изо всех сил стараюсь не смотреть в ту сторону, где по моим предположениям стоят те двое мужчин, успевших за то недолгое время нахождения рядом с ними напугать меня до чёртиков. На каждой остановке пассажиры понемногу отсеиваются и в салоне становится всё свободнее. Я тоже постепенно начинаю расслабляться и недавнее происшествие покидает мою голову. Окончательно расслабившись, наконец отрываю напряжённый взгляд от окна и осматриваю, успевший практически опустеть салон автобуса, и в этот момент моё сердце резко подскакивает наверх и начинает бешено биться где-то в области горла, потому что на одном из освободившихся пассажирских мест сидят те самые мужчины и неотрывно смотрят на меня.

Всеми силами стараюсь утихомирить своё колотящееся сердце, мысленно успокаивая себя тем, что я в безопасности, нахожусь в автобусе, пусть уже и не таком людном, но в нём всё ещё есть пассажиры. Да и к тому же ничего особенно страшного по сути не произошло. Ну пошутили немного надо мной, пусть и по дибильному. Просто решили попугать, явно ещё совсем зелёную девчонку. Да и к тому же, наверняка, эти двое незнакомцев скоро выйдут, отправятся по своим делам, и наши пути никогда больше не пересекутся. На моей остановке они точно не могут выйти, потому что дом Андрея находится в элитном районе, проживание в котором могут позволить себе только люди достатка гораздо выше среднего. А эти двое, судя по одежде, скорее всего работают на заводе, что находится в паре километров от кафе, в котором я работаю. Так что можно не переживать, что я вдруг окажусь с ними вместе на тёмной улице. Очень скоро наши пути разойдутся, и я забуду это нелепое происшествие как страшный сон, и больше никогда-никогда не стану ездить на автобусе. К чёрту экономию, мне моя психика дороже.

К тому моменту, когда автобус подъезжает к моей остановке, волна облегчения буквально водопадом обрушивается на моё тело, потому что я понимаю, что сейчас, наконец, избавлюсь от непристойных взглядов, которыми продолжают одаривать меня работяги. Стараюсь держать спину как можно ровнее, иду к дверям, не обращая внимания, на недвусмысленные ухмылки мужчин и облегчённо выдыхаю, наконец, оказавшись на улице.

Меня тут же обдаёт свежий воздух, рассеивая ауру страха, окружающую меня всё время нахождения в салоне маршрутки. И уже совершенно уверенно и спокойно я начинаю шагать в сторону дома. Но успеваю сделать буквально несколько шагов, перед тем, как знакомый голос заставляет меня испуганно замереть на месте.

— Куда собралась, цыпа? — слышу сзади себя голос того самого мужчины, хватавшего меня за талию в автобусе. Нет, не может быть. Я ошарашено замираю на месте, отказываясь верить собственным ушам. Они не могли выйти на этой остановке, этого просто не может быть. Медленно, словно пытаюсь отсрочить неизбежное, оборачиваюсь назад и тут же прикрываю округлившиеся от страха глаза, потому что вижу тех самых двоих незнакомцев. — Не так быстро, кукла. Мы ещё должны познакомиться поближе. — На этих словах мужчина опускает руку на свой пах и показательно сжимает член, контуры которого отчётливо виднеются сквозь тонкую ткань спортивных штанов.

В этот момент у меня в мозгу буквально щёлкает что-то, инстинкт самосохранения врубается на полную, и я срываюсь с места со скоростью кометы.

— Ах ты, сучка непослушная! — слышу вслед крик второго мужчины и по гулким ударам ног, понимаю, что они бегут следом.

Я несусь так быстро, что едва не спотыкаюсь, и молюсь только о том, чтобы не упасть, потому что тогда сбежать точно не удастся. У преследователей и так и численное и физическое преимущество передо мной. Со спины до меня доносятся крики догоняющих меня мужчин, и я изо всех сил стараюсь ускориться. Мокрые от усилившегося дождя волосы, растрёпанными паклями падают мне на глаза закрывая обзор, и я судорожно стряхиваю их с лица, пытаюсь в сгустившихся сумраках разглядеть дорогу. Где-то на периферии сознания мелькает мысль, что остановка находится слишком далеко от жилой зоны, и если мои преследователи меня догонят, то никто даже не услышит моих криков, никто не придёт на помощь, никто не спасёт...

Стиснув зубы, я усилием воли сдерживаю застрявшие в горле слёзы, потому что боюсь, что они отнимут такие необходимые мне сейчас силы.

Внезапно, кто-то жёстко хватается меня сзади за шиворот и рывком разворачивает назад.

— Ну что, сучка, добежалась? — с ужасом осознаю, что я оказалась в руках у одного из преследователей, того самого, который приставал ко мне в автобусе, кажется его друг называл его Паша. А второй, тот самый друг, хватается меня за волосы и задирает голову вверх, так, чтобы я посмотрела на него.

— Красивая тварь... — глаза второго мужчины шарят по моему лицу и останавливаются на губах — и вкусная наверно. Не терпится попробовать. — на этих словах он наклоняется и проводит языком от моей шеи вверх по щеке до самого виска. Меня передёргивает от страха и отвращения, и я начинаю остервенело выдираться, но мне тут же заламывают руки и толкают вперёд.

На улице становится всё темнее, и я уже с трудом различаю куда мы идём, но по веткам, несчастно хлещущим меня по лицу, понимаю, что меня волокут в лес. С ужасом осознаю, что если они сейчас утащат меня с дороги, то я потеряю последний шанс быть замеченной какой-нибудь проезжающей мимо машиной.

— Стойте! Не надо! — ору во всё горло, надеясь, что возможно хоть кто-то меня услышит и изо всех сил упираюсь ногами в землю, отказываясь двигаться вперёд.

— Не рыпайся, шлюшка! — слышу прямо над ухом рык одного из насильников, но в ответ, ещё с большим остервенением дёргаюсь, стараясь вырвать руки из крепкого захвата. Мужчина бешено рычит, и кричит что-то второму. Один миг, и я взлетаю в воздух. Один из

мужчин хватает меня подмышки, а второй за ноги. Я всё ещё продолжаю кричать и извиваться, пытаюсь вырваться, но мои попытки не приносят ровным счётом никакого эффекта, а крики утопают в шуме дождя, крупными каплями бьющегося об листья, осеннего леса.

Девочки, хочу предупредить, что следующие события будут не из самых приятных, поэтому морально готовимся. Как я люблю повторять себе в тяжёлых жизненных ситуациях — это надо просто пережить.)

Зайдя глубже в лес, меня резко бросают на землю и я больно ударяюсь спиной, но тут же поднимаю голову и начинаю испуганно пятиться назад. Пульс бешено колотится в горле, ушах и висках, всё происходящее кажется каким-то нереальным, буд-то это очередной из кошмарных снов, которые постоянно преследуют меня после того, как Артём Быстров избил меня тогда, в приюте. И только саднящая боль в позвоночнике неумолимо говорит о том, что это реальность. Господи, неужели это снова повторяется со мной? Только в отличие от прошлого раза, произошедшего в полном народе приюте, новые насильники кажется всё же доведут начатое до конца, потому что здесь в лесу нет ни единой души, способной придти мне на помощь.

Один из мужчин подходит ко мне вплотную и присев на корточки криво ухмыляется:

— Ну что, кукла, поиграем? — подмигивает мне и тянется рукой к молнии на моей куртке. Рывок, и он сдирает её с меня, оставляя в рубашке. — По очереди или одновременно? Разрешаю тебе самой выбирать.

Второй мужчина тоже подходит ко мне, и, наклонившись ниже и прижавшись губами к моему уху шепчет обдавая меня запахом пота, смешанного с алкоголем:

- Что скажешь, цыпа? В тебе когда-нибудь было два члена одновременно? — меня передёргивает, когда я ощущаю, его влажный скользкий язык в своём ухе.

— Не надо! Прекрати! — предпринимаю последние попытки, уже заранее понимая, что моё слабое сопротивление мне никак не поможет. Нет, я не могу, не могу позволить этому случиться, буду бороться за себя до конца. Пускай лучше они убьют меня, но я ни за что не дамся. Клянусь, что смерть кажется мне менее страшной, чем перспектива быть изнасилованной. Так или иначе, но я не смогу с этим жить, и если самое страшное всё-таки произойдёт, то я убью себя сама.

— Серёг, мне кажется крошка не против двойного проникновения, как считаешь? — скалится насильник — что скажешь? Оприходуем девочку одновременно?

Мне становится так страшно и противно, что я буквально ощущаю, как внутренности в моём животе скручиваются, словно их решили выжать, как мокрое бельё, резко подкатывает тошнота. Я чувствую, как в носу начинает щипать и из глаз скатываются предательские слёзы.

— Ну что ты, моя девочка, — обманчиво ласково воркует мужчина, стирая с моих щёк влагу — не надо нас так бояться. Подумай хорошенько, малышка, ведь можно же расслабиться и тогда приятно будет не только нам, но и тебе.

- Пошёл к чёрту, ублюдок! — цежу сквозь зубы, брещливо отдёргивая лицо от его руки.

Насильник в ответ лишь улыбается, склоняется ниже и одним быстрым движением разрывает пуговицы на моей рубашке, и я чувствую ледяные порывы ветра на своём уже голом теле. Ещё один рывок и лифчик летит следом за разорванной рубашкой.

— Воу! — присвистывает мужчина — Я конечно видел, что ты горяча, но даже не подозревал, что под этой невзрачной обёрткой скрывается настолько сладкая конфетка.

Подавшись вперёд он проводит языком от моего пупка вверх до голой груди и хватает зубами сосок, с силой сжав его. Я резко вскрикиваю от внезапной боли, и в этот момент страх, прижимающий меня мёртвыми тисками к земле сменяется яростным намерением

защищаться. Вскидываю ногу и со всей силы бью насильника между ног. Тот явно не ожидавший такого поворота, отстраняется, отпуская меня. Ни секунды не мешкая, вскакиваю, и со всех ног несусь в сторону дороги, но не успеваю сделать и пары шагов вперёд, когда ощущаю резкий удар по лицу и металлический вкус горячей волной заполняет мой рот. В глазах рябит и темнеет, когда в мои волосы мёртвой хваткой вцепляется рука второго преследователя. Он тянет так сильно, что кажется ещё немного, и я останусь совсем без волос.

— Ах ты сучка бешеная! — цедит сквозь зубы — Думаешь мы тут с тобой играть будем? — резкий удар в спину, и я падаю на вчетвереньки, уперевшись руками в сырую землю. Всё моё лицо в крови, я чувствую её вкус у себя во рту, ощущаю её липкое тепло на губах, в носу, и даже в волосах, вижу алые капли на листьях, под своими ладонями.

Меня резко дёргают сзади за ноги и я со всего размаху ударяюсь грудью об землю, выбивая из лёгких остатки кислорода. Я знаю, что должна бороться, что не имею права сдаваться, но у меня нет больше сил. Где-то в глубине души, я с самого начала понимала, что не способна в одиночку отбиться от двух взрослых мужчин. В глазах начинает темнеть, когда я понимаю, что с меня сорвали штаны, и единственное, что пока осталось на мне из одежды — это трусики. Предпринимаю ещё одну слабую попытку встать, но тут же ощущаю на своей спине чью-то ногу, с силой придавливающую меня к земле. Ну вот и всё. Я больше не чувствую ни холода, ни боли, на даже страха. Вообще ничего. Последняя мысль, которая мелькает у меня в голове, перед тем, как я отключаюсь, это надежда на то, что меня не оставят в живых.

Звон в ушах постепенно отходит на задний план и сменяется звуком быстрых тяжёлых шагов, а после этого моё тело резко взлетает в воздух и прижимается к чему-то твёрдом. Рассудок всё ещё затуманен, и у меня нет сил даже на то, чтобы открыть глаза. Да и зачем мне это делать? Полагаю мои насильники решили поменять место и теперь тащат меня в своё логово, чтобы в более комфортной обстановке продолжить свои издевательства. У меня нет больше желания и сил ни кричать ни сопротивляться. Абсолютное безразличие — единственная эмоция, которую я испытываю. Мне всё равно куда меня несут и что будут делать дальше. Единственное о чём сожалею это то, что я до сих пор жива. До последнего надеялась, что меня убьют раньше, чем я успею прийти в себя. Почему они этого не сделали? Какие ещё издевательства на уме у моих мучителей? У меня нет ответов на эти вопросы. Надо бы открыть глаза, быть смело и взглянуть в лицо жестокой реальности, но я не могу заставить себя это сделать. Нет, лучше не знать и не видеть. Так или иначе, в скором времени это всё должно прекратиться.

Как бы я не старалась сохранять спасительное оцепенение, но всё же с горечью осознаю, что все чувства и ощущения постепенно ко мне возвращаются и я начинаю чувствовать тяжёлое дыхание мужчины, держащего меня в своих руках. Грудь, к которой меня с силой прижимают тяжело вздымается и опускается, и я ощущаю быстрое сердцебиение глухим ударами бьющее по моему лицу. Можно подумать, что мой насильник испуган, вот только одного взгляда на этих мужчин достаточно, чтобы понять, что такие люди не станут сожалеть о содеянном и не испугаются последствий приченённого ими вреда. Тогда почему же сердце человека, держащего меня на руках так сильно колотится?

Я ужасно боюсь привлечь к себе внимание, боюсь, что они поймут, что я пришла в сознание и решат сделать со мной что-то ещё более ужасное прямо сейчас. Поэтому изо всех сил стараюсь не шевелиться, не открывать глаза, вообще не подавать признаков жизни. Единственное что мне остаётся — концентрироваться на ощущениях. И я это делаю. Вспоминаю, что перед тем как я отключилась, насильники сорвали с меня всю одежду, но не смотря на это я сейчас не ощущаю холода. Почему я не замёрзла? На улице максимум градусов 5, я должна была давно окоченеть. И тут до меня доходит, что я прижата не к куртке, а к тонкой рубашке, а верхняя одежда мужчины, несущего меня на руках плотно окутывает сейчас моё тело. Зачем моим мучителям понадобилось укрывать меня? Не стали бы они проявлять заботы к изнасилованной ими девочке. И тут до меня доходит ещё один факт. Всё это время я слышу шаги только одного человека — того, что несёт меня сейчас. Куда делся второй насильник? Их ведь было двое... Что вообще происходит? Видимо один из них просто ушёл. Удовлетворил свои животные потребности и ему этого было достаточно, а вот второй, тот, что сейчас тащит меня, словно добычу, решил продлить удовольствие. Звери... От собственных мыслей мне становится настолько тошно, что приходится изо всех сил сдерживать дрожь отвращения в теле.

И тут происходит самое странное. Лёгкий порыв ветра проносится между деревьев, подняв вверх ворох влажных листьев и я едва не подпрыгиваю от неожиданности. Я понимаю, что этого просто не может быть... Должно быть галлюцинации, вызванные ударами по голове и сильным эмоциональным потрясением, но я готова поклясться, что в тот момент, когда ветер пронёсся мимо меня, я почувствовала до боли знакомый пряный

аромат. Нет... Невозможно... Это просто бред моего больного мозга. Его не может здесь быть, он никаким образом не мог оказаться рядом...невозможно... Пока я нахожусь в смятении от происходящего и пытаюсь выстроить хоть какую-то логическую цепочку, на мою голову вдруг ложится тяжёлая рука. В ужасе замираю, ожидая боли, которую она мне принесёт, но вместо этого, совершенно неожиданно, мужчина начинает аккуратно, я бы даже сказала ласково, гладить мои волосы, а затем я ощущаю как он наклоняется и целует меня в лоб.

Резко распахиваю глаза, поднимаю голову и встречаюсь взглядом с парой малахитовых глаз. Андрей! Не может этого быть? Значит мне не почудилось? Как он здесь оказался? Как нашёл меня? Куда делись мои мучители?

Открываю рот в попытке задать хотя-бы один из интересующих меня вопросов, но тут же захожусь кашлем от сильного першения в горле. Видимо время, проведённое голой в холодном осеннем лесу не прошло для меня бесследно.

— Тише, девочка. — брат ласково гладит меня по голове. Наклоняется чуть ниже и целует в лоб. А я чувствую, как дрожат его руки, которыми он прикасаться ко мне, ощущаю как и без того бешено колотящееся сердце, заходится в ещё более сумасшедшем приступе тахикардии. — Не надо сейчас ничего говорить. Просто постарайся расслабиться, мы скоро будем дома.

Пытаюсь сглотнуть вязкую слюну, стараясь унять раздражающую боль в горле, но першение не желает проходить.

Судорожно стараюсь вспомнить хоть что-то из последних событий, понять, в какой момент и каким образом брат оказался здесь. Господи, может быть это всё вообще сон? Может быть на самом деле я всё ещё нахожусь в отключке на том же самом месте, где насильники кинули меня, как какую-то тряпичную куклу? Чувствую, как от этих страшных мыслей ледяная волна проходит вверх по позвоночнику. Я так не могу. Я должна убедиться, что это не сон. И где всё-таки те двое мужчин, затащивших меня сюда? Почему я их не слышу? Начинаю слабо ворочаться на руках у Андрея в тщётной попытке заглянуть ему за плечо, но он сильнее прижимает меня к своей груди, не оставляя возможности пошевелиться.

— Прошу тебя, малышка, не двигайся. — слышу его шёпот у самого уха и меня тут же окутывает его горячее дыхание, резко контрастирующее с уличным воздухом, от чего меня начинает непроизвольно трясти.

— Г-где он-ни-ни... — неожиданно холод начинает ощущаться неимоверно сильно. И не смотря на то, что ещё минуту назад я не чувствовала вообще ничего, сейчас он как буд-то пробирается мне в самую душу, от чего зубы начинают непроизвольно стучать, и я не могу внятно говорить. — Ан-ндр-рей... Я х-хочу п-посмотреть. — на этих словах предпринимаю ещё одну попытку заглянуть за спину брата, но он лишь сильнее прижимает мою голову к своему плечу.

— Тебе не нужно туда смотреть, Катя. — голос брата на этот раз звучит жёстко, давая мне понять, что спорить с ним бесполезно.

Почему он не даёт мне посмотреть? Что такого я могу увидеть? Эти мысли пугают меня ещё сильнее, и я непроизвольно всхлипываю, не в силах сдержать подступающие слёзы.

— Всё хорошо, Котёнок. — голос Андрея слегка смягчается — просто не нужно сейчас лишний раз напрягаться, тебе нужно беречь силы.

Андрей держит меня крепко, но не делает мне больно. Даже наоборот, как-то нежно что ли, аккуратно. Но несмотря на это, я всем своим телом ощущаю, как сильно сейчас напряжены его мышцы.

Мы выбираемся из леса, и я сразу замечаю серебристый внедорожник, стоящий прямо поперёк дороги, как будто его в спешке бросили, не заботясь о том, чтобы припарковать.

Вяло охватываю взглядом машину и тут же напрягаюсь, заметив рядом с ней два силуэта. Абсолютно точно мужских. Господи, это они! Насильники! Значит они не ушли! Ничего ещё не закончилось, сейчас они на нас нападут, и у Андрея не будет против них ни единого шанса, потому что их двое, а он один. В панике подсакиваю на руках у брата и изо всех сил вцепляюсь в ворот его рубашки, сердце стучит как бешеное, отдаваясь, кажется, во всём теле сразу.

— Тихо, Катя, всё хорошо. — голос Андрея иррационально спокоен, учитывая ситуацию. Он разве не понимает, что нас сейчас просто могут убить? В панике я начинаю выдираться из его рук, хотя даже не представляю, что делать дальше. Бежать? Нет, я не смогу. Только, если брат побежит со мной. Но он не станет, знаю, что не будет. И всё равно я отчаянно выдёргиваюсь, но Андрей только сильнее обхватывает меня двумя руками за спину, плотно прижимая к себе.

— Всё хорошо маленькая. — осторожно гладит меня по спине, успокаивая. Аккуратно берёт одной рукой за подбородок и слегка приподнимает лицо, чтобы посмотреть мне в глаза. — Это не они. — словно читая мои мысли, произносит медленно, почти по слогам, будто опасаясь, что в моём состоянии до меня может не дойти смысл его слов. — Ты слышешь меня, Катя? Всё закончилось, их больше нет. Тебе нечего бояться.

Мы подходим к машине. Один из мужчин хочет что-то спросить, но Андрей обрывает его жестом и коротко произносит "Потом". перед нами тут же открывают пассажирскую дверь и брат мягко укладывает меня на заднее сиденье, залезая следом за мной в салон. Мужчины при этом садятся вперёд — один на место водителя, второй на пассажирское.

Андрей поворачивается ко мне, окидывает тяжёлым взглядом с головы до ног, словно сканируя вместо рентгена.

— Катя, мы сейчас поедem в больницу. — он старается говорить мягко, но голос у него при этом твёрдый. Андрей не спрашивает меня, а утверждает.

— Нет, пожалуйста, только не в больницу! — подсакиваю с сидения и хватаю брата за руку — Андрей, умоляю тебя! Я не хочу! Я не смогу! Не смогу там, понимаешь?!

— Тихо, Катя, успокойся. — аккуратно берёт меня за плечи, едва касаясь, боясь причинить дополнительную боль. Всмотривается в мои глаза и, судя по всему, улавливает в них панику и мольбу, потому что тяжело вздыхает и, повернув голову к водителю говорит — Антон, едем к дому.

Тут же расслабляюсь и опускаюсь на сидение. Моё тело болит и ноет, я до сих пор чувствую давление в тех частях тела, к которым прикасались насильники. В отчаянии закрываю лицо руками, не в силах сдержать слёз. Боже мой, я до сих пор не могу до конца осознать, что это произошло со мной. Это как чёртов страшный сон, всё кажется каким-то нереальным. Пытаюсь успокоить себя тем, что я хотя-бы не запомнила самого момента насилия. Если это вообще можно назвать успокоением. Господи, о чём я думаю?! Да это же

вообще ничего не меняет! Они всё равно сделали это со мной.

Я изо всех сил стараюсь держаться, прячу заплаканное лицо в ладони, стараясь не выдать себя, но плечи всё равно непроизвольно трясёт, выдавая меня с потрахами. Андрей осторожно обнимает меня, притягивая к себе и плотнее запахивая на моей груди свою куртку. Он ничего не говорит, просто плотно прижимает к груди и осторожно поглаживает свободной рукой моё плечо.

Я на столько вымотана и истощена морально и физически, что сознание начинает предательски затуманиваться под мерное укачивание машины. Как бы я ни старалась держать глаза открытыми, веки непроизвольно закрываются, а тело расслабляется и обмякает.

Видимо, стресс вконец вымотал меня, потому что я чувствую себя настолько выжатой и слабой, что не хватает сил даже на то, чтобы открыть глаза, когда автомобиль, наконец, останавливается. Андрей осторожно подхватывает меня на руки и быстро вытаскивает из машины. Я не сопротивляюсь, просто утыкаюсь лицом в его рубашку, в надежде спрятаться там от всего мира. Он думает, что я сплю, потому что я по прежнему не открываю глаз, а моё тело полностью обмякло от слабости.

Где-то недалеко от нас слышу голос одного из наших спутников.

— Сокол, твою мать! Ты объяснишь мне, что происходит?! — голос мужчины низкий и грубый. Он явно раздражён. Мне становится страшно. Но я боюсь не его, не этого мужчину. А того, что сейчас Андрей всё им расскажет. Обо мне. О том, что со мной случилось. Господи, я не хочу. Я не переживу, если кто-то узнает. Хотя понимаю, что по моему внешнему виду и так очевидно, что произошло. И всё равно я не вынесу, если Андрей произнесёт это вслух.

— Не ори, блять, Игорь! — рычит на него брат, но очень тихо, словно сквозь зубы. Я понимаю, что он специально понижает голос, боясь меня разбудить — Не надо сейчас задавать вопросов. Езжайте с Антоном в лес... Там надо всё почистить. Потом позвонишь мне, доложишь. Здесь я дальше сам.

— Андрей... это то, о чём я думаю? — осторожно спрашивает мужчина.

— НЕТ, БЛЯТЬ, ЭТО НЕ ТО!!! — на этот раз брат не выдерживает и срывается на крик. От неожиданности я еле сдерживаюсь, чтобы не вздрогнуть и не выдать тем самым себя. На мгновение Андрей замолкает, после чего тяжело вздыхает и добавляет уже снова шёпотом — Просто поезжай в лес и замети следы. Не задавай сейчас вопросов.

Мне не хочется открывать глаза, не хочется, чтобы Андрей видел, что я не сплю, ведь тогда придётся разговаривать, обсуждать произошедшее. Как я могу говорить об этом? Мне невыносима даже мысль о том, что брат начнёт расспрашивать меня о чём-то. Поэтому я продолжаю лежать с закрытыми глазами на руках у Андрея, тратя последние капли сил на то, чтобы не дрожать и не выдать себя.

Поднявшись, наконец, на верхний этаж и достигнув спальни брата, он открывает дверь и укладывает меня на свою кровать. Осторожным движением руки убирает волосы с моего лица.

— Малышка, открой глаза. — тихо произносит. И я понимаю, что больше оттягивать неизбежное у меня не получится, подчиняюсь его просьбе.

Мне хочется быть сильной, держаться, не выдавать своих эмоций, но слёзы сами начинают одна за другой скатываться по моим щекам, и буквально спустя мгновение превращаются в неконтролируемые рыдания. Брат опускается на кровать рядом со мной, подтягивает к себе и крепко прижимает к своей груди, гладит спину сквозь плотную ткань своей куртки.

— Тшшш... Катя, успокойся — тихо шепчет, уткнувшись лицом в мои волосы — с тобой не случилось ничего не поправимого, всё будет хорошо, моя девочка.

Эти его слова, словно шокером ударяют мне прямо в грудную клетку и я резко отстраняюсь, отталкивая Андрея от себя.

— Ничего не произошло? — я не узнаю собственный голос, словно кричу не я, а кто-то другой, не знакомый мне человек, но звук исходит из моего рта. — Ты шутишь? Ничего не поправимого не случилось? Они изнасиловали меня, Андрей! Я... я была девственницей... — последние слова произношу уже тихо, потеряв последние силы. Мне стыдно, стыдно на столько, что я не могу посмотреть брату в глаза. Я не понимаю, как он мог сказать такое. Неужели он не понимает, что значит для женщины надругательство над её телом. И почему считает, что не произошло ничего не поправимого? Думает, что раз я жила в детском доме, то секс для меня такое же обычное дело, как руку человеку пожать? От этих мыслей становится так мерзко, что я едва сдерживаю приступ тошноты.

— Катя посмотри на меня. — Андрей осторожно берёт меня за подбородок, вынуждая поднять глаза. Как я ни пытаюсь сопротивляться, но он держит крепко, не причиняет боли, но не даёт выдернуть лицо из его рук, и я сдаюсь.

— Тебя никто не насиловал, ты меня поняла? — он говорит спокойно, но я чувствую стальные нотки в его голосе.

— Что... что ты такое говоришь? — я не понимаю, что он имеет ввиду, зачем несёт эту чушь, чего пытается добиться своей ложью. Железный голос Андрея пугает меня, я всё же выдираюсь из его захвата и, подобрав ноги под себя, отползаю от него как можно дальше к изголовью кровати. — Зачем... зачем ты врёшь сейчас? Я не понимаю... Ты же сам всё видел, ты был там...

— Катя, послушай меня... — брат пытается что-то мне сказать, но я со всей силы прижимаю руки к ушам, закрываю глаза и остервенело мотаю головой, не желая слушать весь этот бред. В следующую секунду чувствую, как его пальцы осторожно сжимают мои запястья, разводя их в стороны.

— Катя, они тебя не изнасиловали. Поверь мне, малышка. Неужели ты думаешь, что я стану тебя обманывать?

— Я не понимаю... — растерянно смотрю на Андрея, пытаюсь считать с его лица хоть что-то.

— Всё хорошо, маленькая. Ничего не случилось, я успел вовремя. Ты мне веришь? — Андрей снова подаётся ближе и заглядывает в глаза, стараясь поймать мой взгляд. — Послушай меня внимательно, Катя. Если бы они успели что-то тебе сделать, ты бы это ощущала... там...

Очень медленно, но до меня начинает доходить, что он имеет ввиду. Я застываю на месте, старательно прислушиваясь к ощущениям. После борьбы с теми мужчинами и их ударов, я ощущаю боль практически везде, на всех участках тела, за которые они меня хватили, но с облегчением понимаю, что боли между ног я не испытываю.

— Посмотри под куртку, Катя, бельё по прежнему на тебе. Между твоих бёдер нет следов крови, поверь мне, я проверил это сразу же, как только убедился, что ты просто без сознания.

И всё. После этих слов меня накрывает, я падаю в руки Андрея. Я не плачу. То, что происходит сейчас со мной нельзя назвать слезами, я вою, как раненое животное, кричу, хватаю брата за ворот рубашки, бью кулаками по его груди. Господи, всё это время я думала только о том, что как только останусь одна, покончу с собой. Я бы не смогла жить с этим.

Андрей не отталкивает меня, позволяя выплеснуть эмоции. Лишь прижимает ближе к себе и осторожно гладит волосы, руки, спину. Мне кажется проходит целая вечность, прежде чем мне удаётся, наконец успокоиться.

— Катя, нужно сходить в душ и согреться, иначе ты заболеешь.

Пытаюсь, подняться, но моё тело настолько обессилено от пережитых за этот вечер событий, что как только я оказываюсь на ногах, перед глазами начинает резко темнеть, а тело обмякает, и я падаю на кровать, понимая, что повторную попытку совершить просто не смогу.

Тогда Андрей берёт меня на руки и, поднявшись вместе со мной с постели идёт в сторону выхода.

Брат осторожно усаживает меня на туалетный столик возле раковины и включает воду в ванне. Я измождена настолько, что у меня нет сил даже на то, чтобы держать спину, и как только Андрей сажает меня, я тут же падаю спиной на кафельную стенку и начинаю медленно сползать вниз.

— Катя, твою мать. — Андрей успеваает подхватить меня, прежде чем я упаду на пол и возвращает обратно на туалетный столик. Но на этот раз придерживает одной рукой, чтобы я не упала снова. Всё передо мной плывёт и кружится, у меня еле-еле хватат сил на то, чтобы держать глаза хотя бы слегка приоткрытыми. Я уже ничего не вижу вокруг себя, обзор прикрывают опускающиеся всё ниже ресницы.

Чувствую, как свободной рукой Андрей тянет на себя куртку, до сих пор укрывающую моё тело. Непослушными пальцами слабо хватаюсь за край ветровки, пытаюсь укрыть оголяющуюся кожу.

— Катя, тебе нужно помыться. — слышу голос Андрея. Из-за шума в ушах, он доносится до меня как будто издалека, хотя я чувствую, что он стоит совсем рядом со мной. — Я не сделаю тебе ничего плохого, малышка, обещаю. Позволь мне о тебе позаботиться.

И я сдаюсь, отпускаю край куртки и закрываю глаза. На самом деле, у меня уже просто

нет сил ни спорить, ни сопротивляться. Я настолько истощена морально и физически, что даже не чувствую стыда, когда Андрей откидывает на пол ветровку, оголяя тем самым мою грудь.

Слышу, как брат закручивает вентель и ванна перестаёт наполняться. После чего ощущаю тёплые пальцы на своих бёдрах. Андрей осторожно берётся за край моего белья и замирает.

— Ничего не бойся. Клянусь тебе, что я тебя не обижу. — слышу хриплый шёпот брата.

Ещё какое-то время Андрей выжидает, и когда понимает, что я не стану сопротивляться, пропускает пальцы под резинку моих трусов. Чувствую, как он медленно миллиметр за миллиметром опускает тонкий хлопок вниз по моим ногам, словно следя за моей реакцией, переживая, что я испугаюсь и стану его отталкивать. Но я не делаю этого. Не смотря на все наши с братом разногласия, я знаю, что он не причинит мне боли и не обидит.

Когда я оказываюсь полностью раздета, Андрей снова подхватывает меня на руки, и осторожно опускает в наполненную тёплой водой ванну. Я так сильно устала, что кажется ещё чуть-чуть и провалюсь в глубокий сон. Лёжа с закрытыми глазами, чувствую как брат берёт мочалку и осторожно намывает мне спину, руки, живот и ноги. Он тактично пропускает самые интимные места, и я мысленно благодарю его за это, потому что понимаю, что не смогла бы в своём состоянии сейчас сопротивляться, даже если бы очень сильно захотела.

Смыв с меня пену и спустив воду в ванне, Андрей укутывает меня большим махровым полотенцем и выносит из ванной комнаты на руках, словно ребёнка. Укладывает обратно на кровать, обтирает моё тело досуха, одевает на меня свою футболку и укрывает тёплым одеялом.

У Андрея звонит телефон, я приоткрываю глаза, и вижу, как лицо брата каменеет, при взгляде на экран.

— Катя, я выйду ненадолго, сейчас вернусь. Андрей выходит из спальни, прикрывает за собой дверь и принимает вызов. Перед тем, как удалиться от комнаты на достаточное расстояние, успеваю уловить один вопрос.

- Куда вы их оттащили? — потом Андрей, судя по звуку шагов, спускается по лестнице и мне ничего не удаётся дальше расслышать.

Девочки, если вам нравится книга, подписывайтесь на меня, чтобы не пропустить всё самое интересное) впереди у меня ещё много задумок)

С любовью, ваша Полина♥□

Сонливость слетает с меня моментально, приподнимаюсь на кровати и лихорадочно начинаю соображать. С кем Андрей разговаривает? Кого и куда эти люди оттаскивали? Перед глазами тут же всплывают воспоминания, словно кадры из фильма: брат несёт меня на руках по лесу и не позволяет взглянуть ему за спину. Почему он не дал мне это сделать? Что такого я могла увидеть? Следующее воспоминание — брат просит одного из своих знакомых, поджидающих нас возле машины, замести следы. Что это значит? Какие следы они собираются заметать? И последнее — слова Андрея, адресованные мне лично «Это не они. Ты слышишь меня, Катя? Всё закончилось, их больше нет.»

Их больше нет.

Их больше нет.

Их. Больше. Нет.

Эти слова, словно эхо, отдаются в моей голове. Почему их больше нет? Зачем он так сказал? Что он с ними сделал?

Меня начинает трясти, словно при температуре, тело покрывается мурашками от страшных догадок заполняющих мои мысли.

Пока я в панике пытаюсь найти хоть какое-то логическое объяснение всему услышанному, не замечаю, как в комнату возвращается Андрей, и поэтому вздрагиваю от звука его голоса.

— Катя, мы не поехали в больницу, но тебя всё равно должен осмотреть доктор. Я уже позвонил знакомому врачу, он подъедет в течении получаса...

— С кем ты только что разговаривал по телефону? — перебиваю брата, не дав ему закончить фразу.

На мгновение Андрей застывает, словно обдумывая ответ.

— Я разговаривал с врачом, я же сказал тебе. — голос брата напряжён, словно ему не нравится весь этот разговор.

— До врача. Тебе позвонили и ты вышел. И я слышала, что ты спросил у этого человека о том, куда он кого-то оттащил. — от нервов я начинаю повышать голос, переходя практически на крик.

— Катя, успокойся, тебе нельзя сейчас нервничать. — в голосе брата появляются ледяные нотки, пугающие меня до чёртиков. Мне хочется сбежать, спрятать голову в песок, как страус, выкинуть из памяти всё то, что я услышала. Но я понимаю, что не смогу так, просто взять и забыть. Я должна узнать правду, пусть даже она уничтожит меня.

— Не надо меня успокаивать! Объясни, что происходит! Почему ты не позволил мне посмотреть себе за спину там в лесу? Что там произошло? Что случилось с теми мужчинами? Ты просил своего друга, чтобы он замёл следы! Я не спала тогда и слышала ваш разговор. Почему ты сказал мне, что их больше нет?! Ответь мне Андрей!

У меня начинается истерика, я вскакиваю с кровати и цепляюсь в рубашку брата, буквально повисая на нём. Андрей обхватывает меня за спину, прижимает к себе, гладит, успокаивает, молча ждёт, когда я перестану биться в его руках.

— Успокойся, Катя, тихо, тихо. Тебе нечего бояться, ты поняла меня, маленькая? Когда я нашёл тебя, один из тех скотов уже тянулся, чтобы стащить с тебя трусы... Я вырубил обоих. Просто вырубил, слышишь меня? Потом взял тебя на руки и понёс к дороге. Назад не

давал посмотреть, потому что не хотел, чтобы ты вообще ещё хотя бы один раз увидела их снова. Своего друга я просил, чтобы он подобрал их, пока не очухались, и отвёз в полицию. Он звонил мне только что и сказал, что всё сделал. Когда я говорил тебе, что их больше нет, имел в виду, что в твоей жизни они больше не появятся.

— Но... — хочу возразить, потому что Андрей, отвечая на мои вопросы, перефразировал многое из того, что было им сказано, но брат резко перебивает меня, не дав сказать ни слова.

— Ты должна просто верить мне, Катя. Пожалуйста. Я о тебе забочусь.

Голос Андрея звучит так твёрдо и убедительно, что я моментально успокаиваюсь, размыкаю, наконец, побелевшие пальцы, стискивающие рубашку брата, и возвращаюсь в постель. Да и слова его звучат довольно логично. Должно быть, я сама уже в своей голове перефразировала на нервах всё, что брат говорил, и напридумывала себе всяких ужасов. Я ведь всё это время была сама не своя, словно в каком-то бреде, мне многое могло почудиться. Возможно он и не говорил слов вроде "замести следы", сказал как-то иначе, а моё болезненное сознание переиначило по-своему...

Через пол часа приезжает доктор, внимательно осматривает меня. Никаких серьёзных повреждений преследователи, к счастью, мне не нанесли, и я отделалась небольшими ушибами, царапинами и синяками. Но врач всё равно говорит Андрею, что в течении хотя бы нескольких дней мне необходим постельный режим, так как организм пережил сильнейшую эмоциональную встряску, советует побольше спать, пить как можно больше жидкости и исключить всякие волнения.

После того, как брат провожает доктора, он молча возвращается в свою комнату и ложится на кровать рядом со мной. Я жду, что он отправит меня к себе, но Андрей не делает этого, просто лежит и смотрит в потолок. И я тоже лежу. Не смотря на то, что я отделалась в этой ситуации малой кровью, мне страшно оставаться сегодня одной, возможно, брат это понимает и поэтому не прогоняет.

Мерный стук его сердца действует на меня, как колыбельная, слушая размеренные удары, я и сама понемногу успокаиваюсь, проваливаясь в глубокий сон без сновидений.

Я лежу в темноте на своей кровати, молча уставившись в потолок и слушаю размеренное дыхание спящей Кати, концентрируюсь на нём, хватаюсь за этот звук, как за спасительную соломинку. Грудная клетка, словно истыкана множеством острых лезвий, она болит и кровоточит от мысли, что сегодня я мог её потерять. Вспоминаю, как она лежала на мокрых листьях, маленькая, беззащитная, израненная. От этих воспоминаний к горлу подкатывает тошнота, по вискам глухим набатом начинает стучать ярость, такая же сильная, как та, что охватила меня в лесу. Мысли вновь и вновь откидывают меня в начало дня, заставляя заново переживать произошедшие события.

— Андрюша, мне кажется ты в последнее время какой-то напряжённый. — Кристина сидит на пассажирском сиденье в моей машине и таращится на меня деланно заботливым взглядом. Надо же, вот когда не надо мозги у этой идиотки соображают. — Если хочешь, я могу помочь тебе расслабиться.

Корсакова отстёгивает ремень безопасности и тянется к моей ширинке, наклоняя голову под руль, но я брезгливо отдёргиваю её руку и отталкиваю девушку на своё место. Одному чёрту известно, как меня достала эта долбанная сучка. Но я сам решил, что должен отдалиться от Кати, и это было верное решение. То, что я чувствую к родной сестре неправильно, грязно, мерзко. Так что пускай она лучше каждый день слушает стоны Корсаковой, доносящиеся из моей спальни, ненавидит за чёрствость и отчуждённость, считает эгоистичным козлом, похотливым придурком, чем узнает истинную причину смены моего поведения. Не сомневаюсь, что она возненавидит меня после этого. Ещё и Кристину приходится каждый день таскать к нам домой, чтобы не дай бог не сорваться и не потащиться к Кате в спальню. Когда представляю перед собой её испуганное непонимающее лицо, в тот момент, когда поцеловал её тогда в её комнате, передёргивает всего от отвращения к себе. Не удержался, сорвался, увидев её тогда, выходящую из машины того козла бородатого. Горько ухмыляюсь собственным мыслям. По сути, чем я лучше его, взрослого мужика, подкатывающего яйца к молоденькой девчонке, ребёнку ещё совсем, если разобраться. Блядь, да чем я лучше того же Быстрова, сука? По сути я хуже их обоих. Еле сдерживаю себя от того, чтобы не наброситься на Катю каждый раз, стоит увидеть её огромные глаза, её персиковую кожу, усыпанную мелкими едва заметными веснушками. Мысленно прокручиваю в голове всё, что хотел бы с ней сделать. С ней, своей, блядь, сестрой. Большой мудила, сука!

Сегодня я вернусь домой поздно, Катя уже будет спать. Мне нужна передышка, не могу больше смотреть на её лицо, нет сил больше это выносить, сдерживать себя и ненавидеть одновременно. Да и Корсакова заебала уже окончательно. Терплю эту шалашовку только потому, что по дурусти ляпнул Кате, что она моя невеста. Лучше бы, блять, шлюх к себе таскал, чем эту идиотку терпеть.

*** Сегодня я лично занимаюсь всеми вопросами, контролирую работу стаффа в казино, проверяю документацию, объезжаю все свои клубы и стрипухи, даже по должникам проезжаю вместе с коллекторами, выбиваю из себя лишние мысли и эмоции вместе с зубами проигравшихся бедолаг.

Обычно я всем этим не занимаюсь, у меня для таких дел есть внушительный арсенал

специально обученных людей, но сегодня как-то особенно кроет, мысли о сестре никак не хотят отпускать, так что нагружаю свой день по полной.

Сивый, кажется, тоже замечает, что со мной что-то не так, что не удивляет меня ни капли. Мы столько лет вместе, бок о бок, какое бы дерьмо ни происходило с нами, что волей-не волей начинаешь чувствовать друг друга.

— Рассказывай давай уже, харэ молчать. — мы сидим в моём кабинете и пьём водяру. Я вообще скотч предпочитаю, но сегодня душа требует водки. Нестерпимо хочется нажраться до синих соплей, но как назло не штырит, вообще ни в одном глазу.

— Что рассказывать?

— Сам знаешь что. Ты в последнее время сам на себя не похож, грузишься постоянно, не разговорчивый стал. — Сивый залпом опрокидывает стопку и, слегка поморщившись, закусывает лимонной долькой. — Не, я всё понимаю, конечно, но Корсакову ты нахуя за собой таскаешь?

— Влюбился может. — грустно хмыкаю в ответ, последовав примеру Игоря и опустошив свою стопку.

— Ой, вот, блять, не пизди! — прищуривается, но дальше расспросами не достаёт. На какое-то мгновение в кабинете повисает комфортная тишина. И я чертовски этому рад, потому что развивать тему дальше, это всё равно что штопать раны тупой иглой без анестезии — сдохнуть не сдохнешь, но больно пиздец. Но я, очевидно, рано радовался, потому что спустя пару минут Сивый продолжает.

— Девоч больше не заказываешь, в сауну на прошлой неделе идти отказался — говорит таким тоном, словно не со мной беседует, а тупо рассуждает вслух. — Должников только музузишь, как ошалелый. Если бы рядом с тобой не Корсакова была а нормальная баба, реально подумал бы что влюбился, причём безответно.

— Иди ты нахуй, Игорь. — меня порядком достал этот разговор. Встаю с дивана и подхожу к окну, тупо пялясь вперёд на полупустую дорогу, чтобы хоть как-то отгородиться. Но следующий вопрос Сивого удивляет настолько, что я круто разворачиваюсь, уставившись на него во все глаза.

— Как твоя сестра поживает, Андрей? — друг смотрит на меня в упор, и мне, блять, вообще не нравится его взгляд сейчас. Слишком серьёзный, слишком глубокий, слишком задумчивый. — Уверен, что ничего не хочешь мне рассказать?

— Уверен. — отрезаю, стараясь сделать лицо, как можно более безэмоциональным.

— Тогда может ты нас наконец представишь друг другу? Ведь ты мне как брат, значит Катя и моя сестра тоже, получается так? — Игорь пристально смотрит мне в глаза, словно следя за моей реакцией. Или может у меня уже паранойя развилась. В любом случае этот разговор бесит меня всё больше и больше. Отвлёкся, блять, называется.

— Не получается. Отъебись от меня со своим психоанализом, понял?! — блять, ну старался же без лишних эмоций, всё равно не вышло.

Подхожу и щедро наливаю себе ещё водки, на этот раз уже не в стопку, а прямо в стакан, в котором до этого была запивка, и залпом осушаю его целиком. Сивый на этот раз замолкает и никак не реагирует на мои последние слова. Спокойно так достаёт сигарету и прикуривает, протягивая мне вторую. Его тотальное спокойствие резко контрастирует с моим бешенством, что тоже, сука, бесит ещё сильнее.

Нервно поглядываю на часы, время десять, Катя должна уже быть дома. Сидит наверно сейчас в своей комнате, зубрит предметы. У неё не так давно начались занятия в институте,

и наш дом заполонили нескончаемые учебники по социологии, философии, основам журналистики и ещё какой-то херне. Она от них вообще не отрывается, даже во время ужина, читает, пока жуёт. И такое странное чувство от этого всего, вроде бесят эти книжки по всему дому, а с другой стороны получаю какое-то странное удовольствие, видя как увлечёно она бегаёт глазами по строчка, сидя на диване в гостиной, делает какие-то заметки в своих тетрадках. Купил ей ноутбук, чтобы было удобнее, но она упорно конспектирует от руки, упрямая, блин, девчонка.

Какое-то странное чувство вдруг зарождается где-то за брюшиной, беспокойное. С того нашего последнего разговора, Катя больше ни разу не нарушала правил, всегда приходит вовремя, передвигается на такси, без сопровождающих, что не может не радовать, но мне почему-то всё равно сейчас не по себе.

Достаю из кармана мобильник, чтобы просмотреть Катину геолокацию. Пришлось подключать к её телефону отслеживающую программу удалённо, потому что если бы я тупо скачал на её мобильный приложение, она сразу бы его заметила и психанула, уж я то знаю своего Котёнка, так что действовал осторожнее. И нихрена я не чувствую уколов совести. Я её брат и о ней беспокоюсь, это вовсе не из-за того, что я переживаю, что она куда-то умотает с очередным ухажёром. Ну... по большей части не из-за этого.

Смотрю на экран и хмурюсь. Точка с Катиной геопозицией стоит в нашем посёлке, но почему-то не дома, а примерно в километре от него. Может, конечно, она просто опаздывает, и сейчас едет в такси, но в душе начинает как-то гадко скребсти при этом. Не знаю, как это объяснить, кроме как долбанным предчувствием какой-то жопы.

Набираю номер сестры, но вместо её голоса слышу только длинные гудки, снова и снова, пока телефон не скидывается, как пропущенный.

— Твою мать...

— Куда ты, блять, за руль собрался?! — орёт Сивый, выхватывая у меня из рук ключи от машины. — В тебе водки пол литра. Сокол, если ты разобьёшься по дороге или тебя мусора тормознут, поверь, твоей сестре от этого легче не станет.

— И что ты предлагаешь, на такси ехать?! — выплёвываю в ответ, не скрывая сарказма. Бесит, что он на самом деле прав, я не могу так рисковать и садиться за руль, во-первых я выпил и выпил не мало, и хоть я и не чувствую себя бухим, но на нервяке моё внимание за рулём может быть, мягко говоря, слегка рассеянным. А я должен во что бы то ни стало доехать до сестры целым и сделать это как можно скорее. Сердце предательски щемит от паршивого предчувствия, потому что Катя так и не берёт трубку, а точка с её геоданными до сих пор стоит на одном месте.

— Да успокойся ты уже! То что ты сейчас мечешься из угла в угол, как псих, проблемы не решает! Я позвонил Антону, он в клубе сейчас тоже. Трезвый. — делает акцент на последнем слове — Он уже подогнал машину к запасному выходу, ждёт нас на улице. Так что давай, собери мозги в кучку и выходим.

- Нас? — непонимающе таращусь на друга.

— Да, блять, НАС! Ты думаешь я тебя одного в таком состоянии отпущу?

Дорогу преодолеваем в напряжённом молчании. Я всё это время безуспешно пытаюсь дозвониться до сестры, внимательнее изучаю в телефоне карту с её местонахождением и делаю вывод, что она сейчас в лесу сбоку от дороги, ведущей к жилой зоне.

Антон, начальник моей охраны, бросает машину прямо посередине, на парковку времени нет, и оба мужчины вылетают из тачки вслед за мной, но я останавливаю их порыв, крикнув, чтобы оставались на месте. Я не знаю, в каком состоянии сейчас находится Катя, и мне хочется защитить её от чужих глаз, если это потребуется, а с опасностью я способен справиться самостоятельно. Сивый знает это, поэтому не возражает и, удержав Антона за руку, останавливается в паре шагов от машины.

Продираясь сквозь лесные заросли, молюсь только о том, чтобы Катя была где-то рядом. Лес довольно большой, и на поиски сестры может уйти много времени, которого у девочки может не быть. Но буквально спустя несколько минут поисков, моё внимание привлекает сдавленный вскрик и глухой грохот, как будто тело ударилось об землю.

Несясь на звук, готовлю себя к самым страшным картинкам, и даже не смотря на это, всё равно на секунду замираю как вкопанный, достигнув цели.

Катя лежит неподвижно, уткнувшись лицом в мокрую землю. Из одежды на ней только светлые хлопковые трусики, всё тело девочки покрыто грязью, а на голове и открытой части лица я отчётливо вижу следы крови. Согнувшиеся над ней два мудака настолько увлечены добычей, что даже не замечают, моего появления.

Меня трясёт, трясёт настолько сильно, что приходится с силой сжимать зубы, чтобы они, в порыве дикого бешенства, не начали лязгать друг об друга, как у бешеной собаки. Я в буквальном смысле слова ощущаю насколько горячей становится кровь, циркулирующая в моих венах и бьющая в виски, лишаящая последних капель рассудка. В тот момент, когда ушлёпки поднимаются на ноги и начинают расстегивать ширинки на штанах, я уже не думаю ни о чём, ярость застилает разум, словно плотная тёмная накидка, вынимаю из-за пояса

пистолет и шмаляю по очереди обоим тварям по ногам. Мог бы сразу пристрелить, но хочу сделать это собственными руками.

Это даже невозможно передать словами, какое маниакальное удовольствие я получаю, слыша, как хрустят под моими руками шейные позвонки сначала одного ублюдка, а затем и второго. Они даже сказать ничего не успели, только орали, истерично хватаясь за раненные конечности, пока я не заставил их заткнуться навсегда.

Бросив обмякшие тела на землю, падаю на колени рядом с сестрой. Пульс, к счастью, ровный и отчётливый, а значит она просто в отключке. Осторожно переворачиваю её лицом вверх и, на секунду замешкавшись, всё же слегка раздвигаю ей ноги. В том, что Катя девственница, у меня нет никаких сомнений, поэтому облегчённо выдыхаю, не найдя на её белье и внутренней стороне бёдер следов крови. Снимаю с себя куртку, аккуратно укрываю сестру, и беру на руки.

Она приходит в себя, ещё до того, как мы успеваем выйти из леса, мне душу наизнанку выворачивает от её состояния, от слабого голоса, застывших в глазах слёз, которые она из последних усилий пытается сдерживать. Катя делает попытку заглянуть мне за спину, но я не позволяю ей этого сделать, кладу руку на её затылок и крепче прижимаю к своему плечу. Я не хочу, чтобы она знала, что стало с этими уёбками. Она не поймёт этого, станет меня бояться, считать монстром, а я не выдержу страха в её глазах.

Пока едем до дома, Катя засыпает, поэтому я беру её на руки и осторожно вытаскиваю из машины. На самом деле, то что сестра вырубилась в тачке, сейчас мне правда на руку. Нужно как можно быстрее решить вопрос с трупами, и она не должна слышать этого разговора. Я мог бы, конечно в начале отнести её в дом, а потом вернуться и поговорить с Сивым, но я не хочу оставлять её одну, поэтому решаю закрыть этот вопрос прямо сейчас.

— Сокол, твою мать! Ты объяснишь мне, что происходит?! — орёт друг, в конец потеряв терпение, и вылезает из тачки следом за мной.

— Не ори, блять, Игорь! — рычу сквозь зубы, опасаясь, что он разбудит сестру. — Не надо сейчас задавать вопросов. Езжайте с Антоном в лес... Там надо всё почистить. Потом позвонишь мне, доложишь. Здесь я дальше сам.

— Андрей... это то, о чём я думаю? — Сивый не идиот, естественно, он сразу просёк, что произошло. В его глазах я вижу тревогу. Мокрухой его, конечно не напугаешь, я понимаю, что он беспокоится о моей сестре. И не смотря на то, что я по хорошему должен быть ему за это благодарен, единственное что я испытываю сейчас — это злость.

— НЕТ, БЛЯТЬ, ЭТО НЕ ТО!!! — взрываюсь, но моментально беру себя в руки. Поворачиваю голову на лежащую в моих руках Катю, но к счастью мой рёв её не разбудил. Тяжело вздыхаю, стараясь успокоиться, и продолжаю максимально тихо — Просто поезжай в лес и замети следы. Не задавай сейчас вопросов.

Сивый коротко кивает, и, развернувшись, залезает обратно в машину, после чего они с Антоном выезжают с участка.

Мне как будто сердце через мясорубку проворачивают, когда я смотрю, как Катя, свернувшись калачиком плачет на моей постели. Хочется вернуться в этот сраный лес и убить этих уёбков заново, переламывать по очереди все кости в их телах, с садистским удовольствием впитывая в себя их крики до тех пор, пока каждый не испустит свой последний вздох.

Единственное, чем я могу сейчас успокоить сестру — это сказать ей, что самого страшного они сотворить не успели, что я и спешу сделать. Но Катя в начале не верит мне, сомневается, решает, что я пытаюсь её обмануть. Но мне в конечном итоге удаётся убедить её в правдивости своих слов, указав на очевидные доказательства.

Она кричит, плачет, бьёт меня по груди, а я только сижу, прижимая её к себе и ненавижу чувство беспомощности, которое сейчас испытываю. Мне хочется впитать в себя всю её боль, забрать себе, излечить. В висках кувалдой стучит мысль, что это всё, чёрт возьми, моя вина. Я обещал ей защиту, клялся, что её никто больше не посмеет обидеть, и что в итоге?! А в итоге моя сестра сейчас дрожит, лёжа у меня на руках, мокрая, практически голая, грязная, на её лице следы, как минимум от двух ударов, к счастью, не слишком травматичных. Но даже и это не самое страшное, раны заживут, а вот что делать с психикой? Я пока не могу понять, насколько сильно произошедшее сказалось на Катином душевном состоянии, но в любом случае, завтра же я притащу к ней психолога, хочет она этого или нет. Такую херню нельзя замалчивать.

— Катя, нужно сходить в душ и согреться, иначе ты заболеешь. — говорю, ласково поглаживая сестру по спине.

Она героически пытается подняться сама, хотя и ежу понятно, что не сможет. Поражаюсь, что она вообще ещё в сознании, а не свалилась в обморок. Ближайшие дни не позволю ей вставать с постели. Организму нужно восстановиться. Когда Катя обессиленно падает обратно на кровать, подхватываю её на руки и несу в ванну.

Я понимаю, что по хорошему не должен делать это сам. Сестра только что пережила попытку изнасилования, и меньшее, что ей сейчас нужно — это быть раздетой и вымытой мужчиной. Но у меня нет другой альтернативы, в доме нет никого, кроме меня, Мария Ивановна придёт только через два дня, да и какая вообще нахер домработница, если ночь на дворе. В начале Катя пытается слабо сопротивляться, когда я осторожно начинаю снимать с неё свою куртку, но на удивление быстро сдаётся и опускает руки, только крепче закрывает глаза. Я понимаю зачем она это делает, не хочет видеть того, что происходит, старается отгородиться, словно не её я сейчас раздеваю, не с неё снимаю трусики, не её тело бережно намыливаю влажной губкой. И, чёрт возьми, мне больно от её реакции, хотя я и понимаю, что она вполне ожидаемая и абсолютно логичная. Но я так отчаянно хочу, чтобы она доверяла мне, чтобы понимала, что я никогда не причиню ей вреда, не обижу, не сделаю больно. Я вкладываю эти слова в каждое своё действие, хоть и понимаю, что она этого всё равно не почувствует.

Пока отношу сестру обратно в постель, звонит мой телефон, вытаскиваю из кармана и смотрю на дисплей — «Сивый». Говорить при Кате нельзя, она может что-то заподозрить, поэтому выхожу в коридор и уже там снимаю вызов. Не трата время на лишнее, сразу задаю один единственный вопрос, который интересует меня в данный момент:

— Куда вы их оттащили?

— Да никуда мы их не тащили — слышу ровный голос на том конце провода. Игорь говорит совершенно спокойно, как будто я его о погоде спросил. — Чуть поглубже в лес отволокли, вырыли яму, сверху известкой засыпали, землёй, и утрамбовали. Сейчас почва как раз сырая, так что всё ровно будет. Через неделю от жмуриков уже нихрена не останется, а если и останется, будет непригодно даже для ДНК-экспертизы.

— Хорошо. — вздыхаю устало и, немного помедлив, добавляю. — Спасибо, Игорян. И... извини, что психанул тогда у машины.

— Кончай извиняться, чё я мудила конченная по-твоему. — отмахивается друг, а потом уже спрашивает серьёзно. — Как она?

— Нормально в общем и целом, но всё равно надо чтоб врач осмотрел. Можешь мне Барина дома вызвать? И проследи там, чтоб оперативно подъехал.

— Да, сейчас позвоню. А... это... — Сивый мнётся перед тем как задать вопрос, но потом всё же спрашивает — гинекологу звонить?

— Нет. Не надо. — отрезаю.

— Хорошо... Это хорошо. — выдыхает Игорь, и я сбрасываю вызов.

Сунув телефон обратно в карман, возвращаюсь к сестре. Она всё также сидит на кровати, но что-то неуловимо изменилось в её лице, я пока не могу понять что именно, но эти изменения мне определённо не нравятся.

— Катя, мы не поехали в больницу, но тебя всё равно должен осмотреть доктор. Я уже позвонил знакомому врачу, он подъедет в течении получаса...

— С кем ты только что разговаривал по телефону? — сестра обрывает меня на полуслове, и до меня, наконец, доходит, что именно мне не понравилось в её взгляде. Бляяать! Неужели она слышала? Я же вроде достаточно далеко отошёл, до неё не должен был разговор долететь.

— Я разговаривал с врачом, я же сказал тебе — осторожно отвечаю, внимательно следя за её реакцией.

— До врача. — голос сестры начинает дрожать, опускаю взгляд на её пальцы и вижу, как она нервно теревит края одеяла. — Тебе позвонили и ты вышел. И я слышала, что ты спросил у этого человека о том, куда он кого-то оттащил.

Слышала всё-таки...

— Катя, успокойся, тебе нельзя сейчас нервничать. — говорю как можно спокойнее, протягиваю руку к сестре, но она уворачивается и срывается на крик.

— Не надо меня успокаивать! Объясни, что происходит! Почему ты не позволил мне посмотреть себе за спину там в лесу? Что там произошло? Что случилось с теми мужчинами? Ты просил своего друга, чтобы он замёл следы! Я не спала тогда и слышала ваш разговор. Почему ты сказал мне, что их больше нет?! Ответь мне Андрей!

Катю начинает бить в нервной истерике, она вскакивает на кровати, и хватается за ворот моей рубашки, комкает её трясущимися пальчиками, и я вижу как в уголках её глаз начинают скапливаться первые слёзы. Прижимаю сестру к себе в надежде успокоить, пока мой мозг лихорадочно соображает, как выпутываться из этой ситуации. Катя не должна знать правду, это убьёт её. Она должна видеть во мне защиту, а не монстра, коим я в действительности являюсь. Поэтому я выдаю первое, что приходит мне в голову, в надежде, что моя жалкая ложь сработает.

— Успокойся, Катя, тихо, тихо. Тебе нечего бояться, ты поняла меня, маленькая? Когда

я нашёл тебя, один из тех скотов уже тянулся, чтобы стащить с тебя трусы... Я вырубил обоих. Просто вырубил, слышишь меня? Потом взял тебя на руки и понёс к дороге. Назад не давал посмотреть, потому что не хотел, чтобы ты вообще ещё хотя бы один раз увидела их снова. Своего друга я просил, чтобы он подобрал их, пока не очухались, и отвёз в полицию. Он звонил мне только что и сказал, что всё сделал. Когда я говорил тебе, что их больше нет, имел в виду, что в твоей жизни они больше не появятся.

И о чудо! Это срабатывает! Катя начинает потихоньку расслабляться, размыкает побелевшие пальцы и возвращается в постель. А я даже не могу себе позволить выдохнуть облегчённо, потому что боюсь опять вызвать в ней подозрения.

После осмотра врача, укладываю сестру спать, а сам ложусь рядом поверх одеяла. Даже одежду не снимаю, опасаясь того, как она может отреагировать в свете последних событий. Врач вколол ей успокоительное, поэтому очень скоро Катя засыпает, а я всё лежу до самого рассвета, молча уткнувшись лицом в её волосы без конца шепча одно единственное слово «Прости».

Глава 7. Катя

"Людам легче держать на языке раскаленные угли, нежели тайну." Сократ

Надежда — самообман, но это все что у нас есть. Она ходит по рукам, продавая свою честь. Эта лживая тварь пыль пускает в глаза, Исчезая в тот момент, когда она так нужна.

Дельфин

— Андрей, так не может дальше продолжаться! — взмаливаюсь, глядя на рассерженного брата. — Ты уже неделю не выпускаешь меня из дома! С работы заставил уволиться, ладно, я это понимаю. Но и ты меня пойми, если я не буду ходить в институт, как мне вообще учиться дальше?

Брат сидит напротив меня в гостиной с хмурым выражением лица, сложив руки на груди. После нападения, он словно с катушек слетел. Ни на секунду не оставляет меня одну. Либо сам дежурит чуть ли ни под дверью моей спальни, либо приставляет ко мне Марию Ивановну, когда приходится отлучаться на работу, что он делает теперь удивительно редко. Не то, чтобы я была против компании, мне действительно после той ситуации стало как-то не по себе оставаться одной, но опека Андрея переходит уже все мыслимые и не мыслимые границы. На следующий день, после того происшествия, к нам в дом приехал психолог, брат даже слушать не стал мои жалкие протесты, грубо говоря, меня просто заставили с ней пообщаться. Она приходила ещё три дня, после чего, к счастью, сообщила Андрею, что каких-то особых проблем она у меня не видит, и консультации можно прекратить.

Но Андрей на этом, конечно же, не остановился. Работа, само собой, мне больше не светила. На следующее же утро он сам позвонил Кириллу Александровичу и сказал, что в кафе я больше не вернусь, естественно, без объяснения причин. После чего связался с ректором нашего универа, тот, оказывается, был его знакомым, и сказал, что я заболела, и какое-то время посижу дома. Благо, я успела наладить отношения с несколькими ребятами из своей группы, и они согласились присылать мне на электронку конспекты и домашку.

— Я не сказал, что ты вообще не будешь ходить в институт — продолжает хмуриться брат — просто считаю, что тебе рано ещё выходить на учёбу.

— Да почему рано-то? — возмущённо всплёскиваю руками — Андрей, я клянусь тебе, что я в полном порядке! Эти... эти мужчины, к счастью, не успели сделать то, что собирались... их посадят теперь, ты же сам мне сказал, они не останутся безнаказанными. Да, я не отрицаю, я успела перепугаться и очень сильно, но, поверь, недели для меня было вполне достаточно, чтобы прийти в себя. От бесконечного сидения в четырёх стенах мне только хуже, пойми ты, наконец! Даже психолог сказала, что мне нужно как можно скорее социализироваться, чтобы полностью прийти в норму! — привожу последний аргумент, в надежде, что Андрей к нему прислушается.

Брат молчит, буравит меня сердитым взглядом. Видно, что его раздражает этот разговор. За последние несколько дней я уже в сотый раз подхожу к нему с этой темой и каждый раз ответ один — категорическое нет. Но в этот раз я так просто не сдамся. Встаю с кресла и, подойдя к нему ближе, сажусь рядом на диван, легонько касаюсь руки Андрея и заглядываю ему прямо в глаза.

— Андрей, пойми, мне тяжело так. Целыми днями я только и делаю, что сижу в своей

комнате и гоняю эти мысли по кругу с утра до вечера. Мне нужно общение, нужно отвлечься от всего, что произошло, иначе у меня не получится забыть.

Брат поворачивает голову в мою сторону. Какое-то время он просто смотрит на мою руку, сжимающую его кисть, и я уже начинаю думать, что сейчас он мне откажет, но потом черты его лица начинают постепенно смягчаться.

— Хорошо. Завтра можешь пойти в институт — устало вздыхает. — Но я сам буду привозить и увозить тебя. Без меня ни шагу в сторону от универа не делаешь.

— Спасибо, Андрей! Спасибо! — не веря своим ушам, буквально бросаюсь брату в объятия. Он отвечает моментально, хватая меня в охапку и прижимает к себе очень крепко. Так крепко, что мне в какой-то момент становится неловко. Хотя, наши отношения значительно улучшились после того несчастья. Андрей больше не игнорирует меня, даже скорее наоборот, старается как можно больше времени проводить рядом. И он ни разу за всё это время не приводил домой свою Кристину. Мне не хочется в этом признаваться, но я рада, что её здесь нет, хоть и не могу до сих пор даже сама себе объяснить своих эмоций.

А ещё, конечно, мне безумно стыдно за весь этот ужас, который я заставила нас пережить. Конечно, я осознаю, что этот кошмар произошёл исключительно по моей вине. Именно поэтому, когда Андрей на следующее утро сказал, что на работу я больше не вернусь, я не стала возражать. Я готова была на всё что угодно согласиться. Просто повисла у него на шее и в слезах умоляла простить. Реакция брата меня тогда очень удивила. Я ожидала чего угодно, была готова, что он будет на меня кричать, ругать, выговаривать за непослушание. Но никак не ожидала, что вместо всего этого, он крепко сожмёт меня в объятиях, осыпая заплаканное лицо поцелуями, и скажет, что я ни в чём не виновата.

В понедельник утром я уже не могу дождаться момента, когда, наконец, окажусь в стенах университета. Я безумно соскучилась по учёбе, атмосфере, царящей в стенах старинного учебного заведения, по одноклассникам. Я вообще очень люблю учиться, на самом деле. Именно поэтому Маша — подружка-официантка из «Мармелада» в шутку зовёт меня заучкой. Не смотря на то, что я ушла с работы, с Машей и Лёшей мы по-прежнему продолжаем общаться и дружить. Они даже навещали меня несколько раз в доме у брата, когда я «болела». К счастью, Андрей был не против. Правда присутствие в нашей компании Алексея его почему-то напрягало. Когда парень приходил, брат всё время его визита сидел вместе с нами и хмурился. Не знаю, что его не устраивает в Лёхе, у него же буквально на лбу написано, что он совершенно безобидный. Видимо Андрей до сих пор не может отойти от последних событий. Мне кажется, что на нём они сказались даже больше, чем на мне. Хотя и я не легко вышла из этой ситуации. В свою комнату перебралась буквально пару дней назад, а до этого ночевала всё время у Андрея, боялась оставаться одна. Но так или иначе детдомовская закалка сделала своё дело, и я относительно быстро оправилась.

День в университете проходит слишком быстро, и я с горечью думаю о том, что нужно возвращаться обратно домой. За неделю моего больничного, я настолько устала от сидения в четырёх стенах, что хочется как можно больше времени провести на воздухе. Выхожу на улицу и высматриваю среди припаркованных машин внедорожник Андрея, но отчего-то не могу его найти. Странно, брат сегодня утром узнавал во сколько у меня заканчивается последняя пара и сказал, что будет ждать возле института после занятий. Достаяю из кармана мобильный и только теперь замечаю сообщение от Андрея, присланное ещё час назад:

«Катя, задержусь минут на 15. От института ни на шаг!». Должно быть, я его не увидела, потому что выключила звук на время лекций. Что ж, мне же лучше, ещё пятнадцать минут свободы мои. Решаю намотать круг вокруг универа, потому что дальше мне отходить не разрешили, но только делаю шаг вниз по ступенькам, как кто-то сзади кладёт руку на моё плечо. Оборачиваюсь, и вздрагиваю, не поверив своим глазам.

— Ну привет, Катя...

— Оксана? — оборачиваюсь на знакомый голос и вижу перед собой высокую худую девушку. Я знаю её. Это воспитанница детского дома, в котором я жила, мы делили с ней одну палату. Она была нормальной. Мы с ней, конечно, не были подругами, я вообще ни с кем старалась не заводить близких отношений, но и не враждовали. — Ты что здесь делаешь?

— Учусь, очевидно. — улыбается она — Прикинь, повезло поступить на бюджет, сама в шоке. Если честно, не ожидала тебя здесь увидеть. Ты что тоже тут учишься? Странно, семестр начался две недели назад, а мы за это время ни разу не пересеклись.

— Да я же всего неделю отходила, а потом... потом заболела и ушла на больничный. — конечно, я не собираюсь рассказывать настоящую причину своего отсутствия в университете, потому выдаю официальную версию.

Оксана предлагает прогуляться и поболтать, но я говорю, что жду брата и не могу уйти с территории универа, поэтому она составляет мне компанию, и мы прогулочным шагом обходим кругом здание института.

— Значит у брата всё-таки живёшь? — продолжает расспросы Оксана, присаживаясь вместе со мной на скамейку. — Помню-помню его фееричное появление у нас в приюте. Красивый он мужик, конечно... — мечтательно закатывает глаза девчонка — высокий такой, мускулистый, а эти глазаааа... — Оксана улыбается, а мне отчего-то становится не по себе. В груди расплзается неприятное липкое ощущение. Я чувствую, что, от чего-то, начинаю злиться на девушку, хотя она не сделала мне ничего плохого, не сказала ни единого обидного слова. Но когда она начинает воспевать дифирамбы Андрею, мне, от чего-то, хочется дать ей в глаз.

— Слушай — прерываю монолог Оксаны, желая сменить тему разговора — Ты же всё ещё в детском доме жившь?

— Ага. — охотно подхватывает новую тему девушка — мне же восемнадцать только в апреле исполнится, так что пока свободой на горизонте не пахнет.

— Ясно. И как там? Что-нибудь новенькое происходило, с тех пор, как меня забрали? — на самом деле мне не очень интересно говорить о приюте. Это место ассоциируется у меня только с болью, страхом и тотальным одиночеством, но уж лучше говорить об этом, чем позволить Оксане дельше ронять слюни на моего брата. Сама не понимаю, почему меня это так разозлило, но когда девушка начала восхищённо перечислять его достоинства, у меня вдруг появилось непреодолимое желание спрятать Андрея от чужих глаз. Глупость какая-то...

— Да что там может быть интересного, Катя? — грустно отзывается Оксана. — Это же зверинец. Слабых бьют, сильных бояться. Всё как обычно, короче говоря. — пожимает плечами и замолкает. А потом как буд-то внезапно спохватывается. — Правда тут недавно тётка твоя заходила, которая тебя периодически навещала. Как её там, не помню...

— Тётя Люда? — в груди начинает больно щемить. Если честно, я скучаю по нашей соседке. После смерти родителей, она осталась для меня единственным близким человеком. Не бросила, навещала в детском доме, хотя могла махнуть рукой и забыть. И сейчас мне жаль, что я была так груба с ней все эти годы. Специально отталкивала от себя, хамила, часто отказывалась выходить, когда она приходила ко мне в приют. Какая же я всё-таки

была глупая. Странное дело, прошло совсем не много времени, с тех пор как Андрей забрал меня, а кажется, что целая вечность. За это короткое время, я как будто выросла на несколько лет, сейчас я на многие вещи смотрю иначе.

— Да, точно, Люда. — вырывает меня из размышлений Оксана. — Пришла она, в общем, тебя навестить, а заведующая ей и сообщает, что ты тут больше не живёшь. Ну тётка твоя в панику, конечно, сразу. Кто забрал? Куда забрал? Только вот Лариса Аркадьевна ей ничего объяснять не стала. Мол, не имеет права такую информацию сообщать посторонним.

Хочу ещё порасспрашивать девушку о тёте Люде, но Оксана вдруг резко разворачивается в мою сторону. Из её глаз исчезает прежняя непринуждённость, улыбка сходит с лица, и девушка вдруг становится очень серьёзной.

— Катя... — осторожно начинает она, и я вдруг напрягаюсь. Мне становится не по себе от резкой смены её настроения. — А ты слышала, что случилось с Артёмом Быстрым?

От произнесённого имени по телу расползаются неприятные мурашки. Ещё неделю назад мне казалось, что я полностью освободилась от этого человека, но в свете последних событий, произошедших со мной, тень Быстрова нависла надо мной вновь, как и тени других мужчин, имена которых я так и не узнала. Спрашивала у Андрея, как их зовут. Наверняка, он должен это знать, ведь его друг доставил их в участок, должны же были наверно составить протокол, и там были указаны имена нападавших, но брат отказался обсуждать эту тему, сказав, что мне не нужно знать их имён, что я должна забыть этих мужчин и то, как они выглядят.

— Катя. Так слышала или нет? — Оксана повторяет свой вопрос.

— А что с ним случилось? — спрашиваю напряжённо. Мне не по себе от выбранной темы для разговора. Я даже готова вернуться к обсуждению моего брата, лишь бы не говорить об этом человеке, изуродовавшем когда-то мою жизнь и посадившем на таблетки. Но Оксана, очевидно, намерена продолжить разговор.

— В общем, ты же знаешь, слухи по детскому дому расползаются очень быстро. К заведующей в августе приходила полиция, так как Артём был бывшим воспитанником нашего приюта, и, конечно, спустя пару часов о содержании их разговора уже знал весь интернат. — Оксана тараторит так быстро и взволнованно, что я едва разбираю слова. Но мой слух тут же цепляется за слово «полиция». Неужели, он снова напал на какую-то девушку? В голове тут же проносится целый поток суматошных мыслей. Успел ли он сделать с ней что-то плохое или его вовремя остановили? Травмировал ли он её, как меня? Где сейчас эта бедная девушка? Как она? Что чувствует? Как переживает случившееся? Но следующие слова Оксаны повергают меня в полнейший шок.

— На Быстрова напали, представляешь? Прямо в его доме!

— В смысле напали? — смотрю на девушку непонимающими глазами. Я ожидала услышать о том, что это Артём совершил преступление, но не о том, что сам оказался пострадавшим.

— Да вот, в прямом смысле! — продолжает частить Оксана. — Кто-то вломился в его квартиру. Быстрова в начале избили. Причём очень сильно, множество ран, синяков и переломов. Но это ещё не самое страшное... — девушка выдерживает паузу, наблюдая за моей реакцией, а потом продолжает — ему вырезали почку! Представляешь?

Меня начинает трясти, тело прошибает озноб, голова кружится и всё вокруг плывёт. Вырезали почку? Кто вообще способен на такое зверство? В сердце зарождается неприятное чувство, которому я не могу найти никакого объяснения. Не знаю, что именно происходит со мной в этот момент и о чём именно я думаю, в голове просто какой-то сумбур. Но мне чудится какая-то связь в том, что Быстрова лишили почки, как он когда-то, в свою очередь, лишил её и меня. Не в прямом смысле слова, конечно, но работает она теперь очень и очень слабо.

Нет. Бред. Это никак не может быть связано между собой. Прошло почти пять лет с нашего последнего столкновения с Артёмом. Да и вообще, какая между нами может быть связь. Кажется, в связи с последними событиями, у меня просто помутился рассудок, и я уже везде вижу какой-то подвох и потайной смысл.

— Зачем кому-то вырезать человеку почку? — задаю Оксане мучающий меня вопрос. И

тут же сама выдаю логичную, как мне кажется, догадку — Может на чёрном рынке хотели продать?

Ну а что, вполне может быть. Парень детдомовский, семьи нет, родственников тоже...

— Нет. Наверятли. — отрицательно мотает головой девушка. — Хотели бы на чёрном рынке продать, так забрали бы с собой тогда.

— А они что... не забрали?

— В том-то и дело, что нет! — восклицает Оксана, делая большие глаза. — Рядом с ним она валялась. Его собственный пёс её догрызал.

Трясущимися руками поправляю ворот куртки, вмиг почувствовав недостаток кислорода. Мне страшно. Дико страшно. Давящий, панический ужас сдавливает лёгкие, мешая сделать нормальный вдох.

Быстров никто мне. Нет, он больше, чем никто. Он — человек, испортивший мне жизнь. Но, отчего-то, мне становится жутко. История, поведанная мне Оксаной, кажется какой-то страшилкой. словно я попала в фильм ужасов, и имею возможность, погрузившись в большие фантазии режиссёра, наблюдать за происходящим, так сказать, прямо с места событий.

— Он... — прокашливаюсь от внезапного першения в горле. Во рту пересохло от волнения перед вопросом, который я собираюсь задать. — он жив?

Я надеюсь на то, что Быстров сумел выжить. Да, я ненавижу этого человека, презираю всей душой. Но никогда в жизни я не желала ему такой участи. Однако, ответ Оксаны, забирает последнюю надежду на благополучный исход.

— Нет, умер. — резюмирует девушка исход своей истории. — Даже до больнички доехать не успел, в скорой ещё сердце остановилось. Да и не мудрено. У него же, блин, орган наживую вырезали! Удивительно, что он ещё в процессе не того... ноги не протянул...

Между нами повисает тишина. Я вижу по лицу Оксаны, что ей и самой не по себе от этой истории. Она ежится и обнимает себя за плечи, как будто замёрзла. И это понятно. Все видели криминальные телепередачи о маньяках и убийцах по телевизору. Безусловно, сюжеты этих выпусков неприятные и депрессивные, но описанные в них происшествя не вызывают жуткого страха и паники, хотя мы и понимаем, что описанные в них события произошли с реальными людьми. Но эти люди где-то там, далеко от нас, чужие и незнакомые. А вот когда что-то страшное происходит с человеком, которого ты знаешь, вот тогда действительно становится страшно. Невольно начинаешь примирять историю на себя. В такие моменты приходит осознание, что никто ни от чего не застрахован. Что угодно может произойти с кем угодно. В этот момент я в сотый раз думаю о том, как же мне повезло, что в моей ситуации Андрей появился вовремя и спас меня. Я даже боюсь думать о том, что могло бы произойти, не приди он мне на помощь. Скорее всего, меня бы в начале изнасиловали, а потом убили, чтобы заявление в полицию не написала. Ведь я же видела их лица, и к тому же могла указать номер автобуса, в котором мы встретились. Больше, чем уверена, что в таком случае, преступников нашли бы очень быстро.

Мы с Оксаной сидим молча и думаем каждая о своём. Погрузившись в собственные мысли, я не сразу замечаю тень, нависшую надо мной. Перевожу взгляд на Оксану и по её счастливо сияющим глазам сразу понимаю, кто это.

— Андрей...

Гоню машину на предельной скорости, торопясь к институту, где меня уже пол часа дожидается Катя. Я нервничаю из-за того, что опаздываю так сильно, ведь я обещал ей, что задержусь всего на пятнадцать минут, а в идеале рассчитывал приехать ещё раньше. Мне кажется, что нервозность теперь будет моим постоянным спутником в те моменты, когда сестры нет рядом со мной. Чёрт, да я с трудом отпустил её вернуться ночевать в собственную спальню. Хоть и понимал, что не имею права удерживать её в своей. Как бы я это ей объяснил? Долго прикрываться её стрессом после нападения не получилось бы, хотя изначально мои действия и правда были продиктованы исключительно переживаниями об её психическом состоянии. Но мой Котёнок оказалась настоящим борцом. Я даже подумать не мог, что она так быстро придёт в себя. Думал, придётся, как минимум несколько месяцев, посещать психолога, да и вообще опасался, что последствия нанесённой психологической травмы могут так и остаться с ней. Ведь многие жертвы насилия так никогда и не приходят в норму окончательно, оставаясь навсегда травмированными. Но моя Катя, очевидно, не относится к этим «многим». Так что спустя каких-то несколько дней, она твёрдо решила, что готова вернуться в свою комнату. А что я? Мне оставалось только отпустить. И, сука, это было чертовски тяжело. Обнимать её каждую ночь, вдыхать неповторимый, совершенно ни на что не похожий запах её тела, прижимать к себе как можно крепче, когда она, испуганная очередным кошмаром, начинала дрожать во сне, и понимать, что только мои объятия способны дать ей покой. А потом просто взять и отпустить...

Припарковавшись неподалёку от университета, выхожу из машины, оглядываюсь, высматривая Катю среди огромного количества студентов, трущихся возле универа небольшими группками, но сестры среди них не замечаю. На секунду в груди зарождается ничем не обоснованная паника (похоже, мне самому психолог не помешает), но потом думаю о том, что она, должно быть, решила не мёрзнуть на улице, и дожидаться меня в здании. Уже беру в руки телефон, собираясь позвонить сестре, как мой взгляд цепляется за её стройную фигурку. Катя сидит на скамейке, беседуя с какой-то девчонкой примерно своего возраста. На секунду даю себе слабину и позволяю представить как бы это было, если бы Катя была моей. Если бы не существовало никаких запретов, мешающих мне просто подойти, схватить её в охапку и прижаться к её горячим и влажным губам. Жадно вторгнуться в её рот, попробовав на вкус маленький розовый язычок, а после, вернувшись вместе домой, кинуть малышку на кровать и навсегда сделать своей, пропитав её плоть своим соком.

Пока застреваю в собственных мыслях, не сразу понимаю, что успел подойти вплотную к скамейке, на которой сидит сестра, и выныриваю из запретных фантазий только услышав её голос:

— Андрей...

Издаലെка мне было не разглядеть её лица, но сейчас, стоя вплотную к Кате, я начинаю замечать, что она чем-то встревожена. Черты её лица заострены, брови слегка сдвинуты к переносице, Котёнок сидит в напряжённой позе, то и дело покусывая краешек нижней губы. Она всегда, ещё с детства, делает так, когда нервничает. И мне, чёрт возьми, не нравится, что что-то заставило её волноваться.

Перевожу взгляд на Катину собеседницу, предполагая, что та могла стать причиной

— Тебе жаль его? — задаю вопрос, с удивлением заметив едва уловимые слезинки, скопившиеся в уголках глаз сестры.

— Я... я не знаю, Андрей — произносит Катя дрожащим голосом — То есть, я считаю, что никто не заслуживает такой ужасной смерти.

— Он причинил тебе боль, Катя. — обрываю сестру — и несомненно заслуживает всего, что с ним случилось.

Сестра замолкает уставившись на меня широко раскрытыми от удивления глазами, а мне в тот момент хочется самому себе вьебать. Не надо было ей этого говорить. Теперь она может начать меня бояться, посчитав жестоким и бесчеловечным. Да, возможно так оно и есть. Но только не по отношению к ней. И меньше всего на свете мне хотелось бы однажды увидеть страх в глазах своей сестры, когда она будет смотреть на меня.

— Да, он причинил мне боль — говорит Катя решительным голосом, взяв себя в руки. — Но он за это уже поплатился. — и, на секунду замолчав, добавляет — По закону. А то, что сотворили эти люди, или этот человек, это чудовищно. Только звери могли поступить так.

Катины слова, словно кипяток, проливаются на моё сердце, ошпаривая его, и нанося, тем самым, глубокую рану. Вот оно. То, чего я боялся. Она считает меня зверем, безжалостным животным. Точнее, она говорит это о человеке, убившем Быстрова. Но ведь это и есть я. Что будет, если она узнает? Несомненно, она никогда не сможет меня за это простить. А значит мне остаётся только одно — сделать всё возможное, чтобы она никогда этого не узнала.

Нехотя разлепляю глаза, шурясь от солнца, бьющего через незакрытую штору прямо мне в лицо. Опять я забыла задвинуть эти чёртовы занавески. Каждое утро ругаю себя за это, божась, что уж сегодня точно не забуду закрыть, и каждое утро всё повторяется по новой. Хоть напоминалку ставь на телефон...

Хотя, с другой стороны, это неудобство помогает мне не залёживаться в постели и быстрее подниматься на встречу новому дню. Я вообще не любитель поваляться. Во мне всегда, с самого детства было море энергии, и гасить её, проводя пол дня в кровати, для меня настоящее кошунство.

Но сегодня мне совсем не хочется вставать. Если бы я могла, то проспала бы весь этот день, чтобы он как можно быстрее закончился.

Да, определённно сегодня самый худший день в году, потому что сегодня — мой день рождения.

Раньше я любила этот праздник. Когда-то очень давно. Кажется, как будто это было в прошлой жизни. Тогда мама с папой были ещё живы, и Андрей всегда был рядом. Между нами не было недомолвок и непонимания, горечи обид и боли неверно принятых решений. Всё было легко и просто.

Потом, позднее, оказавшись в детском доме, из меня с корнями вышибли все положительные эмоции, связанные с этим днём, вдолбив в мою голову поистине правдивую фразу, спетую когда-то Игорем Николаевым о том, что день рождения — грустный праздник.

В общем, свешивая ноги с кровати, я думаю только о том, на сколько дерьмовый день меня сегодня ждёт, и как оказалось в итоге, мои мысли были пророческими.

Хотя, тогда я этого ещё не знала, и просто пребывала в привычно плохом настроении, неизменно сопровождавшем меня в этот день на протяжении вот уже почти двенадцати лет.

Находясь глубоко в своих мыслях, я не сразу замечаю, что нахожусь в комнате не одна, и поэтому резко дёргаюсь от ощущения того, что к моим ногам прикасается что-то тёплое, мягкое и... живое.

Взвизгнув от неожиданности, подтягиваю ступни на кровать, прижав их к себе, и осторожно смотрю вниз. И тут же на место страху приходит щемящая душу радость. Возле моих ног сидит маленький щенок породы джек-рассел.

— Ты что тут делаешь, малыш? — не веря своим глазам, тянусь руками к мягкому комочку и прижимаю к груди. Трясущимися от волнения пальцами, прикасаюсь к красной ленточке, повязанной на его шее вместо ободка, к которой прицеплена маленькая открытка в форме сердечка, больше похожая на валентинку. В открытке нет печатного текста, только три слова, выведенные от руки «С Днём Рождения». Я сразу узнаю эту размашистую букву «Д». Нет никаких сомнений в личности отправителя.

Вскакиваю с кровати, осторожно положив щенка на мягкое одеяло, и со всех ног несусь в спальню брата. Андрей ещё в кровати. Увидев меня, неуверенно улыбается, гадает, наверно, понравился ли мне подарок.

— С днём рождения, красотка. — слышу его, слегка охрипший спросонья голос.

И этот его взгляд, полный искренней заботы, эта слегка смущённая интонация, с которой он произносит поздравление, словно становятся последней каплей в моём

сопротивлении. Поддавшись порыву, я с разбегу налетаю на Андрея, буквально повалившись на него сверху в его же кровати. Крепко обхватываю руками за шею, уткнувшись лицом в плечо брата.

Господи, какая же я была дура. Всё что-то доказывала ему, сопротивлялась, спорила. Тогда как всё, что делал Андрей всё это время — это заботился обо мне. Вмиг все мои прежние обиды начинают казаться каким-то идиотским бредом маленького капризного ребёнка. Он не бросил меня, хотя мог это сделать. Как только узнал, что я нахожусь в детском доме, тут же примчался и забрал, терпел все мои выходки и откровенную агрессию в свой адрес, кормил, одевал, спас меня от изнасилования, в конце концов...

Чувство стыда за свои поступки буквально разрывает меня на куски, пока я всем телом вжимаюсь в грудь брата. Меня терзают странные ощущения. Хочется раствориться в нём, слиться воедино. Меня раздражает одеяло, находящееся между нами. Хочется откинуть его, чтобы между нами не осталось никаких преград — только мы, только наши тела, тесно прижатые друг к другу... Боже! Какой бред творится в моей голове!

Не успеваю я толком испугаться своих мыслей, как Андрей выходит из первичного оцепенения и обхватывает меня руками за талию.

Рывок, и я оказываюсь на спине, а брат нависает сверху, придавливая меня своим телом к матрасу.

Всё происходит настолько быстро, что я даже не успеваю опомниться, когда руки Андрея проскальзывают под мою майку, и я чувствую его горячие пальцы на своей голой плоти. Мне кажется, что жар его тела передаётся и мне, потому что я начинаю ощущать, как горит моя кожа от его прикосновений. Мы словно наэлектризованы, и я буквально ощущаю лёгкие удары тока, в тех местах, где Андрей дотрагивается до меня.

Мучительно медленно руки брата поднимаются выше, буквально пару миллиметров не доходя до груди, но я чувствую, как соски тут же напрягаются, а внизу живота снова скручивается этот тугий узел, как тогда, в моей спальне, когда, усадив меня на комод, Андрей примерно также блуждал руками по моему телу. Тогда мне казалось, что он делает это в порыве паники и злости из-за того, что меня в дом привёз незнакомый ему мужчина, что таким, возможно странным поведением, Андрей выплёскивает негативные эмоции. Но сейчас я, кажется, не сделала ничего плохого, и не могу понять неожиданной смены настроения брата.

Его дыхание становится тяжёлым и рваным. Одеяло, кстати, нам больше не мешает, потому что Андрей откинул его на пол, пока менял нас местами. Поэтому, в данную минуту, я всем своим телом чувствую, как напрягаются мышцы его пресса.

Всё происходящее кажется мне каким-то странным, и по хорошему, я чувствую, что должна это прекратить. Но отчего-то продолжаю лежать без движения, положив руки на плечи Андрея. Я снова ощущаю эту болезненную пульсацию между своих бёдер. Всё моё тело напряжено до предела и мне хочется получить освобождение, расслабиться, но я не знаю, как это сделать. Эти чувства для меня странные и новые, я никогда не испытывала таких прежде, ни разу в своей жизни. Только с Андреем.

Сердце разгоняется до бешеного ритма, я даже ощущаю, как пульсирует венка на моей шее. В голове зарождается чувство неправильности происходящего, но волны жара, проходящие по моему телу, смывают эту мысль на стадии зачатка.

Пальцы Андрея аккуратно проходятся по моим рёбрам, слегка задевая подушечками нижние полушария голой груди, и я вздрагиваю всем телом, невольно выгнувшись в

пояснице. От чего ещё сильнее прижимаюсь животом к торсу брата.

Андрей утыкается лбом в ложбинку между моим плечом и горлом и издаёт странный звук, напоминающий мне рык дикого зверя. Я чувствую, как он немного перемещает руки и сковывает моё тело в стальной хватке, не дающей мне пошевелиться.

— Только не двигайся. — слышу шипящий шёпот и горячее дыхание, опаляющее тонкую кожу на моей шее, от которого лежать без движения становится вовсе невыносимо. Всё же совершаю слабую попытку пошевелить бёдрами, от чего Андрей ещё сильнее вонзается в мою кожу пальцами. — Катя. Полежи. Спокойно. Прошу. — отрывистые и несколько несдержанные слова брата невольнo заставляют повиноваться, и я замираю.

Андрей какое-то время тоже лежит неподвижно, успокаивая тяжёлое дыхание. Но я всё равно ощущаю, как при каждом вздохе его грудная клетка дотрагивается до моей груди, задевая непривычно чувствительные соски, от которых разряд тока простреливает прямоком в низ живота.

Я думаю, что сейчас брат встанет и отпустит меня, но вместо этого он прикасается губами к моему горлу, в том самом месте, где отчаянно пульсирует вена. Узел в животе, практически достигает своего предела в тот момент, когда губы Андрея приоткрываются, и я чувствую влажный горячий язык на своей коже. Между ног начинает ныть и тянуть, и я, пытаясь успокоиться, со всей силой впиваюсь ногтями в плечи брата. Мне кажется, что ещё чуть-чуть, и моё тело разлетится на миллионы кусочков, я чувствую, что приближаюсь к чему-то, но не могу идентифицировать это ощущение. И в тот момент, когда пульсация между бёдер достигает своего предела, Андрей вдруг резко отстраняется и, за пару шагов преодолев расстояние до двери, стремительно вылетает из комнаты.

Девочки, да, Катя у нас настолько наивная и не зрелая, что вообще не вдупляет ситуацию)) напоминаю вам, это книга, а не жизнь)) и некоторые моменты и характерные черты героев я гипертрофирую в угоду сюжету) так что не судите строго))

И ещё) Ваша поддержка меня БЕЗУМНО вдохновляет) СПАСИБО вам, мои дорогие и любимые девочки!)

С любовью, ваша Полина♥□

Из коридора слышится шум воды. Очевидно, Андрей отправился в душ. А я всё лежу на его простынях, стараясь унять пожар, бушующий в моём теле. Грудь болезненно ноет, а промежность сводит мучительными спазмами.

Меня чертовски смущают эти ощущения, неизвестного мне происхождения. Внутренний голос подсказывает, что так не должно быть. Но я всё равно не могу понять, что именно во всём этом не так, и почему я впринципе всё это испытываю.

Анализирую произошедшую только что ситуацию и окончательно убеждаю себя в том, что ничего не правильного, по сути, не произошло. Я пришла к брату, чтобы поблагодарить его за подарок. Ну да, я залезла к нему в кровать и обняла. Но что в этом такого, в конце концов? Я маленькая тысячу раз так делала. И не только по праздникам. Любой повод выдумывала, чтобы с братом спать остаться, потому что жутко боялась темноты, а с Андреем мне всегда было спокойно.

Так, с этим разобрались. Поехали дальше тогда. А дальше, между прочим, ничего сверхъестественного тоже не случилось. Брат перевернул меня и поцеловал. Ну и что с того? Просунул руки мне под майку? И что в этом такого? Он меня что, за грудь лапал? Или ещё куда этими руками лез? Нет, не было такого. И поцеловал он меня всего лишь в шею, не в засос же, в самом деле. Брату не запрещено целовать сестру. Целуются же родственники в щёку, к примеру. Чем шея-то хуже?

В итоге, прихожу к выводу, что ничего противозаконного или ненормального не случилось, свои ощущения при этом при всём задвигаю куда подальше, словно их и не было просто. В итоге картинка складывается вполне себе целомудренная, что полностью меня устраивает.

Тогда я ещё не понимала, насколько наивной душой я была всё это время, и не догадывалась о том, что в ближайшее время мне придётся резко повзрослеть.

Погрузившись глубоко в рассуждения, не замечаю, как Андрей возвращается в спальню. Поднимаю на него затуманенный одолевающими раздумьями взгляд. Из одежды на нём только чёрные боксеры, грудь слегка влажная после душа. Ненароком замечаю, что его плечи исполасованы красными царапинами от моих ногтей, которыми я впивалась в него всего десять минут назад.

Мне становится неловко от того, что я сделала, и я чувствую, как при взгляде на оставленные на теле Андрея следы, мои щёки начинают гореть, густо заливаясь румянцем.

И всё-таки что-то странное со мной однозначно происходит, потому что вместо того, чтобы сказать хоть что-то, я тупо пялюсь на голый торс брата, перевожу взгляд на его подтянутый живот, кажется даже пересчитываю все кубики на его прессе, а потом вздрагиваю, потому что Андрей неожиданно прерывает моё помешательство.

— Я, конечно понимаю, что у тебя сегодня день рождения, но занятия никто не отменял. — поднимаю глаза на лицо брата. Он улыбается, но улыбка кажется мне какой-то неестественной, словно он её из себя выдавливает.

Хочу что-то сказать, но неожиданно между дверью и ногами Андрея протискивается сначала маленький чёрный нос, а потом и весь щенок проскальзывает в комнату, весело виляя хвостом.

Тут же подсакиваю с кровати и сгребая своей подарок в охапку, теснее прижимая к груди.

— Андрей! Спасибо тебе большое! Это лучший подарок! — пишу от счастья, не в силах совладать с переполняющими меня эмоциями. Я мечтала о собаке, сколько себя помню. Но у папы была аллергия на животных и нам с братом не разрешали заводить питомцев. Помню, когда мне было пять лет, я решилась на отчаянный шаг и написала письмо Деду Морозу, чтобы он избавил отца от его болезни и подарил мне на новый год пёсика. Старик, конечно исполнил моё желание, но не так, как я того ожидала.

Как я тогда рыдала, когда под ёлкой вместо живого пса меня ждала плюшевая игрушка. Андрей тогда пообещал мне, что, когда мы с ним вырастим, и будем жить отдельно, он обязательно подарит мне настоящего щеночка.

Кстати, когда мы с братом в детстве представляли нашу с ним взрослую жизнь, совместное проживание всегда было само собой разумеющимся для нас обоих. Это даже не обсуждалось. В наших фантазиях мы вырастали и переезжали от родителей в нашу с братом отдельную квартиру, в которой могли делать всё что хотим. От этих воспоминаний больно сжимается сердце, потому что осуществление нашей с Андреем мечты далось слишком тяжёлыми потерями. Мама с папой больше нет, и их нам никто не вернёт. Я не знаю, скорбит ли брат также сильно, как и я. К сожалению, в нашей семье двоих детей воспитывали и любили совершенно по-разному. Но мне всё равно горько. Я так и не смогла оправиться от этой потери. Теперь у меня остался только Андрей. Если я и его когда-нибудь потеряю... снова... боюсь, второго раза я просто не выдержу. Это меня убьёт.

— Кааааать. — слышу голос брата у самого уха, и выхожу из оцепенения — ты чего приуныла? Что-то не так? — взгляд Андрея из подозрительного вдруг становится каким-то испуганным, что не мало меня удивляет — Катя, я что-то сделал не так? Тебе что-то показалось странным? Я испугал тебя? Только скажи, и мы это обсудим. Не молчи.

Чего? Что за бред он вообще несёт? Чем он мог меня испугать?

— Нет, ты что! — тороплюсь успокоить брата и тут же перевожу тему, сторонясь поднимать разговоры о родителях. Мы с братом никогда не обсуждаем маму и папу. По молчаливой договорённости для нас эта тема стала вроде табу. — Я просто задумалась, как нам назвать нашего щенка. Может, подкинешь пару идей?

— Щенок не наш, а твой. — поднимает одну бровь брат. — Даже не надейся, что я стану выгуливать твою псину. Поэтому и кличку своему подарку тоже ты сама придумывай. Потому что мне кроме Шарика и Бобика на ум ничего не приходит.

— Фу. — брезгливо морщит нос от предложенных братом кличек — Что за пошлая банальщина. Мы назовём его Майло.

— Как пса из фильма «Маска»? — Андрей иронично искривляет одну бровь — то есть это не банальщина по-твоему?

— Нет! — решительно вздёргиваю подбородок — Это дань классике!

(прим. автора. Андрей подарила Кате щенка породы джек-рассел. Собака такой же породы была у Стенли Ипкиса — главного героя фильма "Маска", которого сыграл Джим Керри)

На завтрак Андрей вызывается сам испечь мне блины, заявляя, что имениннице не гоже стоять у плиты в свой день рождения. Как вы понимаете, в институт я уезжаю голодная и на такси, потому что Андрей остаётся дома проветривать кухню от дыма и отмывать

сковородку от начисто сгоревших остатков теста. Ну и ещё Майло надо будет выгулять, потому что пока Андрей поганил блинчики прошло много времени, и я погулять с псом уже не успевала.

До еды я, в итоге, дорываюсь только в обед между парами. Поэтому сгребаю себе на поднос всё, до чего только могу дотянуться, и, достигнув столика, набрасываюсь на свою добычу, как голодный волкодав.

И, между прочим, мой вынужденный голод приходится очень кстати. Потому что, старательно пережёвывая курицу, мне удаётся хоть как-то абстрагироваться от голоса Оксаны, сидящей напротив меня и безостановочно болтающей о моём брате.

— Нет, ну что за мужик, а! — мечтательно закатывает глаза к потолку — Да у меня яичники готовы лопнуть от одного его вида!

У меня чуть курица не тем горлом не пошла от её высказывания.

— Оксан, а ничего что ты это мне говоришь? — сердито кошусь в сторону девушки — Я, вообще-то его сестра.

— И что с того? — непонимающе смотрит на меня подруга — Ты ж сестра, а не девушка.

Внутри неприятно колит от её слов. Сжимаю вилку до побелевших костяшек, изо всех сил уговаривая себя не ткнуть этой самой вилкой Оксане в глаз.

— А с того... что мне может быть противно слушать как у тебя там и что на него лопаются! — под конец фразы, не удержавшись, повышаю голос, и студенты за соседними столиками начинают подозрительно коситься в нашу сторону.

К счастью, внимание окружающих несколько охлаждает пыл Оксаны, и мы закрываем тему моего брата.

Как на зло, пар на сегодняшний день назначили под завязку, и к дому я подъезжаю, когда уже вечерет. Ещё в институте Андрей прислал смс-ку, что не сможет забрать меня, потому что у него появились какие-то неотложные дела. Меня это слегка расстраивает, потому что мне хотелось провести этот день с ним вместе. Но я с трепетом думаю о том, что когда открою дверь, на пороге меня будит встречать мой Майло.

Однако, подойдя к дому, замечаю, что свет в гостиной всё-таки горит. Странно, Андрей что не уехал? А может я его не правильно поняла и неотложные дела у него были прямо дома?

Открываю дверь и тут же слышу слаженный хор, скандирующий «С Днём Рождения», и так три раза.

Боже мой! Я не верю, что Андрей сделал это всё для меня. Изо всех сил сдерживаю подступающий к горлу комок, переводя взгляд с одного гостя на другого. О таком празднике я могла только мечтать. Брат пригласил всех только самых близких. Марию Ивановну, Машку, даже Лёху позвал, как ни странно. Но взгляд мой цепляется за фигуру женщины, скромно стоящую чуть в отдалении от остальных. Непроизвольно охаю, не в силах поверить своим глазам.

— Тётя Люда! — из моего рта вылетает удивлённый возглас, и я буквально бросаюсь в объятия женщины.

Тётя Люда плачет, прижимая меня к себе, гладит мои волосы, целует в макушку, без конца повторяя, как она по мне соскучилась.

Если честно, и я очень сильно скучала. Даже не подозревала на сколько, пока не

увидела женщину здесь, в доме Андрея. Я теснее прижимаюсь к тётке Люде, вдыхая запах её духов, которые стали для меня такими родными с тех пор, как не стало моей мамы. Даже не замечаю, как из глаз начинают литься предательские слёзы.

— Ну всё, моя девочка, всё. — шепчет женщина, вытирая мои мокрые щёки — Тебе сегодня ни за что нельзя плакать, солнышко. Сегодня праздник, и мы будем улыбаться.

Когда гости, наконец, расходятся, подхожу к Андрею и обхватываю его руками вокруг живота, уткнувшись носом в его грудь.

— Спасибо тебе. — произношу куда-то в рубашку брата, отчего-то стесняясь поднять глаза. — Это самый лучший день рождения.

Андрей обхватывает руками мои щёки, заставляя поднять лицо вверх и молча целует в нос, а потом зарывается руками в мои волосы, сильнее прижимая к себе.

Мне нравится вот так стоять с ним, обнявшись. В душе становится тепло и спокойно, когда Андрей рядом со мной. Кажется, что в целом мире кроме нас никого больше не существует.

Невольно задумываюсь, такие ли чувства я испытывала, когда мы с братом были детьми. И, от чего-то, мне кажется, что всё тогда было иначе. То есть теплоту и спокойствие я, пожалуй, всегда с ним испытывала. Но сейчас как будто что-то неуловимо изменилось. Андрей молчит, и мне кажется, что он тоже погружён в какие-то свои мысли. Мне хочется узнать, о чём он думает, но я не решаюсь спросить.

Из раздумий нас выводит голос тёти Люды, оставшейся ненадолго, чтобы помочь прибраться дом после гостей.

— Господи, Катенька, какая же ты всё-таки стала взрослая! — глаза женщины вновь увлажняются, когда она смотрит на меня. Сейчас я понимаю, что она меня любит и всё это время делала всё, что было в её силах, чтобы хоть как-то мне помогать. И мне ужасно стыдно за то, как я вела себя все эти годы.

— Уже восемнадцать! — продолжает, тем временем, всплёскивать руками тётя Люда — Ну как же быстро летит время!

— Андрюша, мальчик мой, какой же ты всё-таки молодец, что забрал нашу Катеньку к себе! — продолжает женщина, подняв на Андрея благодарный взгляд — Это поступок настоящего мужчины!

— Да ну вы уж, не преувеличивайте, тётя Люда... — брат удивлённо вскидывает бровь, слегка обескураженный таким восхищением в глазах женщины.

— Нет уж, знаешь. — возражает та — Не каждый станет поддерживать родственные отношения с девочкой, которая ему в действительности вовсе не сестра. И уж тем более не каждый заберёт к себе в дом на воспитание сироту, при том, что она ему, даже не родственница.

На целую минуту в комнате повисает гробовая тишина, в которой гулким эхом отдаётся бешеный стук моего сердца, со всего размаху бьющегося о рёбра, которые, кажется, даже начинают болеть.

Давящее на перепонки молчание, прерывается грубым голосом Андрея.

— Что Вы сейчас сказали?!

Больше книг на сайте - Knigoed.net